

ДЕТИ АНТАРКТИДЫ

ЛЕД И ВОЛНЫ

ДАНИИЛ КОРНАКОВ

Дети Антарктиды

Даниил Корнаков

Дети Антарктиды. Лёд и волны

«Автор»

2023

Корнаков Д.

Дети Антарктиды. Лёд и волны / Д. Корнаков — «Автор»,
2023 — (Дети Антарктиды)

Недалекое будущее. Земля пала под натиском роя инопланетных захватчиков, вынудив остатки человечества бежать в Антарктиду. Шестой континент оказался непреодолимым для полчищ вторженцев из-за их непереносимости низкой температуры. Шли годы, люди с трудом смогли приспособиться к условиям в суровом крае и организовать отряды «собирателей» – смельчаков, которые совершают рейды на захваченные пришельцами континенты в поисках необходимых для выживания ресурсов. Когда-то Матвей Беляев был одним из таких собирателей, лучшим в своем деле, но произошедшая в последней вылазке трагедия вынудила его отойти от дел. Однако, когда на кону встало выживание родной станции «Восток», Матвей решает взяться за старое и стать проводником в смертельно опасной экспедиции до Москвы. Впереди тяжелый путь через ледяные пустыни и штормовые моря, прямиком в опасные земли, кишачие инопланетными тварями. И лишь от опыта Матвея зависит жизнь его спутников...

© Корнаков Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Ретроспектива	9
Глава 1. Восточники	13
Глава 2. Разные поколения	21
Глава 3. Чужаки	29
Глава 4. Сделка	35
Глава 5. Клятва	45
Глава 6. Доброе дело	51
Глава 7. Ледник Берд	62
Глава 8. Старый друг	74
Глава 9. «Берлога»	87
Глава 10. Безумие	98
Глава 11. Цена свободы	107
Глава 12. Убить сержанта	118
Глава 13. Начало пути	128
Глава 14. Братство	136
Глава 15. Пленник	148
Глава 16. Эхо прошлого	156
Глава 17. Дьявол	166
Глава 18. Ни звука	178
Глава 19. Копье	191

Даниил Корнаков

Дети Антарктиды. Лёд и волны

Пролог

*Меж снежных трещин иногда
Угрюмый свет блеснёт:
Ни человека, ни зверей, —
Повсюду только лёд.*

*Отсюда лёд, оттуда лёд,
Вверху и в глубине,
Трещит, ломается, гремит.
Как звуки в тяжком сне.*

(Сэмюэл Тейлор Кольридж «Сказание о старом мореходе»)

18 января 2093 года

Громкий стук в окно выдернул его из дрёмы.

– Матвей, просыпайся! Быстрее!

Мужчина встряхнул головой, стараясь прогнать остатки сна. Смотрелся он неважно: чёрная борода взъерошена, лицо измождённое, под глазами мешки, взгляд – как у старика. И хоть было ему всего тридцать семь, выглядел Матвей на все пятьдесят.

– Ну, где ты там?! – пыталась разглядеть его сквозь заиндевелое стекло курносая девушка с каштановыми волосами. Её молоденькое лицо покраснело от мороза, а во взгляде чувствовался какой-то страх.

Матвей направился в переходный тамбур и, приоткрыв дверь на улицу, спросил:

– Арина? Что случилось?

– Склад... Там, кажется, склад горит!

Сон как рукой сняло. Матвей метнулся в комнату и стал судорожно одеваться.

– Давно горит? – спросил он вошедшую следом Арину, натягивая меховые унты.

– Мне откуда знать? Я шла к тебе, а на подходе заметила огромный столб дыма с западной стороны, как раз там, где склад, – она развела руками. – Я и бегом к тебе.

– Пошли.

Набросив парку из тюленьей шкуры, Матвей открыл дверь и выскочил наружу. В лицо ударил жгучий мороз. Даже не верилось, что при таком холоде что-то способно гореть.

Небо было на редкость чистое, без единого облачка, и только едкий, чёрный дым, идущий с окраины станции, застилал девственную синеву.

Парочка уже бежала по узеньким улочкам среди жилых модулей, когда на станции раздался сигнал тревоги. Все восточники сначала с любопытством уставились в окна, а затем, спотыкаясь, стали выбегать наружу. Люди тащили с собой вёдра, кастрюли, кружки, одним словом, всё то, что могло бы помочь в борьбе с пожаром.

Матвей и Арина миновали рынок с плотным навесом из китовых и тюленьих шкур. На брошенных прилавках остались разные примочки с большой земли, рыба и так называемый

«китовый набор» в виде ворвани¹, спермацета² и костей. По крайней мере, это всё, за что успел зацепиться взглядом Матвей, лавируя между торговых рядов.

После они свернули к старинному зимовочному комплексу с рисунком триколора и через минуту оказались на месте разворачивающейся трагедии.

Около половины склада успело сгореть полностью. Что означало сокращение суточного рациона, как минимум, наполовину, если не больше. И это накануне зимы.

Пожар совсем скоро грозил превратиться в форменное пожарище. Языки пламени напояли когти взбесившегося зверя, желающего вырваться на волю. От сильного жара и гари слезились глаза, вынуждая то и дело тянуть руку к лицу.

Большинство людей, видимо, смирившись с неизбежным, наблюдало за происходящей катастрофой, словно в оцепенении. Их полные непонимания взгляды бегали по сторонам. Никто не знал, как следует поступать в подобной ситуации. Оно и понятно: огонь на ледяном континенте в диковинку, а пожар – так и вовсе явление крайне редкое.

Но всё же среди толпы были и те, кто не растерялся, не поддался панике. Они черпали принесёнными вёдрами снег и кидали его в огонь. Правда, со стороны всё это предприятие выглядело крайне бестолково. Какие тут вёдра со снегом против подобного пожара?

– Матвей! – окликнул полярника запыхавшийся мужчина с ведром в руке. Видно, Олег Викторович и сам только-только сюда прибыл. Мельком взглянув на Матвея, староста станции переключил всё своё внимание на набиравший силу пожар. – Как же мы эту заразу да одним-то снегом... – прошептал он в отчаянии.

Олег Викторович стоял как заледенелый, будучи не в силах и пальцем пошевелить. Матвей понял, что помощи от него не дождёшься, и самолично принял на себя командование незанятой толпой.

– Ну, чего встали?! – закричал он на тех, кто не решался подойти к пожару. – Живее, живее, за снегом далеко идти не надо!

Желая пристыдить их, Матвей выхватил ведро у одного из стоящих столбом мужиков и храбро ринулся к огню.

– Разом! Вместе!

Арина тут же последовала его примеру, а там подтянулись и все остальные. У кого не имелось ёмкости, те прямо руками бросали в пламя пригоршни снега.

Со станции постепенно подтягивался народ. Громыхали вёдра, шипел кинутый в пламя снег, да только огонь и не думал отступать.

Вскоре Матвей понял, что так пожар им точно не победить и следует сосредоточить все силы на спасении содержимого склада.

Немного подумав, он отправил тридцать человек к южной части склада для сдерживания огня. Сам с остальными, коих набралось двадцать мужиков, побежал к заднему входу здания вытаскивать собранную за последние четыре месяца провизию, пока её не сожрало пламя.

– Арина, ты куда?! – Матвей заметил, как его подопечная дала дёру от пожара.

– Я вездеход подгоню для погрузки. Подальше от пожара всё отвезём!

– Верно мыслишь, давай скорее!

Девушка довольно улыбнулась от наполняющей её гордости – любит она, когда её хвалят – и побежала, не преминув навернуться на первом же попавшемся сугробе.

К Матвею подоспел запыхавшийся староста:

– Ты зачем туда людей отправил? Тушить же надо!

– Да бесполезно это, не потушим мы здесь ничего.

¹ **Ворвань** – жидкий жир, добываемый из сала морских млекопитающих. Используется при производстве сыромятной кожи и замши, также идёт на смазочные материалы и горючее, такие, как масляная лампа.

² Спермацет – воскообразное вещество, содержащееся в голове кашалота, может использоваться для изготовления свечей, масляных ламп и смазочных материалов

– Как это?

– Да вот так вот, Олег Викторович. Нет у нас больше склада. Забудьте. Вытаскивать оттуда надо всё, что можно, иначе зимой без жратвы совсем останемся.

Не желая тратить время на болтовню, Матвей натянул воротник свитера на нос и присоединился к спасающим со склада провизию братьям и сёстрам.

Внутри помещения его обдало жаром. Отовсюду раздавался треск и поскрипывание дерева. В нос ударил отвратительный химический запах, от которого резало в глазах. Скорее всего, источником вони было горящее стекловолокно, которое использовали в качестве материала для строительства склада пятьдесят лет назад.

– Так. Вы, пятеро – вскрывайте яму! Остальные – тащите всё из холодильников. Сбрасывайте провизию на улице, подальше от входа. Дальше внутрь не заходить! К огню не приближаемся! – скомандовал Матвей.

Наблюдать за тем, как огонь пожирает собранные с таким трудом за год запасы, было невыносимо. Большую их часть составляла ставрида с клыкачами, пойманными у восточных берегов и предварительно замороженными для последующего хранения. Правда, львиную долю рыбы всё же пришлось выкупать у мирняков (жителей станции Мирный), живущих рядом с океаном. Им же, немногочисленным обитателям станции Восток, увы, рыбалка была недоступна из-за отдалённости берега от станции.

Имелась также замороженная картошка, выращенная на ферме в одном из контейнеров, оставленных здесь в количестве трёх штук задолго до Вторжения. Были ещё огурцы, помидоры и морковь, выкупленная у китайцев со станции Куньлунь. Всё это хранилось в отдельных отсеках холодильников при необходимой температуре. Часть овощей съедали, остальное шло про запас с целью пережить полярную зиму, которая тянулась шесть долгих, опасных и невыносимо скучных месяцев.

Было на складе и немного пеммикана³ из тюленьего мяса. Матвей его страшно не любил. На вкус – дрянь редкостная, да и соли для его хранения добыть – целая морока. Но иногда всё же ел этот концентрат через не могу, как-никак в нём много жира, а жир в Антарктиде стоит на втором месте по ценности после ватт.

Немного опоздав, объявился двухметровый Йован с огромными волосатыми ручищами. Не дожидаясь указаний, он стиснул набитый овощами холодильник в своих медвежьих объятиях и, вместо его разгрузки, поволок тяжёлую бандуру к выходу. Матвей поспешил ему на выручку, подхватив холодильник с другой стороны.

– Ну, что? Доброго утречка, что ли, Матюш? – сквозь зубы проговорил здоровяк, встретившись с ним взглядом.

– Да куда уж добрее, – отшутился тот в ответ.

– А я ещё думаю, чего это палёным так завоняло? Вроде, не твоя смена на кухне сегодня... А тут вон оно что!

Йован всегда находил место и время, чтобы отпустить шутку, даже если та была совершенно неуместной и глупой.

Пока одна группа вытаскивала всё из холодильников, другая, к которой присоединился Матвей, на раз-два подняла огромную крышку, прикрывающую морозильную яму в полу. Внутри ледника было полно мишуры из порванных книг и сухой ткани. Мужики стали быстро её разгребать, чувствуя спинами, как огонь подбирается всё ближе. Потратили, должно быть, с минуту, пока не добрались до самого большого запаса рыбы.

В это время ко входу подъехала Арина на стареньком вездеходе «Тайга». Она открыла кузов и стала закидывать в него сваленные на земле припасы.

³ Пеммикан – традиционная пища североамериканских коренных народов, состоящая из высушенного мяса, жира и ягод. Используется как питательная и долговременная еда в походах и зимние месяцы.

Через десять минут на складе стало совершенно нечем дышать, от химической вони голова шла кругом. Люди стали кашлять и задыхаться. Тогда Матвей велел всем немедленно выходить из здания.

Почти все запасы, что были в морозильной яме, так в ней и остались. Холодильники успели опустошить, но не все – огонь оказался быстрее и добрался до них раньше людей.

Арина всё собранное перевезла на безопасное расстояние, но смотреть на спасённую рыбу, овощи и несколько кубов пеммикана без мыслей о надвигающейся беде было невозможно.

Следующие полчаса жители станции Восток в количестве ста тридцати четырёх человек наблюдали за догорающим складом. Сгорели не только вещи, не только еда, сгорел их шанс пережить надвигающуюся зиму в самой холодной точке мира, которая только имелаась на Земле.

И всё же, несмотря на свалившуюся беду, в толпе не раздавалось ни всхлипа, ни плача. Женщины держались стойко, прижимая к себе детишек, укутанных в десяток одежек, а мужики с отчаянием вздыхали, потирая макушки и втихомолку матерясь.

Восточникам было не привыкать к трудностям. Так уж сложилось, что ещё тридцать три года назад судьба уготовила им непростую долю – поселиться в этом суровом крае без права выбора. За это время они научились выживать в суровых условиях станции Восток и всегда находить решение в любой, казалось бы, на первый взгляд, безвыходной ситуации.

Теперь же им предстояло новое испытание, должно быть, самое суровое за последние несколько лет.

И Матвей понимал это. Как понимали и все собравшиеся рядом с ним братья и сёстры.

Ретроспектива

Вторжение мерзляков, воспоминания очевидцев.

Место хранения: Архивный отдел станции Амундсен-Скотт, Антарктида.

Дата начала заполнения документа: 13.02.2075.

Дата окончания заполнения документа: 14.11.2075.

С заметками и пояснениями старшего архивариуса Дерека Терри.

Выживший!

Прежде, чем ты приступишь к чтению этого документа, я должен тебя предостеречь, что приведённые ниже отрывки из рассказов свидетелей не претендуют на полноту изложения информации о нападении инопланетян на Землю и предназначены, скорее, для поверхностного ознакомления с событиями тех ужасных дней. Если же тебе интересно погрузиться в историю Вторжения мерзляков с точными датами и фактами, я советую обратиться к ближайшему архивариусу, он поможет тебе найти все записи тех дней. Спасибо за понимание.

Идея создать эти записи принадлежит моему отцу, старшему архивариусу Маркусу Терри. Несколько лет назад у него зародилась мысль совершить поездки по всем ныне действующим станциям для бесед с непосредственными свидетелями Вторжения, дабы ознакомиться с их видением событий тех дней. Ему не хотелось оставлять нашим потомкам один лишь безликий и холодный текст, описывающий нападение пришельцев. Отец желал добавить к нему документ более живой, сравнимый с хорошей документальной прозой, от прочтения которого не тянет зевать.

К сожалению, ему так и не удалось осуществить задуманную экспедицию: отец умер во сне год назад. В связи с этим я взял на себя смелость осуществить его замысел и теперь с гордостью представляю тебе плод моего путешествия длиною в девять месяцев.

Мною было собрано множество воспоминаний людей из самых разных станций, но наиболее примечательные и, на мой взгляд, хорошо отражающие хронологию Вторжения отрывки я собрал в этом документе. С остальными интервью и рядом дневниковых записей на трёхстах пятидесяти четырёх страницах ты можешь ознакомиться здесь же, достаточно обратиться к одному из архивариусов.

Приятного чтения, выживший.

Старший архивариус станции Амундсен-Скотт, Дерек Терри.

Станция «Халли».

Очевидец: Яна Вербеке, 52 года.

Я помню, как сидела в тот день с моей дочкой Агной у телевизора. Мы смотрели на Юватч⁴ её любимый мультфильм про волчонка по кличке Серая Шёрстка, который то и дело попадал во всякие переделки. Например, в одной из серий он едва не стал жертвой охотников и... впрочем, это излишняя деталь для рассказа, верно?

Понимаете, просто Серая Шёрстка занимает особое место в моём сердце и сердце моей дочери, потому, что он стал таким мостиком между прежней жизнью и той, которой в итоге живём. Не только мы, а вообще все...

Знаете, наверное, это глупо прозвучит, но я иногда задумываюсь, сколько людей по всему миру смотрело Серую Шёрстку в тот момент, когда их жизнь навсегда изменилась? Инте-

⁴ Юватч – видеохостинг, где наши предки размещали видеозаписи (Прим. Дерека Терри).

ресно, добрались ли они до Антарктиды? Живы ли? Не могу это объяснить, но, даже не зная тех людей, я чувствую с ними какую-то странную связь.

Никогда не забуду, как мордочка волчонка на экране зависла, звук исчез, и через мгновение картинка на телевизоре сменилась на большую надпись: «ВНИМАНИЕ! ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ!»

Вот тогда-то я и поняла, что совсем скоро всё будет по-другому...

Станция «Чжуншань».

Очевидец: Чэнь Юй, 51 год.

Все, у кого в тот день и тот час были телефоны под рукой, почти разом получили это сообщение. Кажется, тогда весь Китай в одночасье разразился таким протяжным звоном, от которого кровь стыла в жилах.

Мне сообщение пришло, когда я был в аптеке, покупал лекарство для бабушки (у неё были проблемы с сердцем). Помню, как переглянулся с продавцом, которого я знать не знал и видел впервые в жизни. Но в то мимолётное мгновение мы с ним словно породнились, поскольку нас обоих связало общее чувство страха.

Мы оба были до смерти перепуганы.

Станция «Палмер».

Очевидец: Билли Барлоу, 62 года.

Там было написано: «Проследуйте до ближайшего бомбоубежища. Это не учения».

Я тогда обедал в кафе Портленда, штат Мэн. Помню, как все вскочили с мест, оставив еду, и быстрым шагом направились к своим машинам. Официантка не донесла поднос с заказом, осторожно положила его на барную стойку и забежала в подсобку. Буквально через минуту, даже не переодевшись, она выбежала наружу с ключами в руке, укрываясь от взбешенной на улице метели своей тонкой ладошкой.

Ну, а я не торопился. Мне это сообщение сразу показалось странным. Так сложилось, что я побывал в похожей ситуации на Гавайских островах в 2038-м. Тогда объявили угрозу ракетной атаки, но в итоге оказалось, что «кто-то нажал не на ту кнопку», ложно оповестив жителей и напугав их до усрачки. Так вот, там хотя бы писали о ракетных ударах. А тут? Просто проследуйте в бомбоубежище? От кого?

Итог мы все знаем... Лучшие бы это были ракеты... Мой нездоровый скептицизм вперемешку с полученным опытом спасли мне тогда жизнь и привели сюда.

Станция «Мирный».

Очевидец: Олег Морозов, 66 лет.

О назревающем конце света мы с женой узнали, кажется, самыми последними в нашем крае. Жили мы тогда в Петропавловске-Камчатском, что на полуострове Камчатка. Но так получилось, что, когда вся эта заваруха началась, я отдыхал с супругой в нашем домике в лесу. Там на несколько километров вокруг ни души, тишина, как на кладбище. Вот мы и наслаждались ею. Наслаждались по полной: без телевизоров, телефонов, интернета и всего такого, от чего мозг разжижается со временем.

И тут ни с того, ни с сего к нам приехали дети с внуками. Дочь и сын перепуганы до ужаса, рассказывают о происходящем кошмаре. И что приехали к нам, потому что на участке безопасней. Да и было у меня некое подобие бомбоубежища со всем необходимым. Времена тогда были трудные, все жили как на бочке с порохом...

И вот, помню, собираемся мы уже прятаться, как на телефоны детей стали приходить странные сообщения и видео, в основном, с Африки, Южной Америки и Ближнего Востока. Там на них... Ох, даже вспоминать страшно... Были там существа, напоминающие огромных

насекомых, размером со слона. Их целые тысячи были, десятки тысяч... Людей они рвали на куски толпами. Жуткое зрелище.

После такого все словно посплодилось с ума.

Станция «Мак-Мердо».

Очевидец: Джерико Сильверстоун, 69 лет.

Пришельцы. Они прилетели с метеоритами. По крайней мере, так сообщил президент в своём экстренном обращении к нации сразу после появления тех видео и стримов. Разумеется, он просил всех не поддаваться панике и уверял, что объединённые армии всех стран наспех сколотили Международный Альянс для борьбы с иноземными захватчиками и уже вступили в бой.

Лично мне в тот момент это придало какую-то надежду. Ну, куда тягаться с танками и самолётами каким-то там тараканам-переросткам?! Но уже на следующий день стали поступать сообщения, что солдаты по всему миру гибнут миллионами в сутки. Миллионами! А эти твари продвигаются всё дальше на юг.

До сих пор не понимаю, какого чёрта не нажали на «красную кнопку»? Надо было шан-дарахнуть прямо в те места, где их было больше всего. Всем, что было на вооружении! Глядишь, выжило бы намного больше людей, и мы не подыхали бы здесь, на этой трижды проклятой ледышке!

А ещё потом в сети всплыла карта с точками, куда упали метеориты с пришельцами. Десятки тысяч булыжников, из которых потом повылазили эти твари, грохнулись между сороковыми параллелями южной и северной широты. В особенности досталось Африке, Центральной Америке, Австралии и Юго-Восточной Азии, и НИ ОДИН из метеоритов не упал хотя бы чуток за пределами этих параллелей. Только потом до людей допёрло, почему так произошло...

Станция «Кейси».

Очевидец: Харрисон Браун, 60 лет.

Теперь я уже точно не скажу, кто и где впервые выдвинул гипотезу, что мерзляки не переносят холода, но основой для этого утверждения послужила известная карта падения метеоритов с пришельцами. Помню, что всем на смартфоны стало приходить сообщение с указанием двигаться в те районы, где отрицательная температура окружающей среды ⁵. Здесь, конечно, можно было только позавидовать русским с их Сибирью и канадцам. А вот моей родной Австралии, где столбик термометра никогда не опускается ниже +20°C, а снег является чудом природы, суждено было продержаться недолго.

Мне повезло. Я тогда работал на должности главного инженера и находился в длительной командировке в Шпицбергене. Если вам интересно, мы там устанавливали ветряки нового поколения в небольшом городке Исбьёрнхавн. В 50-е и 60-е годы подобные городки много где возводили, людей тянуло подальше от жары. Можете себе такое представить сейчас?

Ну, да ладно, это я так, отвлёкся. Что было потом? Ах да, люди выяснили, что от пришельцев можно спрятаться в холодном климате, да только вот произошло это спустя месяц после Вторжения. Армии всех стран были почти разбиты, а половина населения Земли уничтожена. Уцелели лишь те, кто успел оказаться за чертой холодного фронта.

⁵ Выживший, ты, наверняка, задаёшься вопросом: «Почему во время Вторжения работала спутниковая связь, и люди, как ни в чём ни бывало, продолжали общаться друг с другом?». Всё просто. Дело в том, что спутники в те времена работали в автономном режиме, обеспечивая на протяжении полугода наших предков хорошей связью и интернетом. Более того, работа спутников во время Вторжения лишний раз подтверждает теорию о том, что мерзляки, несмотря на их силу и многочисленность, крайне глупы и действуют, скорее, как рой саранчи, нежели раса, превосходящая умом человека. (Прим. Дерека Терри).

Тогда стояло начало декабря, но было очевидно, что через пару месяцев холод отступит, и тогда пришельцы нагрянут в бывшие ещё недавно безопасными зоны и перебьют всех. Сражаться с ними не имело смысла. Да и чем? Палками и ножами? Огнестрельного оружия почти ни у кого не было. Да и будь оно, толку от него – ноль. Подтверждение тому – десятки миллионов мёртвых солдат и сотни тысяч разрушенных единиц военной техники.

В итоге правительство уцелевших стран признало поражение и сообщило точки координат эвакуации, откуда всех выживших должны были доставить на кораблях в туристические поселения и научные станции Антарктиды. Времени оставалось до конца месяца.

Многие на Шпицбергене сочли неразумным покидать архипелаг, считая его безопасным местом. Уж не знаю, живы ли они до сих пор. В любом случае от наших собирателей и моряков я ничего не слышал о судьбе архипелага.

Возвращаясь к моей истории. Среди нас были и те, кто хотели отправиться на шестой континент с призрачной надеждой отыскать там своих родственников, которым, возможно, посчастливилось спастись. В числе таких людей был и я, надеющийся отыскать свою жену и дочь, оставшихся в Сиднее во время Вторжения. Хоть и понимал, что встретить их живыми мне, скорее всего, не суждено (на связь они не выходили с самого первого дня Вторжения), я всё же решился отправиться в это далёкое путешествие.

Нас было чуть меньше сотни человек. Мы нашли капитана, собрали небольшую команду и отплыли в середине декабря. Через месяц наше судно приплыло к берегам Антарктиды, но столкнулось с паковыми льдами, которые чуть не погубили нас в самом конце пути. Если бы не помощь со станции «Халли», вовремя приславшей небольшой ледокол на выручку, я сейчас не рассказывал бы вам всё это, а лежал где-нибудь на дне холодного океана...

Спустя ещё два месяца мне удалось добраться до австралийской «Кейси». Дорога была долгая и трудная, хотя мы использовали эти навороченные вездеходы. Хотите верьте, хотите нет, но, добравшись туда, я встретился со своей дочерью и женой.

Чудо, не правда ли? Жаль только – никто не верит, что это моя жена с дочерью, и ведь не докажешь никак! Но после этого я уверовал, что у нас, у человечества, ещё есть шанс победить в этой войне. Почему? Да потому, что только благодаря Богу я встретил свою семью. Только Он на это способен. А это значит, что Он существует и обязательно поможет нам в борьбе с этими тварями.

Глава 1. Восточники

17 июля 2054 года на русской антарктической станции «Восток» было зарегистрировано историческое понижение температуры до $-91,3^{\circ}\text{C}$. Этот новый рекорд превзошёл предыдущую отметку, зафиксированную на той же станции 21 июля 1983 года, когда температура опустилась до $-89,2^{\circ}\text{C}$. Таким образом, новый показатель оказался на 2,1 градуса ниже предыдущего. Из сообщения ТАСС от 17 июля 2054 г. в смартфоне, найденном в 2086 году в городе Магадан собирателем Лукой Бруно со станции «Палмер».

18 января 2093 года

Какое-то время теплилась надежда, что огонь забрал с собой не всё. Может, не дотянулись его жгучие лапы до какой-нибудь провизии? Но, увы. Человек сорок ходили по пепелищу, ворошили ногами мусор, да, кроме головешек с обломками, так ничего и не нашли. Хорошо ещё, Йован смог вытащить хотя бы один холодильник. Что же касается морозильной ямы, то рыба там сгорела вся, подчистую.

Причину пожара называть никто не решался. Были только догадки. Поджог исключили сразу. Какой дурак сам себя будет лишать пищи? Поэтому была выдвинута теория, что всё случилось из-за старой электропроводки, которой было лет пятьдесят, с тех самых пор, как начали активно осваивать Антарктиду ради туризма. Туризма... Сейчас подобное воспринималось, как издевательство.

– Ну, засада... – расстроено произнёс Йован, помогая Матвею и остальным разгребать обломки. – Видать, придётся мне таки сесть на диету этой зимой.

– Да, походу всем нам придётся на неё сесть, – подхватила Арина, лениво ковыряя ногой обугленные доски. Она уже разуверилась найти что-нибудь уцелевшее.

– Матюш, нашёл чего-нибудь? – обратился Йован к Матвею, оставив её слова без внимания.

– Блин, Матвей, будь я на твоём месте и выше, как вот этот дурень, то за «Матюшу» уже б давно!.. – погрозила здоровяку Арина.

– Минуточку. У нас был спор, он мне проиграл. Стало быть, имею право так называть его ещё до конца месяца.

– Ну, хоть сейчас-то, когда... – она указала на пепелище под ногами. – Нашёл место и время!

– А не имеет значения. Хоть на краю гибели, а всё равно буду называть Матюшей до первого февраля сего года.

– Да ну тебя, придурок.

– Придурки при дураках. Или дурочках.

– Матвей! – возмутилась Арина.

Но Матвей так сильно погрузился в мысли о случившемся, что совершенно не обращал внимания на перебранку между двумя своими товарищами.

– Заканчивайте оба, – рассеянно ответил он. – Нашли чего?

– Да нечего тут искать, – отмахнулась девушка. – Слушай, Матвей, я ж к тебе утром чего шла, мне надо тебе кое-что показать...

– Матвей! – окликнул вдруг староста. – Поди сюда!

– Иду! – крикнул тот в ответ и обратился к Арине: – Чего показать?

– В общем, забеги сегодня ко мне вечером в модуль. Нужно твоё мнение.

– А моё? – встрял в разговор Йован.

– А твоё мнение мне понадобится только тогда, когда на Земле не останется ни одного живого человека, которого...

Продолжения их перепалки Матвей не услышал, поскольку направился к старосте. Вообще, он уже давно перестал воспринимать их болтовню всерьёз. Эти двое частенько ссорились, но, скорее, шутки ради, по-приятельски.

– Чего там опять эти двое бунтуют? – кивнул Олег Викторович в сторону Йована и Арины, которая была ниже своего оппонента почти на две головы.

Матвей махнул рукой в их сторону, мол, тебе ли не знать.

– Ладно, чёрт с ними. В общем, посмотрел я тут, что вам с мужиками удалось спасти, – староста снял шапку и тяжело вздохнул. – Не хватит этого на всех. Хоть в три раза урежь рацион... Будь нас человек пятьдесят, с горем пополам пережили бы зиму, но на сто тридцать три человека...

– Сто тридцать четыре, – поправил его Матвей и, встретив озадаченный взгляд собеседника, уточнил: – Французенка наша, Мишель, неделю назад двойню родила от Воронцова. Помните?

– Так это ж тогда сто тридцать пять человек должно быть, раз двойня, – почесав в затылке, неуверенно ответил Олег Викторович.

– Вы про Жору Савина забыли, который автослесарь. Он от лихорадки умер месяц назад.

– Ах, точно. Вот же... – еле сдержался староста, чтобы не выругаться. – Совсем я уже того, старый. Не помню ни черта.

– Да бросьте. Сколько вам? Шестьдесят пять же? Молодой ещё.

– Может, до Вторжения и можно было так сказать, а сейчас... – он махнул рукой. – Мозги на этом холоде как будто не с каждым годом, а с каждым часом тупеют. Ещё пару лет и окочурюсь точно. Говорю тебе, Матвей, иди на моё место.

– Мы это уже обсуждали, Олег Викторович, – недовольно произнёс Матвей, припоминая неприятный последний разговор со старостой, чуть не поссоривший их окончательно.

– Обсуждали. Но, сам посмотри, кто ещё, кроме тебя, такую ответственную должность потянет?

Матвей нарочито отвернулся от старосты, молча давая понять, что не желает вновь обсуждать эту тему. Накомандовался он уже, на всю жизнь вперёд хватило.

Благо, Олег Викторович уловил его настроение и продолжать не стал.

– М-да, – только и промолвил он, – что же делать-то?

Хотел бы Матвей знать ответ на этот вопрос.

Вдруг за спиной у него раздался голос:

– Мразь такая!

Обернувшись, Матвей заметил, как Алексей Свиридов, один из местных портных, тащил за шкуру Никиту, парнишку, что помогал Арине и остальным механикам в гараже. Здоровый мужик (почти под два метра ростом) стальной хваткой вцепился в куртку молодого человека и волочил его, словно мешок.

– Что случилось? – строго спросил староста и вышел вперёд.

– Вот этот вот сучоныйш, пока мы тут пожар тушили, мой товар с прилавка спёр! – задыхаясь от злости, объявил Алексей не столько Олегу Викторовичу, сколько собравшейся вокруг толпе. – Воспользовался переполохом, гнида! Ну, я тебе устрою... – он бросил обвиняемого на землю и пнул его по рёбрам.

Тут и у остальных восточников глаза загорелись, они стали стягиваться к обвиняемому с явным желанием ему наподдать.

– Так, так, отставить самосуд! Замолкли все! – закричал староста и обратился к Свиридову: – Откуда ты знаешь, что это он украл?

– Я видела! – вышла из толпы Клава, повариха. – Мы в доме остались с дочерью, к пожару не побежали. Я в окно глядь, а он таскает всё в мешок.

Тут своё слово вставил и Алексей:

– Мне Клава сказала, и я по её наводке наведлся в гости к этому гаду. И что я вижу!? Мешок этот у него под койкой лежит, нагло присвоенный.

В качестве доказательства портной бросил на землю кожаный мешок, доверху наполненный шкурами, книгами и прочим добром.

– Это правда? – обратился староста к съевшемуся на холодной земле Никите.

Парень тихо всхлипнул, засопел, а потом согласно кивнул.

– О! Видали? Видали?! Ну, сучоныш...

– Угомонись, Валерьевич, или я тебе сейчас сам наваляю! Разошёлся, ишь чего!

Алексей с недовольством отступил, смачно плюнув напоследок, как бы выражая свой протест.

– Зачем украл? – строго спросил Олег Викторович и присел на корточки возле парня. – Лучше признайся, хуже будет.

– Да чего хуже? Виновен! У нас с ворьём и подобными ему вредителями один разговор – на мороз! До смерти! – снова подал голос Свиридов.

– Жрать я хочу, ясно вам?! – выкрикнул Никита наседавшим на него мужикам. – Думал поехать на «Прогресс» и всё это обменять на еду! Может, и на место свободное! Лишь бы из этой дыры подальше. А после такого так и вдвойне хочу!

– Ах, ты ж, гнида, – сквозь зубы процедил Алексей. – К этим мерзавцам на поклон собрался? Забыл, что с тобой и твоими предками тамошние сотворили, выгнав тебя сюда?

– Да мы всё равно здесь все сдохнем! – на этот раз юноша расхрабрился и даже поднялся на ноги. – Теперь уж точно! Я-то видел в гараже, сколько еды удалось спасти – и на месяц всем не хватит.

На этот раз не сдержался уже Олег Викторович и отвесил мальчишке звонкую пощёчину. Наверное, только один Матвей понял, что сделал это староста не из желания утихомирить нарастающую истерику парня, а из-за упоминания станции «Прогресс», с жителями которой у него были личные счёты.

Впрочем, не у одного только Олега Викторовича скрежетали зубы от злости на обитателей «Прогресса». Почти все восточники, жившие здесь с самого начала, питали к ним ненависть.

И причины на то были.

Тридцать три года назад к берегу залива Прюдс причалил гигантский контейнеровоз, на котором прибыли полторы тысячи выживших, сумевших спастись от мерзляков. Станция «Прогресс», расположенная неподалёку, была третьей в списке из четырёх убежищ, следуя после «Новолазаревской» и «Молодёжной». Ещё оставался «Мирный» – конечная остановка в эвакуации тех, кому повезло оказаться на борту.

Так получилось, что Матвей с отцом были среди счастливчиков, пять сотен которых высадили на «Прогрессе». Они оказались везунчиками лишь потому, что станция являлась не только научной, но и самой крупной российской туристической базой в Антарктиде. Там стояли удобные жилые модули, ангар с десятками рабочих вездеходов и даже церковь. Всё это обеспечивалось почти бесконечным потоком электричества от гигантских солнечных панелей и высокотехнологичных ветряков, не издающих вредного инфразвука.

Научный центр станции, основанный ещё во времена СССР, был гораздо скромнее по оснащению. В нём располагалось метеорологическое оборудование, лаборатории и склады. Проживающим здесь в период Вторжения полярникам повезло не стать свидетелями тех ужасов, которые происходили за пределами шестого континента.

С этого дня начались долгие и самые суровые в истории человечества десять лет, известные как годы Адаптации.

Люди тогда не умели самостоятельно добывать пищу и ещё не привыкли к нескончаемому холоду. Они были вынуждены осваивать охоту на тюленей и ловлю рыбы, ещё недавно считавшихся эхом далёкого прошлого. Методом проб и ошибок полярники принялись возрождать китобойный промысел, изучая описания этого вида деятельности в книгах и применяя знания выживших рыбаков и моряков. Они изошрялись в добыче тепла, открывая для себя заново свойства китового жира, уса и спермацета. А с помощью тюленьего жира, печени и овощей, выращиваемых в контейнерах-фермах, учились бороться с цингой, которая губила сотни людей.

В то нелёгкое время Матвею было всего три года, но он прекрасно помнил, как сильно голодал из-за жуткой экономии имеющихся ресурсов. Даже его отец, военный по профессии, который был прежде здоровый, как бык, после трёх месяцев Адаптации превратился в ходячий скелет.

– Кушай, сынок, тебе силы пригодятся. За тобой будущее, – приговаривал он, отдавая половину своей банки тушёнки Матвею.

– Какое будущее, пап?

Но тот не отвечал, лишь тихо улыбался. И только сейчас Матвей понимал, о каком будущем говорил его отец, когда ещё был жив.

Именно в те первые тяжёлые годы, когда проблем и без того хватало, на станции «Прогресс» появился смертельно опасный вирус. По симптомам местные узнали в нём штамм Черни, бушующей на протяжении последнего года и во время Вторжения.

Как эта зараза оказалась на территории базы, осталось загадкой. Одни ополчились на станцию «Чжуншань», находившуюся в трёхстах километрах от «Прогресса». Отец рассказывал Матвею, что ещё были живы воспоминания о COVID-19, вакцину от которого удалось разработать лишь к 2053-му году. Именно из Китая тогда пришёл вирус. Другие говорили о заражённых съестных припасах, привезённых на контейнеровозе.

Только все эти теории и догадки не значили ровным счётом ничего для Матвея и его отца, поскольку оба они оказались в числе заражённых, как и почти половина новоприбывших.

Те же, кого зараза ещё не коснулась, взбунтовались и толпой насели на тогдашнего старосту «Прогресса» Михаила Зотова. Чтобы предотвратить распространение болезни среди здоровых, он распорядился погрузить всех больных на вездеходы и, снабдив жалким запасом продовольствия, отправил их на карантин на одну из самых неблагоприятных станций Антарктиды – «Восток». Зотов клятвенно пообещал, что через месяц, когда по его расчётам люди на карантине съедят выделенный им запас консервов и прочего сухого пайка, он пришлёт ещё один вездеход с провизией и будет присылать их до тех пор, пока в этом будет нужда.

Переброска больных происходила в разгар зимы, когда температура на территории «Востока» не поднималась выше отметки -60°C на протяжении почти полугода. В отличие от других прибрежных русских станций, здесь было не так много сооружений и жилых модулей – база не относилась к туристическим объектам. Но для поддержания жизни было всё необходимое: ветряки, солнечные панели, ангар для техники, электростанция и очиститель воды.

Прибыв на станцию, больные, вдобавок к вирусу, столкнулись с новой напастью – горной болезнью. Это коварное явление вызывало тошноту, мучительную нехватку воздуха и неприятный гул в ушах, способный свести с ума даже самых стойких. Всему виной было месторасположение станции, возвышающейся, ни много ни мало, на высоте трёх с половиной километров над уровнем моря.

Испытаниям не было конца – вдобавок к горной болезни возникла проблема размещения почти двухсот человек на станции, рассчитанной лишь на шестьдесят полярников. Но все эти проблемы меркли по сравнению с тем, что готовила судьба новоиспеченным восточникам в будущем.

Больные жили в тесноте, где придётся, и страшно экономили выделенные им запасы, каждый день ожидая прибытия вездехода, обещанного Зотовым. К счастью, на станции был очиститель воды, его труба из высокопрочного материала тянулась аж до самого озера Восток. Эта труба, которую восточники ласково называют «Родничок», покрывает их потребности в воде до сих пор, позволяя избегать лишних хлопот с растопкой льда, которую на себе испытывают большинство других станций.

Минул положенный срок, но вездеход с «Прогресса» так и не появился. Тогда новоиспечённые восточники поняли, что их попросту бросили умирать, не желая тратить на них и без того скудный запас продовольствия. Не собираясь мириться с подобным, трое добровольцев вызвались отправиться к «Прогрессу» на единственном имеющемся тогда на станции вездеходе, чтобы просить помощи. Старенький «Бурлак», хранившийся в гараже, скорее, в качестве музейного экспоната, вряд ли можно было назвать надёжным транспортным средством для преодоления непредсказуемых рельефов Антарктиды. Но выбора не было.

Не имея за плечами ни опыта, ни знаний, они отправились в путь. С тех самых пор о тройке смельчаков ничего не было слышно. Скорее всего, их сожрала Антарктида, навечно закопав под своими вековыми снегами.

Когда восточники поняли, что помощи ждать неоткуда, они стали экономить на еде ещё больше. Так, например, Матвей с отцом получали три банки тушёнки на неделю, то есть по полторы банки на человека.

Люди стали умирать один за другим: кто от Черни, кто от голода, а кто-то, потеряв надежду, попросту сводил счёты с жизнью.

Через месяц на станции «Восток» оставалось сто восемьдесят человек. К середине зимы их количество сократилось до ста двадцати четырёх, после чего в течение почти двух недель на станции не было зафиксировано ни одной смерти. Вирус удалось победить, иммунитет вынужденных переселенцев справился с болезнью. На какое-то время они облегчённо вздохнули, пока о себе вновь не напомнила одна из главных проблем – голод.

Восточники попытались выйти на связь с любой из ближайших станций, но их единственный радиопередатчик оказался неисправен. К счастью, среди них оказался немец по имени Курт Крюгер. С его слов, он попал на борт контейнеровоза по невероятному стечению обстоятельств, о которых мужчина с превеликим удовольствием рассказал бы всем желающим, владей он русским чуточку получше. Имеющихся же знаний языка ему хватило только на сообщение, которое Матвей помнил до сих пор:

– Их... фикс... ремонт! Сделать ремонт! Но время нужно. Много время. Разобраться.

Курт не соврал, он, и правда, что-то смыслил в технике. Не обманул и в том, что ему понадобится время: его поверхностных знаний о радиоприёмниках не хватало для скорейшей починки подобного устройства. С его слов, прежде он имел дело только со смартфонами.

Немец превратился для всех в ниточку последней надежды. Люди полностью положились на него, и он чувствовал на себе эту тяжёлую ношу ответственности, ковыряясь в довольно устаревшем радиопередатчике.

Шли дни, недели. Связь не удавалось восстановить, а остатки еды таяли на глазах. Смерть косила всех без разбору, из-за чего стали возникать грабежи и убийства ради заветной консервной банки. Самым же страшным стали случаи каннибализма, когда дело дошло до похищения тел умерших, сложенных кучей на окраине станции. Трупоеды, если им не удавалось забрать тело целиком, распиливали зачехленные останки и грузили их в тачки, чтобы потом разморозить в помещении. Сперва это порицалось, даже наказывалось. Однако, со временем, и сами порицающие перешли на сторону каннибалов, не в силах далее терпеть тягучую голодную боль.

Одним из таких перебежчиков оказался и отец Матвея, скармливавший ничего тогда не подозревавшему маленькому сыну хорошо прожаренное мясо, якобы взятое из «секретных

запасов» станции. Вспоминая сейчас поступок отца, Матвей каждый раз съёживался от омерзения, но, с другой стороны, понимал и принимал его нелёгкий выбор. Поедание человечины было неизбежно в сложившейся ситуации, о чём пережившие те страшные времена восточники стараются не вспоминать.

Целый месяц сотня человек была вынуждена есть себе подобных, и всё равно люди продолжали умирать от голода, пока в одно холодное утро всех не разбудил хриплый голос Курта, орущего с тяжёлым акцентом:

– Починить! Рация! Голос! Там голос!

На связи была станция «Мирный», немедленно отправившая санно-гусеничный поезд к «Востоку» с необходимым продовольствием на борту. Прибывшие через неделю мирняки (так их зовут и поныне), с сожалением сообщили, что не могут забрать выживших на свою станцию за неимением у них достаточного количества мест. С их слов, они и так испытывают жуткие неудобства, но, тем не менее, готовы поделиться частью остальных припасов в конце зимы. Тогда погода будет более благоприятной, и они смогут отыскать путь вдоль торосистости, стоящей между двумя станциями.

До прихода мирняков дожило всего восемьдесят четыре человека. Им пришлось смириться с тем, что дальнейшая их судьба тесно связана со станцией «Восток». Предстояло много работы по её улучшению и развитию, что в итоге заняло долгие годы.

Как известно, время лечит, но только не в случае отношения восточников к прогрессистам. До сих пор жива боль утраты близких, погибших из-за изгнания и пустого обещания помочь. Никуда не делись и воспоминания о страшных делах, которые приходилось совершать во имя выживания.

Олегу Викторовичу, чья жена и двое детишек погибли ещё в первый месяц карантина, устроенного прогрессистами, не понадобилось и минуты на размышления, чтобы вынести вердикт:

– К прогрессистам, значит, собрался? – он схватил парня за шкуру и, как щенка, подволок к зданию, ещё вчера бывшему складом. – Вот, тебе в ту сторону. Тысячу двести километров. Пошёл!

Никита с замёрзшими на щеках слезами с непониманием посмотрел на старосту.

– Верно! – поддержал решение Олега Викторовича Алексей. – На мороз гниду! Будет знать, как воровать у своих!

Толпа улюлюкала и грозно поднимала вверх кулаки в едином порыве изгнать парня. Вдруг вперёд выбежала Арина, встав между старостой и обвиняемым.

– Да вы чего? Совсем с ума сошли?! – протестующе завопила она. – Как же так можно?

– А воровать у тебя из тарелки последний кусок мяса и отбирать ватты для сугреву, стало быть, можно?! – закричал в ответ Алексей.

– Арина, уйди, – сквозь зубы процедил староста. – Не до тебя. Ей-богу, не до тебя.

– Да пошли вы все! – заорал Никита, за что получил хороший такой подзатыльник уже от Арины.

– Закройся! – прошипела она на него и обратилась к толпе: – Он плохо поступил, это правда. Но такой участи уж точно не заслужил!

– Не тебе решать, какой участи он заслуживает, ясно? – рывкнул Олег Викторович, потом сделал к ней шаг и прошептал: – Ступай отсюда по-хорошему, девочка, иначе я тебе потом не помогу, ясно? Ты сейчас их злишь, а не меня, – он кивнул в сторону толпы.

Но Арина сдаваться не желала и обратилась к Матвею, который всё это время был в роли наблюдателя:

– Матвей, прошу. Скажи что-нибудь. Так нельзя.

Тот взглянул на покрасневшего от злости Никиту, зыркающего ненавистным взглядом на собравшихся. Слишком уж он шепутной, с ним не оберёшься проблем. Но всё же Арина была права: несоизмеримо наказание с опрометчивым проступком, сделанным по глупости.

– Есть у меня идея, – начал Матвей привычным спокойным голосом. – Предлагаю упразднить утреннюю разнарядку по выносу вёдер с дерьмом, и поставить на эту почётную должность одного-единственного человека – нашего виновного.

Глаза Никиты сделались большими. Он открыл было рот, чтобы возразить, но Арина предупредительно ткнула ему в бок, заставив промолчать.

– Но решение всё равно остаётся за старостой. Ему решать, – закончил свою речь Матвей.

Толпа не возмутилась и, судя по тишине, встретила эту идею положительно. Убирать отходы за жителями станции и сбрасывать их в находившуюся неподалёку расщелину, было занятием крайне неблагодарным и мерзким. Избавиться от подобной необходимости было только за счастье. Даже Алексей, прежде желающий прикончить вора на месте без всякого изгнания, не изрёк ни слова против.

Уловив настроение толпы, Олег Викторович, как и все, счёл предложение Матвея хорошим и справедливым.

– Согласен, – ответил он и обратился к окружающим: – Возражения против подобного приговора будут?

Возражений не последовало.

– Вот и отлично, – староста обернулся к Никите: – Теперь до конца жизни будешь выносить дерьмо. Ясно тебе?

– Чёрта с два я буду!

– Ох, ещё как будешь, малой. А если я утром проснусь и хоть единое ведёрко увижу в коридоре или на улице – голышом у меня пойдёшь к прогрессистам. Всю тысячу двести километров. Понятно?

Мальчишку буквально трясло от злости, но он сжал губы и промолчал.

– Вот и всё. Благодарю Аринку и Матвея. Если б не они...

Олег Викторович поднёс кулак к носу парня и грубо провёл костяшками по его щеке.

– Пшёл отсюда, – гаркнул староста. – И рожу попроще сделай, а то напыжился мне тут, сопля зелёная.

Арина увела за собой Никиту от греха подальше. Проходя мимо Матвея, она кивнула ему в знак благодарности.

– Вот тебе и новое поколение, – пожаловался староста подошедшему к нему Матвею. – Не испытали они, как мы, Адаптацию, не мучились от голода...

– Это он из-за отца, – пояснил Матвей, провожая взглядом Арину с Никитой. – Савин Жора, лихорадка...

– Точно, – виновато произнёс Олег Викторович. – Но это не повод на братьев и сестёр ополчиться! Чай, не на тёпленьком полуострове родился! А теперь, вот глянь на них, ломаются к людям, которые их родителей, считай, голодом морили. Можешь себе такое представить? А, к чёрту! – отмахнулся он. – Сейчас это не первоочередная проблема. Думать надо, как из сложившегося положения нам выходить. Иначе всё, что было тридцать три года назад, может повториться. Вот что, сегодня в полдень я хочу собрать всех в зале, решать что-то будем. Ты придёшь?

– Приду, – не мешкая, ответил Матвей.

– Это хорошо. А то я что-то совсем ни черта уже не соображаю. Мне нужна свежая голова. Твоя голова.

Староста сегодня уже дважды намекнул ему о своём желании сбросить с плеч тяжкий груз ответственности за жителей станции.

– Эх, – раздосадованно вздохнул Олег Викторович. – Жаль, с нами нет твоего отца. Мне бы не помешал его совет.

Но Матвей не ответил, поскольку в гуще расходившейся толпы он совершенно случайно заметил её. Одетая в парку из тюленьей кожи, с плотным капюшоном на голове, она смотрела на него своими большими, преисполненными тоской глазами. Светлый локон её волос трепетал на холодном ветру, а бледная кожа почти сливалась с вездесущим снегом.

Сердце у Матвея заколотилось в два раза быстрее. Его сковал ужас и опустошающее чувство стыда. Видеть её даже спустя столько времени оказалось не так просто, как он представлял.

– Ох, ты, – заметив, куда именно смотрит Матвей, смутился староста. – Смотри, кто на свет белый явился. Неужто вышла, наконец-то, из заточения? Пойду-ка я, поговорю с ней...

Увидев, что к ней направляется староста, женщина вдруг замешкалась, спрятала руки в глубоких карманах куртки и быстрым шагом ушла прочь.

– Да куда же ты!? – прошипел про себя Олег Викторович. – Ну, хоть вышла, и слава Богу! Сидеть взаперти столько времени и на свет божий не показываться... и это перед зимой-то, когда скоро наружу ни ногой!

Однако всё сказанное старостой пролетело у Матвея мимо ушей. Подобно наваждению, перед глазами стояло её лицо, омрачённое страшным горем, к которому он лично был причастен. Он и никто больше.

– Матвей! – окликнул его староста, тряхнув за плечо. – Ты тут?

Парень ответил ему кивком.

– Ты это... обойдётся всё, хорошо? Не твоя вина, что тогда произошло с её сыном. Не твоя.

Матвей промолчал.

– Не твоя, – ещё раз повторил Олег Викторович, только прозвучало это, скорее, как самоутешение, нежели правда.

Глава 2. Разные поколения

Идея устраивать рейды и вылазки на захваченные мерзляками континенты принадлежала русскому полярнику Ивану Дежнёву со станции «Беллинсгаузен». Будучи опытным метеорологом и талантливым инженером, он изобрёл первую модель ныне всем известного метеодатчика. Затем, собрав небольшую группу, Дежнёв отправился в экспедицию к южным берегам Аргентины с целью провести полевые тесты своего изобретения.

С момента высадки на берег, в течение следующих двадцати четырёх дней, ему успешно удавалось избегать встречи с мерзляками. Он заранее планировал маршруты передвижения, исходя из полученных данных метеодатчика. Совсем скоро новость о его подвиге и изобретении облетела все станции, породив тем самым ремесло собирателей.

«История великих собирателей» за авторством Павла Самсонова, 2163 год.

18 января 2093 года

Собрание, длившееся без малого четыре часа, провели в здании лаборатории, которое не использовалось по назначению уже много лет.

Матвей страшно не любил участвовать в подобного рода сборищах, чувствуя себя при этом не в своей тарелке, но делать было нечего. Да и Олегу Викторовичу, как никак, обещал помочь в решении вопроса. Правда, этого самого решения после многочисленных споров и предложений найти так и не удалось.

Сперва староста предложил идею обмена ваттами на еду с соседними «Чжуншань» и «Мирный», тем самым пожертвовав часами отопления жилых модулей. Предложение было немедленно встречено в штыки, поскольку не все были готовы предстоящей зимой мёрзнуть в своих модулях, особенно на самой холодной станции Антарктиды.

Более того, за минувшее лето они уже выкупили предостаточно рыбы и тюленьего мяса у «Мирного» – тем и самим нужно было запастись продовольствием на предстоящую зиму. Что же касается китайского «Чжуншаня», известного своими первоклассными механиками и изобретателями, у них самих ватт и без того было предостаточно. К тому же китайцы предоставляли свои услуги и тесно сотрудничали с австралийцами из «Моусона», которые входят в список главных поставщиков ватт по всей Антарктиде. Станция «Моусон» находится на побережье в одном из самых ветреных мест континента, где сотни ветряков работают двадцать четыре часа в сутки. Следовательно, в электричестве китайцы несильно нуждаются.

Ещё до того момента, пока предложение с обменом ватт не было отвергнуто окончательно, перед собравшимися выступил Сэм, единственный американец на станции и по совместительству главный связист. За прошедшие двадцать лет на «Востоке» он успел как следует породниться с местными, безупречно овладеть русским (лишь совсем изредка в его речи проскальзывало твёрдое «вэ» вместо буквы «т») и стать полноправным восточником.

Сэм предложил связаться с американцами со станции «Мак-Мердо», бывшей почти на таком же расстоянии от «Востока», как и «Мирный», и взять у них необходимое количество еды в долг, заплатив немного ватт в качестве аванса. «Мак-Мердо», что до Вторжения, то и поныне, оставалась самой огромной станцией в Антарктиде, вмещающей в себя почти десять тысяч выживших.

Услышав предложение Сэма, Олег Викторович отверг его сразу:

– Слышал я про макмердовцев и их «взять в долг», Матвей вон не даст соврать. Про «Кейси» слышал? Австралийская станция не так далеко отсюда. У них пять лет назад возникла обратная ситуация: не хватало ватт зиму пережить. Вот они и обратились к «Мак-Мердо»,

взяли у них энергии «в долг». До сих пор расплачиваются с ними, отдавая каждый год чуть ли не половину всего улова, страшно при этом не доедая. Я, конечно, старост «Мак-Мердо» не осуждаю: когда на станции десять тысяч рыл и каждое надо кормить, не говоря уже о других нуждах, и не такой процент стряхнёшь. Но сам лично в такое ввязываться не хочу. Да и, в отличие от «Кейси» с их богатым уловом, нам с макмердовцами расплачиваться нечем. Не в обиду твоему народу, Сэм, но что есть, то есть.

С доводами Олега Викторовича согласились все, даже Сэм, сообщив, что предложение это сделал, скорее, на горячую голову.

Поднимались предложения об обмене воды, но они не выходили за рамки обсуждений. За прошедшие годы все приспособились к добыче воды из ледников, хотя работа была тяжёлой и опасной. Целыми днями приходилось на холоде колоть лёд и перевозить его в отстойники для оттаивания.

Конечно, восточникам повезло с их «Родничком», который давал им не только очищенную, но и древнейшую воду Земли. В теории, продать такую воду соседним станциям было возможно. Однако это может лишить работы сотни людей, а человек без достаточного количества ватт, тепла и горячей еды становится проблемой для руководства станции. Особенно если он решит добыть необходимое, забрав чью-то жизнь. Старосты понимали это и покупали воду у восточников только в случае крайней нужды, которая, похоже, не возникнет в этом году.

Полшестого Олег Викторович сообщил об окончании собрания и тут же объявил о повторной встрече через несколько дней, пообещав подумать над всеми предложениями как следует.

– Жаль только, думать здесь не о чем, – с огорчением объяснил староста, когда остался с Матвеем наедине. – Это я так, людей успокоить, чтоб надежда у них была. На самом деле, попали мы по самое не хочу, – он сел на свободный стул и задумчиво почесал голову. – Неужели и впрямь к макмердовцам придётся идти и просить в долг?

– Ты же этого не хотел.

– И не хочу, – ответил он сразу же, – да только вот иного пути не вижу, как эту зиму пережить. Вот же, черти его побрали, пожар этот! Ладно... подумаем ещё. Есть у нас время.

Вечером Матвей, как и обещал, отправился к Арине. Её жилой блок стоял в северной части станции, соединяясь со старым зимовочным комплексом и остальными жилыми блоками общим коридором. Новичок, внезапно оказавшийся в этой веренице коридоров, мог бы с лёгкостью там заплутать.

Поскольку Матвей жил в противоположной, южной части «Востока», ему понадобилось пройти около трёхсот метров по улице. В летний период времени холод снаружи был терпим, если одеваться как надо. Зимой же, когда температура опускалась до минус шестидесяти и ниже, модуль разрешалось покидать только в случае крайней необходимости и отсутствия бури. Правда, если и решишься на такое, пеняй на себя...

Проходя мимо медблока южного комплекса, Матвей вспомнил случай, как три года назад, во время очередной зимовки, однажды утром они не досчитались одного юноши. Звали его Толей и было ему всего тринадцать лет. Он везде лез на рожон, любил себя показать, одним словом, суетной. Всю станцию на уши поставил своими поисками. Связались с остальными комплексами: северным, восточным, западным – нет у них Толи (на зиму все они обыкновенно делились на четыре группы и поддерживали связь только по рации, дабы лишний раз не выходить наружу).

На следующий день двое ребят, одногодки Толи, со слезами на глазах признались, что поспорили с ним на тысячу ватт. Парнишка заявлял, что дойдёт до западных блоков в разразившуюся в ту ночь пургу. Здесь-то всё и стало понятно. Поиски немедленно прекратили.

Толю нашли только через четыре месяца, когда наступило лето. Его окоченевший труп лежал у медблока южного комплекса. Парень, собственно, не то чтобы до западных блоков не дошёл, он и территорию родного не покинул.

Казалось бы, горе, да вот только дурака хоть и было жалко, да не сильно. Тысячу раз ему говорили... Зато смерть Толи преподавала наглядный урок остальной молодёжи, а Олег Викторович с тех пор ввёл строгое правило: покидать станцию только с разрешения старшего по комплексу, назначенного на зимовку.

Погрузившись в мысли, Матвей и не заметил, как оказался возле главного входа в северную сеть модулей, стоящих на прочных гидравлических опорах, которые поднимали или опускали в зависимости от количества выпавшего снега. Он поднялся по лестнице, открыл тяжёлую, воздухо непроницаемую дверь, оказался в прохладном тамбуре с внутренней дверью. Открыв ее и заперев как следует, он оказался в «кишке».

«Кишкой» называли соединяющий жилые блоки коридор, в целях экономии не отапливали, полагаясь только на тепло так называемой каменной ватой⁶, которой были обшиты стенки модуля изнутри. Лет тридцать назад они, возможно, и грели, как надо, но с каждым годом делали это всё хуже. От постоянного холода спасало только радиаторное отопление внутри жилых помещений.

Через несколько минут Матвей добрался до двери нужного ему отсека модуля и громко постучал, уже заранее настраиваясь на то, что простоят у порога ещё секунд тридцать, прежде чем ему откроют. А виной всему была рассеянность жительницы этого отсека. Много раз уже замечал, как Арина настолько сильно погружалась в свои мыслительные процессы, что ему для привлечения внимания приходилось окликать её раза три.

Наконец, дверь открылась, и девушка встретила его, как всегда, с улыбкой до ушей и взъерошенной копной каштановых волос.

– Матвей! Ну, наконец, пришёл. Чего так долго? Давай, проходи.

Он уже и не жаловался на долгое нахождение в прохладной кишке. Чего толку, всё равно не исправится.

– Чай будешь? Я тут у какого-то китайца приезжего на днях прикупила травки... Сто ватт за триста граммов содрал, гад, но зато, благодаря этому зелью, я бодрячком с самого утра!

– Оно и заметно, – хмыкнул Матвей. – Ты вообще спишь?

– Ну, бывает... – её красные глаза говорили об обратном. – Так ты будешь чай, нет?

– Ну, давай, если предлагаешь.

Она было дёрнулась в сторону кухни, но вдруг замерла и заявила:

– А, вообще, давай чай на потом отложим. У меня уже руки чешутся тебе показать.

У Арины энергия била ключом. Ещё секунда, и она чуть ли не в пляс пустится.

– Показывай уже, – согласился Матвей и вошёл в крохотную комнатку, являющуюся по совместительству целой мастерской.

Каких только приبلуд не таила в себе так называемая «каморка» Арины: старые ноутбуки, смартфоны, экраны телевизоров, детали ваттбраслетов и прочей техники. На стенах висели инструменты, половину из которых Матвей видел впервые, а вот хозяйка этого «богатства» могла назвать каждый и подробно расписать способы его применения.

Впервые вошедший сюда человек непременно сказал бы, что большая часть наваленного здесь – бесполезный хлам, на что Матвей обязательно ответил бы: только не в руках Арины Крюгер.

– Сюда, – с отчётливым нетерпением произнесла девушка, подзывая его к столу. – Узнаешь?

⁶ **Каменная вата** – теплоизоляционный материал на основе высококачественного волокна из природных минералов.

На её рабочем столе лежал обыкновенный с виду метеодатчик: шест с блоком сенсоров на конце. Без этого устройства ни один собиратель не смел соваться на захваченные континенты, если, конечно, не хотел повстречаться с мерзляками.

– Наверное, глупо было спрашивать тебя об этом, – поджав губы, ответила на свой же вопрос Арина. – Учитывая твоё... Ну, ты знаешь, прошлое.

Матвей улыбнулся и согласно кивнул. Несмотря на их довольно большую разницу в возрасте в восемнадцать лет, общаться с Ариной ему было легко. Девушка имела не по годам острый ум, однако у неё то и дело проскальзывали ещё вполне ребяческие черты.

– Это один из моих старых метеодатчиков, – подметил Матвей и тут же задался вопросом: – Погоди, а где ты его достала?

– Эм... Да, в общем-то, я одолжила его со склада...

– Под «одолжить» ты имеешь в виду?..

– Да, да, я его спёрла, – призналась Арина. – Олег Викторович ни за что не дал бы его мне. Сам знаешь, начнёт опять думать, что я ерундой балуюсь, только технику ломаю. Поэтому и взяла... Да и валялся он там без дела!

– Ну, хорошо, давай я представлю, что передо мной не тот самый датчик со склада...

– Который, между прочим, я спасла, учитывая наше утреннее происшествие! – гордо заявила девушка, выпитив подбородок. – Но мы не об этом. Гляди сюда...

Она нажала на маленькую кнопку датчика и подсоединила к нему через кабель планшет. Через несколько секунд на экране планшета появилась синоптическая карта, охватывающая лесистую местность радиусом в пятьсот километров, должно быть, где-то в Сибири.

– Это карта для теста. Посмотри, она выглядела бы так же, будь ты на вылазке? Хочу быть уверенной, что нигде не напортачила во время перепрошивки.

Матвей взял планшет и всмотрелся в картинку на экране. Приблизительное направление ветра отображалось на карте стрелками, границы холодных и теплых фронтов были указаны синими и красными линиями, а области низкой и высокой температур окрашены в соответствующие оттенки фиолетового и оранжевого. Отмечены были и самые неприятные явления, такие, как адвекция⁷, изображённая в виде дрейфующего кружочка с тёплой воздушной массой внутри. Не одну жизнь унесла адвекция своим внезапным, тяжело прогнозируемым появлением, поскольку обыкновенно вместе с горячим воздухом приносила с собой и кучу мерзляков.

– Так, и?.. – поинтересовался Матвей.

– Гляди, – Арина коснулась планшета, сузила радиус до пяти километров и, выведя сбоку панель интерфейса, нажала на значок с изображением жучка. Через секунду в разных областях карты появились красные мигающие точки. Матвей успел насчитать пятнадцать.

– Что это?

– Мерзляки.

Матвей с нескрываемым удивлением посмотрел на самодовольное лицо девушки.

– Хочешь сказать?..

– Да, мне удалось вывести на панель не только данные о погоде, но и местонахождение мерзляков в настоящем времени, – Аришка прямо сияла от счастья. – Ну, естественно, не рядом с нашей станцией, если ты вдруг не понял. А теперь спроси меня, как я это сделала.

– Как, чертовка, ты это сделала? – Матвей и впрямь был удивлён увиденным.

– Да так, всего лишь установила датчики вибрации внутри шеста. Правда, много времени убила на их настройку, калибровку чувствительности... Ну, знаешь, чтобы датчик не брал в расчёт шаги крупного зверя вместо наших инопланетных гостей. Какого-нибудь там медведя,

⁷ **Адвекция** – в метеорологии перемещение воздуха в горизонтальном направлении и перенос вместе с ним его свойств: температуры, влажности и других. В этом смысле говорят, например, об адвекции тепла и холода. Адвекция холодных и тёплых, сухих и влажных воздушных масс играет важную роль в метеорологических процессах и тем самым влияет на состояние погоды.

например. Но, честно признаюсь, до идеала эта разработка ещё не дотягивает. Помимо того, что радиус ничтожно маленький, её необходимо испытать в полевых условиях, – девушка раздосадованно вздохнула. – Жаль, я не успела закончить этот прототип до ухода наших ребят.

– Да, жаль, – согласился Матвей, вспоминая команду восточников-собирателей, ушедших ещё в ноябре. – Но ничто не мешает тебе поработать над улучшением прототипа и отдать его им в следующий сезон.

– Пожалуй, – с грустью согласилась Аришка, отключив планшет, – если, конечно, мы доживём до следующего сезона.

– Выше нос. Мы справимся, – постарался утешить её Матвей, но встреченная им скептическая улыбка собеседницы дала понять, как слабо она верила в его слова.

– Отец гордился бы тобой, – поспешил добавить он, решив не затрагивать тему назревающего голода, нависшего над станцией, словно гигантская смертельная туча. – Помню, как ты ещё совсем маленькой торчала с ним в этой мастерской целыми днями.

– Скорее, мозолила глаза, – к счастью для Матвея, поддержала разговор Арина, осматривая кабинет. – И пыталась глупыми вопросами про его инструменты и проекты. Помню, как он делал этот терпеливый вздох... – она попыталась изобразить его. – Обращивался ко мне с милой улыбкой на лице и спокойно отвечал на любой, даже самый идиотский вопрос.

– Курт отличался невероятным терпением, – согласился с ней Матвей. – Я ещё мальчишкой помню, как он, несмотря на происходящее вокруг безумие, ковырялся в этом радиопередатчике и тихонько насвистывал весёлый мотивчик.

– Да, – мечтательно произнесла девушка, поглядывая на стену, – я скучаю по нему.

В её глазах блеснули слезы, но она поспешила их вытереть, и едва Матвей открыл рот, резко спросила его:

– И всё же, Матвей, что с нами будет? Как мы решим проблему голода? Честно говоря, услышанное сегодня на собрании не вселяет надежды.

– Я не знаю, Арин, – честно признался Матвей, понурился взгляд. – Олег назначил следующее совещание через пару дней...

– Но и оно будет без толку?

Он кивнул, согласившись с её догадкой.

– Знаешь... – девушка осмотрелась по сторонам, будто убеждаясь, что их никто не подслушивает. – Я сейчас, возможно, скажу нечто провокационное и, по негласным законам «Востока», даже неправильное, но пускай это останется между нами, хорошо?

Матвею её слова показались слегка оскорбительными. Как она вообще могла усомниться в его преданности? Он знает её вот уже семнадцать лет, с тех самых пор, как их отцы стали закадычными друзьями. Помнит, как ещё юношей впервые взял её на руки и почувствовал невероятный груз ответственности за эту маленькую кроху, завернутую в старые тряпки и шкуры. Матвей и сам не знал, почему.

Потом она стала расти на его глазах. Он приносил ей разные игрушки с захваченных земель, которые удавалось достать во время вылазок. А когда девочка подросла, делился с ней историями о тех далёких землях, где когда-то жили их родители. Рассказывал, что там нет снега, а вокруг сплошная зелень и такие большие продолговатые штуки, которые зовутся деревьями. Тогда ещё маленькая Аринка ему не верила, хоть и с удовольствием слушала его истории.

Когда девочке исполнилось три года, её мама умерла от тифа. Матвей очень хорошо помнил, как Курт Крюгер тяжело переживал потерю супруги, ища утешения в этой самой мастерской, ремонтируя всякие приспособления. Но со временем, не то сильный характер, не то ответственность за маленькую дочь дали ему силы справиться с горем. Через несколько лет мужчина выглядел так, будто в его семье и не произошло никакой трагедии.

Два года назад от рака скончался и сам Курт, оставив после себя лишь жилой модуль с мастерской и знания, что успел вложить в талантливую голову дочери. Тогда-то Матвей в полной мере примерил на себя роль старшего брата, взяв опеку над уже достаточно взрослой девочкой.

За это время Арина успела стать для него самой настоящей сестрёнкой. Порой настырной, грубой, но, несмотря ни на что, крайне им любимой.

– Буду молчать, как рыба, – спокойно, хоть и немного задетый, ответил он.

Арина подошла к рабочему столу, облокотилась на него и, задумчиво побарабанив пальцами по одному из ноутбуков, произнесла:

– Это насчёт Никиты.

– Вот как, – удивился Матвей. – Наш утренний воришка.

– Да, он поступил чертовски глупо, но знаешь... – она осеклась. – Ох, за такие слова я вполне могла бы пойти убирать дерьмо с ним на пару. В общем, чёрт с ним... Знаешь, он ведь отчасти прав.

Матвей дал ей несколько секунд в надежде услышать, что она так пошутила. Этого не произошло.

– Ты серьёзно?

– Блин, да, Матвей. Ведь его можно понять! Мы и до этого голодали, а теперь так и вовсе снег без соли доедать будем! Зима на носу, а проблема с едой, судя по сегодняшнему собранию, точно не решится к сроку. И только не говори мне, что ты и сам этого не заметил. Короче, если и дальше так продолжится, нам точно всем... – её так и распирало закончить предложение бранью.

– Не сквернословь, – опередил её Матвей.

– Да, хорошо, хорошо, – девушка заходила взад-вперёд по мастерской со спрятанными за спиной руками, явно пытаясь унять свою внезапно нахлынувшую вспыльчивость.

– И что ты хочешь мне сказать этим? – спокойным тоном произнёс Матвей, наблюдая за ней.

Она остановилась, тяжело выдохнула и сказала:

– Почему бы нам не обратиться за помощью к прогрессистам?

Матвей долго смотрел на неё не в силах даже рта открыть. Ему вдруг вспомнились слова Олега Викторовича, произнесённые сегодня утром про новое поколение.

– Исключено. Мы не можем...

– Почему не можем? Ведь мы даже не поднимали этот вопрос на собрании!

– Никто не поддержал бы подобное.

– Естественно, не поддержал бы, ведь у нас на станции любое упоминание прогрессистов не как врага или последней мрази карается смертельным изгнанием. Вот и попробуй после этого хоть пискнуть о них.

– Потому что прогрессисты – наши враги, Арин! Неужели отец с матерью не рассказывали тебе, через что нам пришлось пройти?

– Разумеется, рассказывали, – стыдливо опустив голову, ответила девушка. Однако, снова набравшись храбрости, продолжила: – Но это было тридцать лет назад. Неужели не пора перевернуть эту страницу и начать с ними хотя бы вести диалог? Кто знает, может, они согласятся нам помочь?!

– Все, кому они помогают, – это только самим себе. Им не было дела до нас тогда, тем более не будет и сейчас.

– Ты этого не знаешь наверняка.

– Знаю.

– И что тогда? Будем умирать с голоду, но с гордо поднятой головой?!

– Мы найдём решение.

– Какое? Ты прекрасно знаешь, что...

– Мы найдём решение! – на этот раз крикнул он, заставив Арину вздрогнуть от неожиданности.

Завидев перепуганное лицо своей хоть не родной, но всё же сестры, Матвей осознал, что погорячился, и попытался разрядить обстановку:

– Извини, что повысил голос, – почти шёпотом проговорил он. – Просто...

«Просто ты не представляешь, через какие муки голода я прошёл, милая моя Арина, – хотелось ответить ему, – и на что мне пришлось пойти ради выживания тогда, когда мне было всего четыре года».

– Просто... что? – спросила она.

Матвей выдохнул и отмахнулся, так и не решившись выразить всё это вслух.

– Неважно, – ответил он.

Несколько минут они стояли молча, ожидая, когда у обоих с плеч спадёт это неприятное, душашщее их напряжение.

– Ты прав, – кивнула, в конце концов, Арина, накрывая метеодатчик тканевым брезентом. – Зря я подняла эту тему. Мне не стоило... – они встретились взглядами, и она улыбнулась ему уголком рта. – Вот что, давай-ка, я всё же заварю нам тот китайский чай. Как тебе такое предложение?

– Идёт, – согласился он.

Девушка прошла мимо него и ласково коснулась его плеча.

– И спасибо тебе, – вдруг тихо произнесла она. – За Никиту.

– А что, он тебе нравится? – Матвей ощутил неприятный приступ ревности, однако эмоции, которые он испытывал, больше походили на заботливую опеку отца, нежели страсть влюблённого человека.

– Заморозь мои щеки, нет, – хихикнула Арина. – Скорее, приятель, с которым мы пару раз болтали.

Приятель... Матвей до сих пор не мог понять, что на него нашло? Раньше он без стеснения отправил бы этого «приятеля» на мороз за содеянное, но теперь не решился. Не то жалость Арины надавила, не то что-то другое...

Странно всё это.

– Знаешь, ты изменился, – вдруг сообщила Арина, словно прочитав его мысли. – После случившегося... Я всё хотела тебе сказать это, но никак не решалась.

– Вот как? – удивился он после долгого молчания. – Надеюсь, в лучшую сторону? – добавил с натянутой улыбкой.

– Если твою постоянную угрюмость и замкнутость можно отнести к положительным чертам твоего преображения, то я, пожалуй, буду первой, кто возразит, что это не так.

Матвею нравилось, как Арина порой с лёгкостью и даже некоторой беззаботностью могла говорить на серьёзные темы, при этом не убавляя значимости собственных слов.

– Мы могли бы поговорить с тобой об этом. О том, что произошло... – произнесла она медленно, взвешивая каждое слово. – Может, это помогло бы...

– Ты, кажется, говорила что-то насчёт чая? – с толикой грубости прервал её Матвей, не желая продолжать этот разговор.

К счастью, Арина всё поняла.

– Да, через минуту будет готово.

Вечером Матвей вернулся в свой модуль и успел пожалеть о чашке выпитого китайского чая. Мало того, что напиток был вкусный и своим травяным запахом мысленно возвращал на тёплый континент, так он ещё, зараза, и впрямь, бодрил похлеще всякой звонкой пощёчины. И как он ни старался устроиться в койке, закрыв ставнями все окна от яркого полярного солнца, глаз ему так и не удалось сомкнуть.

Часов в одиннадцать вечера, устав бороться с бессонницей, Матвей принялся за чтение. Благо в период его с отцом собирательной деятельности у них накопилась обширная библиотека, вмещающая в себя как художественную, так и прикладную литературу.

Прежде ему казалось это бессмысленным занятием, пока однажды отец во время очередной из вылазок не сказал:

– Вот тебе важный совет, сын. Считаю, это даже не совет, а строгое правило: при каждой вылазке обязательно прихватывай с собой книжонку-другую. Неважно, какую: художественную, научную... Написанное в них позволит тебе лучше узнать старую землю до Вторжения. Понять, как тогда жили люди, и где они хранили те или иные вещи. А ещё, что немаловажно, это поможет тебе помнить, как люди должны жить, а не выживать. Это понятно?

– Да, пап.

– Время от времени мы должны стирать грань между жизнью и выживанием, иначе так и свихнуться можно. Запомни это и вбей себе в голову как следует, понял?

– Да, пап.

– Вот и хорошо.

Отец оказался прав, это, и правда, помогало: читая выдуманные истории, у Матвея иногда появлялась надежда, что всё это когда-нибудь закончится, мерзляки сдохнут, а человечество начнёт жить заново. Увы, с каждым годом надежда на подобный исход становилась для Матвея всё менее осязаемой.

От размышлений его отвлёк стук в дверь. Матвей нехотя поднялся с кресла и открыл замок. В коридоре его встретил Сэм, укутанный в старую куртку.

– Привет, Сэм. Заходи...

– Привет. Благодарю тебя, но я только на минутку.

– Что случилось?

– Со мной около часа назад связались по рации, спрашивали, остались ли на станции собиратели. Я сначала сказал нет, наши-то уже два месяца как на вылазке, а потом вспомнил про тебя и... в общем-то, вот.

– Кто связался? Какая станция?

– Они не назвались. Просто спросили, есть ли собиратели, – затем, почесав за ухом, он добавил: – Странно, да? Зачем им собиратели, когда окончание сезона на носу?

– И что ты им ответил?

– Только назвал им твоё имя и, вроде как, дал обещание, что ты с ними свяжешься завтра в десять утра. Это всё.

– Ясно. В таком случае можешь связаться с ними завтра сам и ответить, что я больше этим не занимаюсь.

– Как скажешь!

– И ещё, Сэм... Постарайся не распространяться насчёт имён в следующий раз.

– Да, согласен, – виновато опустив взгляд, ответил американец. – Просто этот тип был так настойчив... Ладно, не буду тебя больше беспокоить. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – кивнул ему Матвей и закрыл дверь.

Жаль только, что ночь эта оказалась вовсе не спокойной. Когда Матвею, наконец, удалось заснуть, его тут же окутали кошмары.

В них он снова видел, как мерзляки разрывают его ребят на части, одного за другим. И он ничего не может с этим поделать.

Совсем ничего.

Глава 3. Чужаки

Кто бы мог подумать, что оставшиеся в прошлом способы шить одежду из шкуры животных вновь станут актуальны? До чего причудливо наблюдать, как синтетические куртки постепенно сменяются паркой из тюленьей шкуры, а нейлоновую обувь вытесняют унты с прокладкой из пингвиного меха. Исчезают стальные иглы – их место занимают маленькие косточки птиц и китовый ус. Ничто не пропадает даром.

Зная, что ещё тридцать лет назад во всём мире полностью запретили использовать шкуры и мех животных в качестве материала для одежды, подобное не укладывается в голове. Будущее стало тесно сосуществовать с прошлым.

Из личного дневника Фридриха Шульца, старосты станции «Конен», 2069 год.

21 января 2093 года

Йован никогда не упускал шанса раз в год с размахом провести свои именины, напоив всех братьев и сестёр бормотухой собственного приготовления.

Вот и сейчас, несмотря на пришедшую на «Восток» беду, он созвал всех, кого только смог, в столовую, которую много лет назад переделал в бар и нарёк его «Полярным Переполохом». Подобное ироничное название было как раз в духе здоровяка с его непростым характером.

Йовану стоило отдать должное, поскольку в своё заведение он действительно вложил душу, превратив его в крохотный островок прошлого. Именно в баре посетители могли найти множество разных шуток с захваченных земель, будь то игрушки, картины, статуэтки, музыкальные проигрыватели и ещё много прочего, хоть и бесполезного, но крайне любопытного барахла. Сам Йован любил коллекционировать бутылки из-под разных алкогольных напитков, которые он с гордостью демонстрировал заезжим гостям, иногда останавливающимся на «Востоке» по пути на другие станции. Матвей лично принёс ему с захваченных земель три бутылки довольно чудаковатой формы: из-под виски, коньяка и вина.

Но, откровенно говоря, «Полярный Переполох» славился своей аутентичностью куда меньше, нежели местным самогоном на картофеле, который Йован выращивал в одном из контейнеров-ферме. Разумеется, большая часть клубней шла на стол в качестве еды, и лишь малую их долю он тратил на крепкую бормотуху.

Поначалу Олег Викторович был против затеи Йована, посчитав её излишней растратой пищи, но с подачи Матвея всё же дал добро. Людям нужно было немного успокоиться и отвлечься перед наступлением зимы, а заодно отдохнуть от изрядно надоевших собраний, которые всё равно ни к чему не приводили.

Вечером в «Переполохе» собралось полсотни восточников. Они по очереди подходили к стойке, за которой хозяйничал именинник, и поздравляли того с юбилеем.

– Тридцать пять лет! – настала очередь старосты. – Эх, вернуть бы и мне мою тридцать пять.

– Ну, это мы организуем, Олег Викторович, – отблагодарил его за поздравление Йован и стал наливать самогон в рюмку из китовой кости. – Не телом, так духом помолодеете. Вот.

– Так, сколько с меня, стало быть, ватт? – староста закатал рукав свитера, обнажив свой старенький ваттбраслет, представляющий собой портативный аккумулятор с дисплеем от старого смартфона. Он вытянул небольшой кабель для передачи энергии на браслет Йована, но тот его остановил.

– Олег Викторович, ну, вы чего? Сегодня всё за мой счёт. Забыли? Весь вечер об этом талдычу.

– Вот как? Видать, запомнил. Ну, раз такое дело... – он взял небольшую рюмочку с напёрсток и залпом её осушил.

Йован и сидящий рядом Матвей тем временем обменялись взглядами, как бы говоря друг другу: Викторovich уже не так молод, как в те времена, когда мы оба были мальчишками.

– Ох, хорошо пошла, зараза, – сморщившись, произнёс староста и поспешил закусить сушёной рыбой. – Щас бы хлеба или лучка... Гадство! Жаль, нет у нас семян.

– Я слышал, у палмеровцев есть семена, чуть ли не сотни видов разных овощей, – вспомнил Матвей, отламывая кусок варёной картошки.

– Палмеровцы? Это которые на полуострове? – уточнил староста.

– Они самые. Станция «Палмер».

Олег Викторovich отмахнулся.

– Тоже американцы. Цену заломят такую, что за эти ватты потом можно будет полгода всю станцию энергией снабжать. До них ещё и ходу две недели.

– Зато у нас есть картошка, – с ухмылкой подметил Йован и добавил: – И, собственно, больше ничего.

– Эй, громила! – к стойке прильнула Арина. – Ну, с днём рождения тебя, что ли, с тридцати-чем-то-летием.

– Ха-ха, – наигранно ответил на её фразочку Йован. – Посмотрите, кто пришёл позже остальных, – он указал на шумную толпу восточников, играющих за столом в карты. Партия набирала обороты. Слышались удары кулаками о стол, знаменующие горечь поражения или радость победы.

– Да, ладно, не дуйся, а то ты в такие моменты похож на неповоротливого пингвина. Вот, держи-ка лучше свой подарок и налей мне рюмочку.

Арина протянула ему нечто, завернутое в тюленью шкуру и небрежно обмотанное розовой лентой.

– Матюш, ущипни-ка меня, а то я, никак, сплю, и мне снится то, чего на самом деле ни за что не произошло бы, – не приняв в руки подарок, прошептал Йован.

– Ну, раз не хочешь...

– Шучу, шучу! – здоровяк осторожно выхватил из её рук подарок и широко улыбнулся. – Спасибо тебе, вертихвостка. А знаешь что, я даже тебя обниму!

– Нет, давай-ка ты будешь стоять там, где...

Но было поздно, Йован уже вышел из-за прилавка и прижал к животу совсем низенькую Арину, утонувшую в его объятиях.

– Да, всё, всё! Ты меня сейчас придушишь, – запротестовала та, отпрянув от здоровяка. – Взгляни лучше на подарок.

Йован так и сделал, осторожно и нарочито деликатно развязал ленточку, а затем развернул шкуру. Увиденное заставило его вновь расплыться в улыбке.

– погоди, это моя колонка?! – он обернулся к ней. – Хочешь сказать, ты её починила?

– Если ты вдруг забыл, – деловым тоном начала Арина, – я здесь, на «Востоке», что-то вроде молодого гения, способного не только изобретать, но и чинить всё. Ну... почти всё.

– Твоим ручкам да памятник! – Йован взял её за руки и в свойственной ему манере весельчака играючи стал целовать ей пальцы, пока та пыталась вырваться.

– Фу, мерзость! Иди уже, включи что-нибудь, а то от этого галдёжа башка уже болит.

– Уже исполняю.

Йован стал суетиться возле барной стойки, подключая музыкальную колонку к динамикам, вот уже много лет используемым в роли подставки для тарелок. В какой-то момент здоровяк так возбудился в желании скорее подключить колонку, что даже занёс руку для того, чтобы смахнуть всю эту грудку алюминиевых мисок и кружек. Однако вовремя образумился и стал осторожно класть их на пол одну за другой.

– Иногда он напоминает мне великовозрастного ребёнка, ей-богу, – шепнула Арина Матвею, сев с ним рядом. – Удивительно, как он дожил до тридцати.

– А я порой завидую ему, – выпитое слегка развязало язык её собеседнику. – Даже несмотря на все беды, он умудряется сохранять человечность и заражать ею остальных. Это очень важно, особенно сейчас.

Арина сдвинула брови, судя по всему не согласившись с его словами.

– По мне так это глупое и неуместное притворство, – ответила она, самостоятельно налив себе бормотухи. – Внутри, уверена, его рвёт на части от осознания грядущей задницы.

Девушка взяла наполненную рюмку и потянула ту к губам.

– Эй, эй, дурёха, ты чего это удумала? – Матвей выхватил у неё рюмку.

– Да, ладно тебе, я только попробовать!

– Нет, – жёстко выдал он. – В другой раз.

Арина собиралась возразить, но её прервали громкие хлопки в ладоши.

– Так, народ! – стал объявлять Йован, заставив умолкнуть остальных восточников. – Бросаем карты, кончаем чесать языками, откладываем рюмки и... танцуем!

Он нажал на колонку, и по всему помещению волной прокатилась зазорная музыка, сочетание гитары и пианино. Пели не то на испанском, не то на итальянском, было не разобрать. Но услышанное отдалось в теле здоровяка, и нога стала бить в такт сама собой.

– Вперёд, айда! – продолжал командовать именинник. – Поднимаем попы, растрясем кости...

Воодушевлённые музыкой и призывами Йована, восточники начали подниматься с мест и приглашать на пустующий в баре островок партнёров. Ввиду нехватки женщин, некоторые мужики в шутку приглашали своих друзей и танцевали с ними.

Задрожал пол, завибрировали стены, послышался смех. Немногочисленное старшее поколение, ещё заставшее время до Вторжения, учило молодых правильно танцевать, хоть и сами «учителя» при этом выглядели крайне нелепо.

– Не пойму, в чём смысл? – пробурчала Арина, кивнув в сторону творящейся вакханалии. – По мне так выглядит глупой растратой энергии.

– Видимо, пока не попробуешь – не поймёшь, – подмигнул ей Матвей.

– Нет, даже не думай...

Но Матвей настоял, встав возле неё и предложив ей взяться за локоть.

– Давай, ты всё это затеяла.

– Я уже жалею, что починила эту колонку.

– Сделанного не воротишь. Теперь расхлёбывай.

– Я не умею танцевать, Матвей.

– Так и я не умею.

Арина тяжело вздохнула. Таки сдалась.

– Ладно, но если я упаду и расшибу себе голову, в этом будешь виноват ты и заодно Йован с его музыкой... Блин, да я сама буду виновата, ведь кто починил эту...

Матвей схватил её за локоть, притянул к себе, и оба они влились в толпу. Он чувствовал, как она занервничала и стиснула зубы.

– Так, и чего делать?

Матвей пожал плечами.

– А мороз его знает. Просто... повторяй вон за тётей Валею, – он кивнул в сторону седовласой женщины, охотно рассказывающей молодым, как они танцевали в её молодости, подкрепляя теорию практикой.

– Боже, какая это глупость, – пожаловалась девушка, но всё же попыталась повторить движения.

Сначала Матвей старался лавировать осторожно, следя за каждым своим поворотом ноги и взмахом руки. Но затем плюнул на это и стал двигаться так, как хотелось. Чёрт бы с ним, тут и без него хватает неумех.

– Я помню, как отец постоянно что-то напевал себе под нос на немецком, когда мастерил очередную вещичку, – поделилась Арина воспоминанием. – И ещё топал в такт ногой, а я сидела с ним и не понимала, зачем он это делает. Но теперь, кажется, до меня дошло.

– Немного весело, не правда ли?

– Ну...

Арина не ответила, но по её довольной улыбке и так всё стало понятно.

Вдруг между ними вклинился Ромка Булаткин, восьмилетний малец.

– Матвей, Матвей! – он потянул его за свитер к себе.

– Что случилось, малой? – сев на корточки, спросил тот у него.

– Сюда идут трое людей, не наши! Они приехали вот на таком большущем вездеходе!

– Проездом? – предположила Арина, взглянув на Матвея. На её лице считывались волнение и тревога одновременно.

– Если и так, то, по правилам, они должны были связаться с Сэмом, заранее предупредив о прибытии на станцию.

– Матвей, это ещё не всё! – снова завопил мальчишка. – Я у одного из них видел пистолет! Настоящий!

От услышанного у Матвея зазвенело в ушах. Он обменялся тревожным взглядом с Ариной, а затем краем глаза заметил, как входная дверь в «Полярный Переполох» открылась.

На пороге появились трое незнакомцев, одетых в приличные кожаные куртки. Среди них была черноволосая девушка, чей строгий, оценивающий взгляд сразу привлёк внимание Матвея. Со стороны казалось, что она просчитывает текущую обстановку, заранее планируя свои действия. Вторым был коренастый мужчина среднего роста: гладковыбритое лицо (ныне большая редкость ввиду отсутствия нормальных инструментов для бритья), квадратная челюсть и немного туповатое выражение. Во главе этих двух стоял старик в чёрной кепке на голове и седой бородой, левую руку он держал в кармане куртки.

– Это они, они! – громко заверещал Рома.

Старик что-то шепнул своей спутнице, указал на барную стойку, и вся троица направилась к ней. С головой погружённые в танец восточники сперва не обратили внимания на чужаков, пока те не пошли сквозь толпу танцующих. Вот тут-то незваные гости приковали к себе несколько подозрительных взглядов.

Чутьё подсказывало Матвею, что в любую минуту может произойти что-то неладное.

К тому времени, как незнакомцы подошли к барной стойке, все собравшиеся, несмотря на продолжающую играть музыку, уже перестали танцевать и смотрели только на них. Йован, как и беседующий с ним Олег Викторович, заметили троицу самыми последними.

– Оу, а это кто у нас? – не растерялся Йован и, заметив, что остальные восточники более не танцуют, выключил музыку. – Никак гости с другой станции?

Остававшийся на чеку Матвей постарался незаметно подойти сбоку к тому коренастому с туповатым лицом и сесть на краешек стола. Сделав это, он заметил, как Олег Викторович, продолжая сидеть на стуле, с прищуром вглядывался в старика в кепке, словно бы изучая каждую чёрточку его лица.

– Да, так и есть, – ответил хрипло старик и оглянулся назад, приковав к себе взгляды всех собравшихся. – Как-то не очень гостеприимно вы встречаете выживших с других станций.

– Гости на «Востоке» у нас, знаете ли, в диковинку, – стал объяснять Йован. – Не все горят желанием посетить самую холодную станцию Антарктиды.

– М-да, пожалуй, мало кто захочет, – согласился старик. В его голосе чувствовалось напряжение, которое передалось двум его спутникам, повернувшимся лицом к посетителям. – Какой-то праздник?

– Вроде того, – сообщил Йован. – Вам налить? Или, может, хотите поесть?

– Нет, спасибо. На самом деле я ищу одного человека. Зовут Матвеем, фамилия Беляев. Он собиратель. Мне сказали, что я могу найти его здесь, на «Востоке».

При упоминании имени Арина переглянулась с Матвеем и подошла к нему поближе.

– Да, я знаю Матвея, – ответил Йован.

– Чудно. Он сейчас здесь? Мне нужно поговорить с ним.

– Видите ли, как я и сказал, мы на «Востоке» не слишком привыкли к чужакам, – Йован взял один из стаканов и стал протирать его тряпочкой. – И, чтобы перестать быть таковыми для нас, восточников, как минимум, на этот вечер, лучше всего будет вам назвать свои имена и станцию, с которой вы прибыли.

Незнакомец и рта не успел открыть, как в диалог внезапно вмешался Олег Викторович:

– Пускай не утруждает себя. Йован, я скажу тебе, с какой они станции, – лицо старосты охватила злобная судорога, а зубы заходили ходуном. Он указал пальцем на старика в кепке: – Я узнал тебя. Ты младший брат Зотова, сославшего нас сюда, – после чего крикнул всем остальным: – Это прогрессисты!

Слова старосты прозвучали для всех как боевая команда. Люди взревели и схватились за бутылки, ножи, одним словом, за всё, что попало под руку.

В этот самый миг один из спутников старика, тот, что с туповатым лицом, потянулся к поясу с явным намерением достать оттуда оружие. Матвей швырнул в него стул, выиграв тем самым себе пару секунд, и набросился на мужчину, приставив к его горлу сломанную ножку от брошенного стула.

Чего Матвей не учёл, так это черноволосую девчонку, ловко вынувшую пистолет из кобуры за поясом. Она нацелила ствол ему в голову, взвела курок и, наверняка бы, выстрелила, если б не раздавшийся рядом с ней строгий голос Йована:

– И думать не смей, – велел он, держа её на мушке старой двустволки, которую успел достать из-под прилавка во время начавшегося переполоха.

– Тихо, успокойтесь, – спокойным тоном произнёс старик в кепке. – Мы никому не причиним вреда.

– Вот как? – вмешался в разговор Йован. – А оружие, стало быть, для красоты носите?

– Нет, для таких вот ситуаций, – объяснил тот.

– Да чего с ними разговаривать? Кончить уродов, и всё тут! – крикнул из толпы Паша Орлов, судя по сиплому голосу. – На «Востоке» нет места прогрессистам!

– Без тебя разберёмся, захлопни варёжку! – грозно ответил соплеменнику староста и вернул свой взгляд на главного прогрессиста. – Вы допустили большую ошибку, явившись сюда, ещё и с оружием.

– Возможно, – голос старика в кепке по-прежнему оставался спокойным, что не могло не вызывать скрытого уважения. – Но у меня не было времени на раздумья.

– Что ж, теперь у тебя и твоих людей будет его предостаточно, пока все вы будете сидеть под замком.

– Нет! – голос прогрессиста дрогнул, на мгновение лишившись прежнего спокойствия. – Послушайте, я и мои люди пришли сюда за помощью.

– Помощью?! – Олег Викторович впал в ярость. – Ты, видать, издеваешься?

Прогрессист предпочёл не отвечать на его вопрос и, поджав нижнюю губу, сказал:

– Давайте просто поговорим без угрозы жизни друг другу, это всё, о чём я прошу. Опустим оружие...

– Сначала вели это сделать своим людям, – твёрдо отчеканил староста.

– Послушайте, я просто ищу собирателя по имени Матвей, фамилия Беляев. Всё, чего я хочу, – это поговорить с ним. Больше ничего.

– Тогда вам следует опустить оружие, – внезапно вмешалась в разговор Арина, выступив вперёд. – Потому что ваша дамочка как раз держит его на прицеле.

Прогрессист взглянул на Матвея, прижимающего острый обломок деревянной ножки к шее коренастого. Стоит ему нажать чуточку сильнее...

– Это действительно вы? Беляев Матвей?

– Да, – поняв, что скрывать этого более не имело смысла, ответил тот.

– Надя, опусти оружие и положи его на стойку, – строго велел старик черноволосой.

– Но...

– Делай, что велено!

Девушка по имени Надя ещё секунду держала Матвея на прицеле, а затем, прошептав себе что-то под нос (явно не хорошее), нехотя подчинилась. Йован, продолжая держать дуло ружья в паре сантиметров от неё, свободной рукой коснулся пистолета и положил его под стойку.

– Ты тоже отдай сюда пистолет, – приказал Матвей своему заложнику, но тот лишь с непониманием и злобой смотрел в его сторону. – Живо! – Матвей слегка нажал ножкой стула на его шею, отчего появилось немного крови.

– Он не понимает тебя! – вмешался прогрессист.

– Что значит – не понимает? – озадаченно спросил Матвей.

– Он глухонемой, – объяснила Надя и поднятыми руками привлекла внимание спутника, после чего тот бросил пистолет на пол.

– Советую и тебе вытащить пушку из кармана, – обратился к старику Матвей, подбирая пистолет.

– Я безоружен.

– Делай, что он говорит, прогрессист хренов, – выпалил Олег Викторович, приблизившись к тому почти вплотную.

Старик хмыкнул, обвёл взглядом остальных и осторожно вытащил из кармана золотую цепочку с крестиком, которую староста тут же выхватил из его рук.

– Эй, живо верни! – возмутился старик, но тут же замер, как только в его щёку упёрлось дуло ружья.

– Но-но, дедуля, – сообщил ему Йован, – не рыпайся.

– Это моя вещь, ясно? Вы не имеете права...

– Ещё как имею, говнюк, – с не утихающей злобой прошипел староста, положив цепочку в карман куртки. – Матвей, Паша, Боря, уведите эту троицу в лабораторию и убедитесь, что они будут оставаться нашими «гостями» до тех пор, пока мы не решим, что с ними делать.

– Да вы что, рехнулись? – впервые подала голос Надя. – Вы напали первыми!

– Соболева, помолчи.

– Начальник, но ведь...

– Помолчи, говорю! – рявкнул он.

Девушка подчинилась, хотя было видно, что её так и распирает от гнева.

Матвей помог немому подняться и передал его в руки вышедших из толпы Паши и Бори, которым Йован уже дал моток верёвки, лежавший под прилавком. Как только пленники оказались полностью скованы, здоровяк не упустил возможности в излюбленной ему манере отпустить очередную шутку: он наставил дуло ружья на старика и нажал на спусковой крючок.

– Пуф! – хихикнул он.

Все в баре знали, что эта двустволка последний раз стреляла лет двадцать назад, пока не превратилась в одну из местных декораций бара «Полярный Переполох».

Глава 4. Сделка

Каждый день я задаюсь вопросом: что было бы, не найди мы на территории Антарктиды богатые залежи кобальта? Построили бы здесь жилые модули? Обеспечили бы тамошних полярников всем необходимым для комфортной жизни? Все эти ветряки, солнечные панели, сверхмощные вездеходы... Кроме учёных, никого не интересовал всерьёз кусок мёрзлой земли, пока здесь не нашли «золотую» жилу, приносящую миллиарды.

Я прихожу к мысли, что если бы мерзляки напали на нас до открытия залежей, то есть на десять лет раньше, вероятно, очень скоро Антарктида стала бы братской могилой для всего человечества. Без всего того, что оставили здесь кобальтовые корпорации, никто не продержался бы здесь и года.

Из личных записей старшего архивариуса Маркуса Терри, 2073 год.

22 января 2093 года

С момента задержания прогрессистов минула ночь, которая стала на «Востоке» одной из самых беспокойных и бессонных за последние годы. Жители станции судачили и строили догадки о целях визита давних врагов, при этом ставя под сомнение их умственные способности: это ж надо было набраться наглости и явиться сюда без разрешения, да ещё и в канун праздника.

Ещё одним поводом для горячего обсуждения являлся вездеход незваных гостей. Правда, вездеходом назвать эту махину язык не поворачивался, поскольку своей массивной конструкцией он, скорее, напоминал танк.

Транспорт был оснащён громадными колёсами с шипами и адаптивной подвеской, благодаря которым можно без особого труда преодолевать даже самые высокие заструги. Кабина выглядела, словно морда орла: вытянутая, с хищным взглядом фар и заострённым капотом, напоминающим клюв, только с решёткой радиатора. Корпус цвета серебристо-синего металла искрился на солнце, создавая эффект мерцающего полярного сияния.

На вездеходе с таким оснащением можно было добраться до любой точки Антарктиды, зная только заряжай себе аккумулятор, который, как предполагал Матвей, жрал немалое количество ватт.

Для той троицы подобная махина была чересчур великовата, поэтому Олег Викторович, сразу, после заключения прогрессистов под замок, приказал немедленно обыскать металлические контейнеры, закреплённые прочными ремнями на крыше вездехода. Найденное в них содержимое повергло восточников в шок, и количество желающих расправиться с прогрессистами значительно возросло.

Помимо вещей, предназначенных для длительных поездок: сменной одежды, множества еды и запасных батарей для аккумулятора, там хранилось оружие с большим количеством боеприпасов. Более того, им удалось найти даже целый ручной противотанковый гранатомёт, он же РПГ, и с десятков гранат.

Но самой примечательной находкой стала снайперская винтовка, длиною сравнимая с ростом Арины. Причём найдена она была не в ящиках, а лежала на койке внутри вездехода. И хоть с виду винтовка казалась довольно тяжёлой, но Йован, взяв её в руки, ухмыльнулся, заметив, что весит она всего ничего. Всё потому, что оружие было изготовлено из особого углеродного материала, известного своей лёгкостью и прочностью. Матвеем довелось видеть подобные винтовки пару раз на рынках собирателей в «Мак-Мердо». Стоимость одной такой покрывала, как минимум, год обеспечения ваттами его жилого модуля.

– Эту красавицу я возьму себе, – погладив ствол винтовки, объявил Йован. – Думаю, прогрессисты не обидятся. А патроны для неё видали? Размером с мой средний палец.

– Ты хоть стрелять из неё умеешь? – выпалила Арина.

– А чего уметь-то? Прицелился, нажал, бам! – Йован обернулся к подошедшему Матвею. – Как тебе арсенал, дружище? Самое то, чтобы захватить небольшую станцию, а? – последнее предложение он произнёс с заметным намёком.

– Втроём? Ты серьёзно? – с издёвкой ответила ему Арина.

– Да, с таким вооружением и трёх человек хватит. Глянь на всё это добро! У нас на целую станцию всего несколько пистолетов и допотопное ружьё, которое не стреляет, а здесь даже автоматы есть. Я их сроду не видал, разве только на картинках.

– Даже если и так, даже если и предположить, что они сюда приехали нас захватывать... втроём, то зачем им оставлять набитый оружием вездеход без присмотра? Ещё при этом вваливаться в бар, где собрались все восточники?

– Может, у них здесь подкрепление где-нибудь рядом, а они – вроде отвлекающего манёвра, – строил догадки здоровяк. – Вот сейчас расслабимся, пойдём спать, а они как!..

Услышав ответ Йована, Арина закатила глаза.

– Может, лучше попробовать у них самих выяснить, зачем они взяли с собой столько оружия?

– Так они тебе и скажут.

– Матвей, – Арина устала спорить с Йованом. – Нужно поговорить с ними. Тот старик искал тебя... Да ты и сам сказал Олегу Викторовичу, что Сэм упомянул тебя по радиосвязи пару дней назад. Это, наверняка, они пытались связаться, но, не получив ответа, приехали сюда.

– На кой чёрт ты им сдался, Матвей? Ты знаешь их? – поинтересовался Йован.

– Нет, – честно ответил тот, – но догадываюсь, зачем они сюда пришли.

– Вот как? И зачем?

– Смотрите, вон Олег Викторович идёт, – перебила их Арина.

Староста выглядел крайне потрёпанным и усталым, хоть и старался этого не показывать.

– Чтоб я ещё раз твою бормотуху выпил, – обратился он к Йовану и смачно зевнул. – Башка, как китайская ваза – щёлкни пальцами и развалится. Так, ну, чего? Нашли ещё что-нибудь, помимо оружия? – задал вопрос Олег Викторович.

– Да, кроме оружия, ничего особенного, – сообщил Йован. – Так, жратвы на неделю, одежда, портативные аккумуляторы, карты...

– Карты чего?

– Этих, как бишь их...

– Санкт-Петербурга и Москвы и Московской области, – опередила его Арина.

У старосты глаза на лоб полезли, и он с удивлением присвистнул:

– Ух, ты! Давненько я этих названий не слышал. Жаль, до Вторжения так и не успел там побывать, в двух столицах. Сам-то я родом из Красноярска.

Для остальных присутствующих мечтательная речь Олега Викторовича прозвучала, словно рассказ про другие планеты.

– Ладно, Матвей, Йован, пойдём допрашивать этих гавриков. Устроим им, как говорится, очную ставку, – решительно заявил староста.

– Я с вами пойду, – вызвалась Арина.

– Не надо. Последи лучше, чтоб детвора на эту хреновину не залезала, – велел староста в пренебрежительном тоне, из-за одного только факта, что это чудо инженерной мысли принадлежит злейшим врагам. – А то у нас утром уже двое навернулись, чуть шеи не переломали.

– Матвей, – начала Арина, поджав верхнюю губу, и грустно посмотрела на него. Таким наивным и немного требовательным взглядом она обычно стремилась добиться своего. – Пожалуйста, могу я пойти с вами? Я не буду мешать.

Уловка девушки снова сработала.

– Пускай пойдёт, Олег Викторович. Головка у неё умная, может, взбрѣдет чего в неё. Староста молча махнул рукой: пускай идёт.

Крохотное здание лаборатории пустовало уже много лет. Имеющиеся в жилых модулях удобства здесь отсутствовали, а места для хранения чего-либо тут было крайне мало, поэтому все батареи и прочую технику отсюда вынесли ещё давным-давно, найдя им более выгодное применение.

За пленниками, запертыми под замок в одном из кабинетов, следил Паша Рожков со стареньким пистолетом в руках. Бедолаге пришлось одеться в дополнительную куртку, поскольку температура в помещениях, как и в кишке модулей, поддерживалась лишь старыми стенами из каменной ваты. Завидев приближающуюся делегацию, Пашка аж подскочил, потирая замёрзшие руки.

– Здравова, Паш.

– Здравствуйте, Олег Викторович, – дрожа от холода, сообщил тот.

– Ну, чего они? Буянят?

– Да не особо, говорить хотят, на холод ж-жалуются и на тошноту.

– Жалуются... Ничего, пушай померзнут, как мы когда-то... А тошнота – это всё из-за горной болезни. Мы-то привыкшие, а они...

Из Олега Викторовича так и сочилась ненависть, которую он совершенно не скрывал.

– Ещё говорят, что времени у них нет, – продолжал Паша, – с-спешат куда-то.

– Спешат, ага... – с сарказмом ответил староста. – Ну, а нам спешить некуда. Ладно, ступай, Паш, согревайся. Дальше мы сами.

– С-спасибо, – поблагодарил тот и быстрым шагом направился к выходу из лаборатории.

Староста щёлкнул замком, кивнул вооружённым Матвеем с Йованом, мол, будьте готовы ко всему, и зашёл внутрь.

Прогрессисты сидели на столе, прижавшись спинами друг к другу в попытке согреться. Девушка, заметив вошедших, прыгнула на пол и сжала кулаки. Она сморщила нос, будто учуяла неприятный запах, и смачно плюнула в стену.

– Надя, угомонись, – всё тем же спокойным тоном обратился к ней старик в кепке, ласково взяв её за рукав. – Мы с тобой уже обсуждали. Это ни к чему не приведёт.

– Эта горилла... – прошептала она, указывая на Йована.

– Потом, – осадил её старший. – Не сейчас.

– Правильно, девочка. Слушайся своего старшего, даже если это прогрессист, – проговорил Олег Викторович. – Иначе я сейчас принесу ведро с мокрой тряпкой, и будешь драить мне все жилые блоки станции.

Явно невероятным усилием воли Надя заставила себя промолчать и вернулась на место, не сводя взгляда с Йована.

– погоди, это она меня гориллой назвала? – шепнул Йован на ухо Матвею с явным недоумением.

– Я прошу прощения за мою подчинѣнную, – обратился к Олегу Викторовичу главный прогрессист. – Надя крайне взволнована, что вы взяли её «Лапочку» без спроса.

– Чего? Лапочку? – смутился Олег Викторович.

Старик кивнул в сторону Йована.

– Это имя винтовки.

– Вот как? Ну, теперь у неё новый владелец, и имя будет тоже новое, другое. Например... – он окинул задумчивым взглядом оружие. – Например, «Хреновина»!

Матвей опять заметил, как Надя едва не сорвалась в желании высказать Олегу Викторовичу всё, что она думает. Забавно на её фоне смотрелся третий, глухонемой член этой шайки, который даже ни разу не шевельнулся.

– Обсудим это потом, – выставив ладони, произнёс старший. Было слышно, как дрожит его голос, будто он и сам пытается из последних сил держать себя в руках. – Для начала я хотел бы представиться, – он протянул Олегу Викторовичу руку: – Вадим Георгиевич.

Староста, само собой, его руку не принял.

– Знаю я тебя. Ты Зотов, младший брат того ублюдка, который бросил нас здесь умирать. Я помню твою рожу, даже несмотря на появившиеся на ней седины и морщины.

Вадим Георгиевич сочувственно вздохнул, правда, было трудно понять, искренне или наигранно.

– Да, это так, я Мишин брат. Уж если на то пошло, и я узнал тебя, Олег Викторович Ложков, даже несмотря на появившиеся на твоём лице морщины и седину.

У Олега Викторовича от злости привычно затряслась кожа на подбородке от резкого ответа его оппонента.

– Поэтому будем считать, что мы уже знакомы, – Матвей заметил, что эта фраза прозвучала так, будто они знали какую-то общую тайну.

– Послушайте, – теперь Вадим Георгиевич обратился ко всем присутствующим: – Я понимаю, что между нашими станциями были не самые лучшие отношения в прошлом. Но прямо сейчас, как бы оскорбительно для вас ни звучало, я не хочу тратить на это время. Мы и так потеряли целую ночь, а у меня каждый час на счету.

– Не хочет тратить он время... – буркнул староста.

– Олег Викторович, – на этот раз в разговор вмешалась Арина. – Пускай говорит, иначе мы здесь к концу дня все примёрзнем к месту, пока вы будете злобно зыркать друг на друга.

– Хорошо, – согласился староста, – говори, на кой хрен припёрлись?

– Я уже говорил вам ещё в той столовой...

– Баре, – поправил его Йован.

– Хорошо, баре... – он посмотрел на Матвея. – Я ищу собирателя по имени Матвей Беляев. Если я правильно понял, это вы?

Матвей с безразличием кивнул.

– Не сын ли того самого Беляева?

– Да, это сын Вячеслава Беляева, – с гордостью ответил Олег Викторович, без всяких церемоний вмешавшись в разговор. Старик никогда не упускал возможности показать, что восточники во всём лучше прогрессистов, да и вообще жителей других станций.

– В таком случае мне повезло вдвойне. Учитывая ваш опыт и знания, очевидно, переданные вам отцом. Всю последнюю неделю мы только и делали, что связывались со всеми крупными и не очень станциями в радиусе двух тысяч километров: «Мирный», «Кейси», «Мак-Мердо», «Чжуншань»... ни в одной не нашлось собирателя. Все они уже давно отправились в рейд. Но найти вас, да ещё и сына Беляева... это и впрямь большая удача.

– Послушайте, я знаю, к чему вы клоните, – прервал его Матвей, который понял всё окончательно ещё в тот момент, когда в вездеходе были найдены карты. – Вы зря сюда приехали, я больше этим не занимаюсь.

– Минуточку... – вмешался в диалог Олег Викторович и обратился к Матвею. – Я правильно понимаю, что этот хмырь имеет наглость нанять тебя в качестве собирателя? – и, не дождавшись ответа, наигранно засмеялся: – Да вы, прогрессисты, совсем страх потеряли.

– Как бы то ни было, – спокойно ответил Матвей, – я этим уже не занимаюсь.

– Могу я узнать, почему? – вежливо, но с заметным нетерпением спросил прогрессист.

– Не можете, – всё так же твёрдо произнёс Матвей.

– Начальник, мы только попусту теряем время! – Надя вскочила с места и подошла к нему. – Пока не поздно, отправимся к полуострову, на «Палмер». Если не здесь, то там, точно, найдутся собиратели.

– Ты прекрасно знаешь, что мы потеряем куда больше времени на дорогу. До «Палмера», как минимум, две недели пути.

– Так мы хоть куда-то будем двигаться, а не торчать на месте среди этих упёртых баранов.

– Упёртость нам помогала выживать все эти годы и до сих пор помогает, – согласился Йован, – а вот насчёт баранов ты явно погорячилась, красавица.

Здоровяк и прогрессистка обменялись враждебными взглядами. Наверняка, если оставить эту парочку наедине, уже через минуту они вцепятся друг другу в глотки.

Тем временем Вадим Георгиевич снял с себя куртку и, закатав рукав свитера, включил дисплей своего ваттбраслета.

– Пашка, бестолочь, велел же обыскать... – пробурчал злобно Олег Викторович.

Вадим Георгиевич несколько раз ударил по сенсорному экрану и показал восточникам изображение девушки-блондинки, стоявшей у стола с книгами. Взгляд незнакомки выглядел серьёзным, но не лишённым искорки озорства, что добавляло ей таинственности и необъяснимого очарования.

– Это моя дочь Мария, Машенька, – с ноткой жалости стал рассказывать Вадим Георгиевич, продолжая демонстрировать фотографию. – В середине октября она отправилась в научную экспедицию до Москвы в составе небольшой группы, которую сопровождал собиратель-канадец по прозвищу Шаман. Возможно, вы слышали о нём, Матвей...

О, да, как не знать про Шамана. Кличку свою он получил не просто так. Канадец обладал каким-то неведомым талантом предугадывать погоду наперёд и без всякого оборудования, вроде метеодатчиков или зондов. Этот дар помогал ему избегать встреч с мерзляками и до сих пор оставаться в живых. Нет, разумеется, он, как и все, пользовался метеорологическими приборами, но делал это, скорее, для спокойствия своих спутников. По крайней мере, нечто подобное Матвей слышал о собирателе по прозвищу Шаман.

– Она вместе с остальными должна была вернуться ещё месяц назад, в середине декабря. До этого за последние восемь лет она уже четыре раза отправлялась в экспедиции на захваченные земли: Чили, США, Норвегия, Аляска – и всё проходило гладко. Но теперь... видимо, что-то пошло не так.

– Думаю, что здесь всё понятно, как полярный день, – выдал Матвей и посмотрел Вадиму Георгиевичу прямо в глаза. – На этот раз вашей дочери не повезло...

– Я знаю, к чему вы клоните, – поспешил ответить прогрессист, хоть это и звучало как оправдание. – Но, поверьте мне, Матвей, вы не знаете, на что способна моя дочь.

– Вы правы, не знаю, – всё тем же спокойным тоном проговорил Матвей. – Но одно я знаю точно: рано или поздно мерзляки добираются до тебя, независимо от твоих способностей. Поэтому советую вам смириться, ваша дочь мертва.

– Она жива! – закричал прогрессист да так, что заставил всех присутствующих вздрогнуть, за исключением глухонемого Домкрата; тот продолжал спокойно наблюдать за происходящим.

Терпение, что Вадим Георгиевич бережно старался сохранять до сих пор, напрочь испарилось.

– Вы просто утешаете себя, – продолжал настаивать Матвей. – Советую вам смириться и вернуться домой, – затем он обратился к старосте: – Олег Викторович, отпустите их.

– Ты уверен? Я бы не стал.

– Я заплачу, – Вадим Георгиевич немного успокоился и предпринял очередную попытку уговорить. – Я не хочу знать причин, по которым вы больше не собиратель, ни чего-либо ещё. Мне достаточно лишь того, что вы – сын вашего отца, лучшего собирателя времён Адаптации.

«Я не мой отец», – так и хотелось произнести Матвею, но он сдержался, решив выслушать предложение прогрессиста до конца.

– Послушайте, всё, чего я хочу, – это вернуть мою дочь, – произнёс тот. – И за вашу помощь я готов щедро заплатить.

– Нам не нужны ваши ватты, – отрезал Матвей, обернувшись к прогрессисту через плечо, – наши панели и ветряки производят достаточно энергии. – Здесь Матвей чуточку соврал, лишние ватты им, и правда, не повредили бы. Последнее время что ветряки, что панельки стали работать хуже, генерируя всё меньше энергии. Но прямо сейчас это была не первостепенная проблема.

– Тогда что вам нужно? – не сдаваясь, хоть и не так резво, как прежде, спросил Вадим Георгиевич.

– Еда, много еды. – Он повернулся к прогрессисту лицом. – На днях у нас произошёл пожар на складе и вся провизия на предстоящую зиму сгорела. Многие восточники умрут этой зимой, если не получат достаточно еды...

Вадим Георгиевич задумчиво потёр свою седую бороду. На это обратила внимание Надя и, подойдя к нему, запротестовала:

– Начальник, только не говорите, что вы серьёзно обдумываете это.

– Не мешай, – шикнул он на неё.

Здесь впервые ожил Домкрат. Он слегка ударил по столу, привлекая внимание Нади, и стал жестикулировать руками. Выражение его лица при этом постоянно менялось: вот он вопросительно сдвинул брови, вот их поднял, широко раскрыв глаза.

Девушка ответила ему жестами, при этом бормоча про себя:

– Он пытается договориться с ними, заплатить едой, а не ваттами.

«Увидев» ответ напарницы, Домкрат резко вскочил с места и коснулся плеча Вадима Георгиевича. Затем помотал головой, тем самым присоединившись к протесту Нади.

– Не вам решать, понятно? Не вам! – грозно зашипел на подчинённых Вадим Георгиевич, осадив их властным взглядом.

– У нас нет скатерти-самобранки! Мы и сами... – начала Надя.

– Это моя дочь, ясно тебе?! И твоя подруга, между прочим!

Надя поджала губы и сердито выдохнула, раздув ноздри, после снова села на стол, отвернувшись к стене.

– Разделим плату, тридцать процентов еды, остальное – ватты, – предложил Вадим Георгиевич.

– Нет, – твёрдо ответил Матвей, не потратив даже секунды на размышления. – Только еда, никаких ватт.

– Да ты с ума сошёл! – возразил Вадим Георгиевич, незаметно перейдя на «ты». – Сколько вас здесь, не больше сотни?

– Сто тридцать четыре.

– Это одна десятая от всех запасов нашей станции на эту зиму. Я не могу пойти на такое!

– В таком случае и я не могу решиться на глупую и опасную авантюру, на которую вы хотите меня подписать, – небрежно выдал Матвей. – И, как по мне, это даже к лучшему.

– Хорошо, хорошо, – прогрессист аж покраснел от злости. – Чёрт с тобой. Пятьдесят на пятьдесят.

– Сто процентов еды, – настаивал Матвей.

Краем глаза он заметил, как сидевшая позади Надя так и норовила выскочить вперёд и вступить в диалог.

– Чтоб тебя... настырный восточник... – сквозь зубы процедил Вадим Георгиевич и вернулся к своим спутникам. Воспользовавшись ситуацией, Домкрат слегка задел плечо своего босса и стал объяснять ему что-то на языке жестов, не меняя при этом злобного выражения лица.

Тем временем к Матвею подошла Арина и шепнула ему на ухо:

– Ты серьёзно хочешь отправиться на захваченные земли? После случившегося?

– Нет, – спокойно ответил он. – Он всё равно не согласится. А прежде чем они уедут, хочу их немного потрепать.

– Зачем?

На этот вопрос Матвей не мог ответить словами. Прямо сейчас им двигало чувство какого-то, внезапно пробудившегося ребяческого азарта. Да и возможность помучить напыщенного прогрессиста доставляла небольшую толику удовольствия.

– Восемьдесят процентов, – прозвенел голос Вадима Георгиевича в ушах Матвея. – Это моё последнее слово.

Надя от злости пнула старую металлическую корзину для мусора.

Признаться, Матвей не ожидал, что ставки поднимутся настолько высоко. Услышанное предложение привело его в замешательство. По всем признакам, дочь для этого прогрессиста была действительно важна, раз он готов настолько существенно урезать паёк своим соплеменникам.

Ответ на предложение после недолгого раздумья стал совершенно очевиден:

– Я согласен.

Олег Викторович от такого заявления опешил, а Йован с Ариной обменялись удивлёнными взглядами.

– Мы выйдем на минуту. Сидите и не дёргайтесь, – велел прогрессистам староста. Он взял Матвея под локоть и кивнул остальным, веля идти за ним.

Выйдя из кабинета, они отошли от двери подальше вглубь коридора, и староста, не стесняясь в выражениях, вспылил:

– Ты совсем дурак? Совсем уже не соображаешь?

– Я не вижу иного выхода, как нам пережить эту зиму, Олег Викторович, – выдохнул Матвей.

– Ну, уж точно не идти на сделку с треклятым прогрессистом! Ещё и, мать его, с Зотовым! – голос старосты сделался мрачным и злобным. – Тебе что, напомнить, как его братец кинул тебя, меня, твоего отца и остальных? Думаешь, этот другой? Поверь мне, у него тоже рыльце в пушку!

– Да знаю я, знаю, Олег Викторович! – едва сдерживаясь от крика, ответил Матвей. – Но, дорогой мой, поймите, это хоть что-то... Хоть какое-то действие, а не очередное бессмысленное собрание, которое ни к чему не приведёт.

– Он прав, Олег Викторович, – вступилась за Матвея Арина, выйдя вперёд. – Все эти собрания – не что иное, как переливание из пустого в порожнее, попытка уклониться от неизбежного, – она смутилась, затем собрала с духом и обратилась ко всем, а не только к старосте, чтобы сказать следующее: – Не знаю, как вы, а я верю этому Вадиму Георгиевичу. Он выглядит крайне отчаянным.

– Ещё одна... тьфу ты! – буркнул староста. – Поколение...

– А я не верю ни одному из них, – тихо произнёс Йован.

– Ну, слава богу, среди нас – я не единственный здравомыслящий восточник, – выдохнул староста.

– Но вынужден признать, – продолжил здоровяк, – всяко лучше испытать удачу, нежели сидеть и ждать голодной смерти. И, хочешь не хочешь, Матюш, – он положил ему руку на

плечо, – но, если ты действительно собираешься отправиться в это опасное путешествие, то я поеду с тобой. Не хочу оставлять тебя наедине с этой шайкой прогрессистов.

– Спасибо, Йован, но тебе лучше остаться здесь, проследить за баром и остальными, – сказал Матвей.

– Я не напрашиваюсь, а ставлю тебя перед фактом. Заодно окажу моим братьям и сёстрам восточникам большую услугу, существенно сэкономив оставшиеся запасы еды. Ты ведь не забыл, что я ем за троих?

Матвей скривился в усмешке. Умеет же всё-таки этот прохвост заразить хорошим настроением, даже несмотря на серьёзность происходящего. Вот и сейчас, подписываясь на опасную миссию, он умудрился сохранить бодрое расположение духа.

Зная упрямую натуру здоровяка, Матвей не стал уговаривать того остаться и молча согласился на его помощь. Да и, признаться, в компании пускай и одного, но собрата, он будет чувствовать себя в разы спокойнее в окружении аж целых трёх прогрессистов.

– Йован, у меня была последняя надежда, что хоть ты не потерял остатки здравомыслия, – недоумевал Олег Викторович.

– Я тоже хочу с вами, – вдруг заявила Арина.

С самого начала Матвей догадывался, что его младшая сестрёнка непременно воспользуется шансом попроситься с ним. Для этой выходки у него уже был чёткий и заготовленный ответ:

– Даже не обсуждается.

– Но я могу быть полезна! К тому же это замечательная возможность испытать в полевых условиях тот метеодатчик, что я тебе показывала. Да и, вообще, ты свою первую вылазку сделал в пятнадцать лет, а мне уже семнадцать!

– Арина, нет, – твёрдо ответил ей Матвей. – Не пытайся меня уговаривать, из этого ничего не выйдет. Ты останешься здесь.

– Ты не можешь...

– Ещё как могу! – настойчиво и громко произнёс Матвей. – Разговор окончен. Ты останешься здесь и будешь помогать своим братьям и сёстрам. Точка.

Арина наморщила нос, резко развернулась и быстрым шагом двинулась от лаборатории.

«Так будет лучше, – подумал про себя Матвей, – она успокоится, обязательно успокоится. Надо будет зайти к ней...»

– М-да, – вздохнул староста, скрестив руки на груди, – это какое-то безумие.

– Олег Викторович, я не смогу сделать этого без вашего одобрения, – обратился к нему Матвей. – Вы наш староста, вам и решать.

– Мне решать... – повторил тихо тот, присев на старый ящик. – Как же на такое можно решиться? Это тебе не хухры-мухры, на опасное предприятие ты подписываешься, Матвей, да ещё и в компании с этими...

Из кабинета раздался стук, и оттуда приглушённо прозвучал голос Нади:

– Долго вы там? Мы здесь уже замёрзли до костей!

– Суетливая баба, а? Прогрессистка... – кивнув в сторону двери, произнёс староста.

– Не то слово, – подтвердил Йован.

– Да уж...

– Ну, так что, Олег Викторович? Что вы скажете? – спросил Матвей.

– Да что я скажу... прав ты. Не верю я этим змеям, каждому их вздоху не верю, но грех будет не попытаться... Да и верно ты подметил, все эти собрания – пыль в глаза. Ничего они не решат, – он тяжело вздохнул и посмотрел на Матвея с Йованом: – Добро я даю, так и быть. Кроме вас, «Востоку» больше не на кого надеяться. На вас вся надежда, ребятки.

С этими словами староста подошёл к ним поочерёдно, обменялся рукопожатиями и потечески обнял каждого. У бедолаги даже слеза выступила, которую он спешно смахнул.

К прогрессистам они зашли втроём.

– Мы согласны, – ответил Матвей, – но помяните моё слово, это будет не спасательная экспедиция, как вы себе её представляете, а поездка за трупом.

Главный прогрессист хранил молчание, только тихо улыбался.

– И ещё кое-что, – серьёзным тоном добавил Матвей, – если вы попыбуете обмануть меня и нарушить условия сделки, помяните моё слово, мерзляки покажутся вам цветочками в сравнении с тем, что с вами сделаю я. Это понятно?

– Да, – кивнул прогрессист. – Предельно понятно.

Матвей заметил, как Надя хмыкнула, явно не приняв его угрозу всерьёз. Будь у него время и силы, он поговорил бы с ней с глазу на глаз, но пока решил лишь взять на заметку этот жест и поставить в памяти галочку на её счёт.

Собиратель подошёл вплотную к Вадиму Георгиевичу и протянул руку.

– Вы дали слово, восемьдесят на двадцать.

– Восемьдесят на двадцать.

Он крепко пожал довольно мягкую руку старика. Такую невозможно было встретить ни у одного восточника, с детства привычного к тяжёлому ручному труду. Да, куда там, не все восточники даже имели пять пальцев на руке. Обморожение и ампутация в этих краях были частым явлением.

Пока они пожимали друг другу руки, Матвей долго смотрел в мутные глаза старика, пыта-ясь выяснить, что же у того было на уме.

– Не будем терять времени, – вскорости ответил Вадим Георгиевич. – Отправимся немедленно.

– Мне и моему напарнику нужно подготовиться, собрать всё необходимое, – Матвей кивнул в сторону Йована, давая понять, что он поедет не один.

– Хорошо... – согласился прогрессист, молча приняв очередное условие. – Лишние руки нам не помешают.

– Лишние руки хоть знают, как пользоваться вещицей, которую держат? – рявкнула Надя.

– Уверен, ты меня научишь, – съехидничал Йован и, подойдя к ней, протянул винтовку. Девушка обвела его недовольным взглядом и грубо выхватила свою «Лапочку».

– Что насчёт капитана? – спросил Матвей. – Об этом вы думали? Найти сейчас капитана ничуть не легче, чем собирателя.

– Теперь я могу твёрдо заявить, что и здесь нам улыбнулась удача, – Вадим Георгиевич стал растирать руки в попытке согреться. – В «Мак-Мердо» нашёлся свободный капитан, согласившийся доставить нас до порта в Санкт-Петербурге.

– Его имя?

– Какой-то исландец, имя... как же его...

– Лейгур Эйгирсон, – подсказала недовольным тоном Надя.

– Точно! Лейгур Эйгирсон. Знаете такого?

– Нет, – у Матвея стали закрадываться подозрения. Он путешествовал со многими мак-мердовскими капитанами, но это имя слышал впервые.

– Так или иначе, двое моих парней, которые тоже будут участвовать в экспедиции, заранее отправились туда пять дней назад, чтобы узнать, что к чему, и не дать капитану сняться с якоря до тех пор, пока мы не прибудем в «Мак-Мердо». Они должны были попасть туда как раз сегодня утром.

Матвей крепко задумался. Лейгур... Эйгирсон. Может, он всё-таки слышал о нём от кого-нибудь?

Эйгирсон, Эйгирсон...

– А теперь, с вашего позволения, мне и моим спутникам хотелось бы оказаться в более тёплом месте и, если вас это не затруднит, насытить наши желудки, – обратился Вадим Георгиевич к старосте, уже пританцовывая от холода.

Олег Викторович нехотя кивнул Йовану и велел проводить бывших пленников в бар.

– Стало быть «Мак-Мердо», а? – с воодушевлением воскликнул Йован. – Всегда хотел там побывать.

Но Матвей не разделял радости друга. Внутри снова всё сжалось, воспоминания нахлынули волной.

Его снова ожидала долгая дорога по снегам и волнам к далёким захваченным землям.

Дорога, на которую он так упорно не желал возвращаться и пытался забыть весь минувший год.

Глава 5. Клятва

Принцип работы безопасных ветряков – это поразительное сочетание простоты и инноваций, отражающее конец эры лопастных ветряков и решающее проблему их утилизации.

Безопасные ветряки используют так называемое вихреобразование, при котором ветер вызывает резонансные колебания в столбе ветряка. Это приводит к возникновению вибрации, которая преобразуется в механическую энергию, а затем в электрическую. Такая система создаёт уникальную возможность для безопасного, эффективного и экологичного производства электроэнергии в будущем.

Отрывок из научной статьи «Струны жизни – эковетряки будущего» со смартфона, найденного в 2073 году собирателем Павлом Тверским со станции «Новолазаревская».

22 января 2093 года

Быстро перекусив рыбой с картошкой и запив это всё кипятком, прогрессисты уже через полчаса всю заново грузили на вездеход то добро, что Йован вместе с остальными успел выгрузить за минувшее утро.

Восточники протягивать руку помощи не спешили, однако, несмотря на жгучий мороз, скопились вокруг вездехода и злобно поглядывали на незваных гостей сквозь клубы морозного пара от собственного дыхания.

Перетаскивать вещи под натиском ненавистных взглядов было неудобно, прогрессисты то и дело озирались по сторонам. Но стоявший рядом Олег Викторович, всем своим видом напоминавший надзирателя, под чьим строгим контролем происходят погрузочные работы, не спешил разгонять соотечественников. Напротив, он, как будто бы, наслаждался исходящим от прогрессистов беспокойством.

Тихая злоба восточников продлилась недолго. Небольшой отряд детишек, прятаясь за спинами родителей, стал забрасывать чужаков снежками.

Надя не выдержала и бросила один из контейнеров, который почти закрепила стальным тросом на крыше машины.

– К чёрту, – прошипела она и зашла внутрь вездехода.

Домкрат посмотрел на Вадима Георгиевича и вопросительно пожал плечами.

– Грузимся дальше, немного осталось, – велел он, сопровождая приказ жестами.

В это время Матвей, находясь у себя в модуле, собирал в походную сумку всё необходимое для экспедиции. Когда его рука потянулась к метеодатчику, тело вдруг охватила дрожь, а в глазах потемнело.

Неужели он снова делает это? Ведь он поклялся больше никогда не возвращаться туда после случившегося. Сколько прошло с тех пор, год? Так много! Но почему боль не утихает? Отчего до сих пор её ржавое лезвие режет его на части, заставляя вспоминать те страшные мгновения, когда он ничего не мог поделать?

Говорят, время исцеляет и затягивает шрамы. Хрень собачья! С головой так не работает. Эта боль похожа на груды горячего угля, которая неистово пылает внутри, напоминая о себе с каждым утренним пробуждением. И даже во снах она умудряется мучить, не давая ни минуты покоя.

«Ты, правда, хочешь этого? Снова взять на себя ответственность за людские жизни? Вновь сталкиваться с теми ужасными тварями, рвущими людей на части без всякого сожаления?»

– А есть ли у меня выбор? – пробормотал он про себя и осторожно взял в руки метеодатчик с портативным экраном.

«Нет у тебя выбора, – уже про себя заметил он, – эти люди нуждаются в тебе».

Собрав всё необходимое, Матвей, прежде чем уйти, осмотрел своё жилище. С трудом верилось, что он вырос и провёл почти всю свою жизнь в этих стенах, спасающих его от смертельного холода снаружи.

Каждый здешний уголок навевал воспоминания.

В том углу он прочёл свою первую книгу – «Белый Клык» Джека Лондона, а на койке возле иллюминатора наблюдал за южным сиянием во время полярных ночей. В детстве он думал, что это огромный змей, гигантское божество, пролетающее мимо.

Ах, да, куда же без обогревателя, занимающего половину южной стены. Сколько же с ним мороки! Мало того, что эту штуку нужно постоянно кормить ваттами, чтоб не замёрзнуть насмерть, так она ещё и ломается постоянно. Матвей вспомнил, как отец, в то время сам ещё плохо разбиравшийся в устройстве обогревателя, силком заставлял пятилетнего сына сидеть рядом, наблюдать за каждым его движением и внимательно слушать, что он говорит.

– Ты должен знать, как починить его, Матвей. Я не всегда буду с тобой, понимаешь?

И Матвей послушно кивал головой, думая, что если отец когда-нибудь и пропадёт из его жизни, то это будет очень и очень нескоро.

Странно, но даже по прошествии десяти лет с гибели отца внутри модуля до сих пор присутствовал его запах, такой древесный, грубый, который ни с чем не перепутаешь. Интересно, почему именно древесный? Ведь отец служил в морфлоте. Разве от него не должно пахнуть морем?

И вот опять, из-за предстоящей вылазки, у Матвея возникло твёрдое убеждение, что эти стены он видит последний раз. Он умрёт там, в тысячах километрах отсюда, как и воспоминания о жизни в этих семидесяти квадратных метрах, которые умрут вместе с ним.

Что ж, собираясь на захваченные мерзляками земли, от подобного никто не застрахован.

Матвей погладил стену, мысленно попрощался с домом и вышел в коридор.

Прежде чем отправиться к вездеходу, он решил зайти к Арине. Кто знает, может, это их последняя встреча? Ему жутко не хотелось покидать станцию, зная, что она по-прежнему держит на него обиду за отказ взять её с собой.

Добравшись до северных модулей, зашёл в кишку коридора и постучался в дверь.

– Арина, это я, Матвей.

Молчание.

– Ты здесь?

Снова никакого ответа. Он посмотрел вниз и увидел свет лампы, что просачивался через щель дверного проёма. Значит, Арина точно там и должна слышать его.

– Послушай, ты прекрасно знаешь, что я не могу взять тебя с собой.

Матвей слегка толкнул дверь, вдруг поддастся? Увы.

– Может, всё-таки откроешь?

Не дождавшись ответа, он тяжело вздохнул, снял с себя всю поклажу и уселся на пол, прислонившись к стене.

– Знаешь, я тебе прежде этого не рассказывал, но за три дня до смерти твоего отца я разговаривал с ним в его мастерской. Теперь уже твоей мастерской.

Лицо Курта Крюгера всплыло в памяти и навевало чувство тоски. Бедолага в последние свои дни выглядел крайне удручающе: страшно похудел и напоминал ходячий скелет, обтянутый кожей; в пожелтевших глазах лишь изредка появлялось то присущее ему добродушие, за которое его так любили.

Но, даже, несмотря на одолевающие тело слабость и усталость, он продолжал работать в мастерской, пока рак желудка всё-таки не доконал его.

– Я как раз вернулся с вылазки и принёс Курту всякого. Увидел, что ему стало ещё хуже, чем три месяца назад... – Матвей посмотрел на ваттбраслет и погладил кожаный ремешок, на котором крепилось устройство. – Он тогда случайно заметил у меня треснувший экран на браслете, и чуть ли не с рукой оторвал, чтобы починить. Сказал, что тут дело на пять минут, и велел остаться, пока он всё не исправит. Ну, я и согласился. И вот сидит он, меняет экран и вдруг говорит: «Я ведь скоро помру, Матвей, ты же это понимаешь?» Я ему не ответил, но мой опущенный взгляд всё сказал за меня. «Ты проследи, чтобы Арина в неприятности всякие не лезла, а то ты ведь её знаешь... Она вся в мать пошла, та тоже на месте усидеть не могла, всё ей двигаться нужно было вперёд. Да и за эти годы ты ей совсем как старший брат стал, понимаешь? Любит она тебя, очень сильно любит». Да, говорю я ему, понимаю. Я тоже её люблю.

Здесь Матвей остановил свой рассказ и выждал минуту в надежде, что Арина всё-таки откроет эту проклятую дверь. Да куда уж там... Или хотя бы словечко скажет! Но нет, молчит. Упрямая до невозможности, всегда такой была.

– Я не хочу и тебя потерять, ясно тебе? – строго произнёс он, теперь уже и сам почувствовав обиду. Ведь понимает девчонка, что могут не увидаться больше никогда! И всё равно...

– Ладно, – Матвей мысленно плюнул на всё это. – Скоро увидимся.

Он взял походную сумку, накинул на спину рюкзак и отправился к выходу из коридора. Однако, прежде чем выйти из модуля, ещё раз оглянулся в сторону двери.

Арина так и не появилась.

По пути к вездеходу Матвей пересёкся с Йованом, несущим туго набитый рюкзак, и спросил:

– Ну что, всё взял, как я велел?

– Да, вроде, – выдохнул друг, поправив лямки рюкзака. – Тёплая одежда, медицина, запасной ваттбраслет, нож, топорик. Только вот еды взял немного.

– Послушай, – на полном серьёзе обратился к нему Матвей. – Это последняя возможность отказаться. Никто тебя не осудит, старина, если ты откажешься. Захваченные земли, особенно для неподготовленного человека...

– Кончай, Матюш, – Йован хлопнул его по плечу. – Я с тобой в горе и радости, в богатстве и бедности...

– Да всё, верю, верю, – здоровяка лучше заранее прервать в его потугах пошутить, иначе он разойдётся так, что потом не остановишь.

– А где Арина? Я думал, она выйдет к нам попрощаться...

– Видимо, нет, – с едва скрываемой досадой ответил Матвей. – Она сидит у себя, не хочет выходить.

– Даже со мной? Вот же засранка...

– Холодает, – бросил Матвей, не желая больше говорить о девушке, – пойдём, не будем терять времени.

– М-да, – пробормотал Йован, бросив взгляд на южный комплекс. – Аришка, Аришка, ну, ты даёшь...

Через несколько минут они подошли к вездеходу. Судя по отсутствующим снаружи контейнерам, погрузка была завершена. Однако толпа даже и не думала расходиться, несмотря на усиливающийся холод. Матвей сразу понял, что восточники потребуют ответа, по какой это причине отпускают тех, кто своим присутствием давеча поднял на ноги всю станцию.

Матвей и Йован зашли в вездеход и сбросили вещи на пол.

– Думаю, вам будет лучше положить свои вещи в специальные отсеки, – предложил им Вадим Георгиевич, указав на стальной люк в полу.

– Думаю, я и без тебя разберусь, куда мне положить мои вещички, дедуля, – дерзко выдал Йован, одарив того издевательской улыбкой.

Тем временем, оказавшись впервые внутри вездехода, Матвей не мог не отметить, насколько вместительным был его салон. Помимо водительского и переднего сидений было ещё восемь посадочных мест, плюс довольно широкий проход между ними и широкие полки. Из вентиляционных отверстий с боков шёл тёплый воздух. Интересно, сколько ватт жрёт этот кондиционер? Наверняка, как батареи в жилых модулях? Или больше.

Бросился в глаза и встроенный в приборную панель навороченный бортовой компьютер, чьи сенсорные экраны показывали температуру снаружи и внутри вездехода, уровень заряда аккумулятора, одометр, компас и навигатор.

Прежде Матвею не доводилось разъезжать на подобном транспорте. До «Мак-Мердо» он вместе с остальными восточниками-собираателями обычно добирался на стареньком «Ветре», рассчитанном на шесть пассажирских мест. Дорога на нём занимала пять дней пути, и включала в себя, ставший недоброй традицией, ремонт какой-либо неисправности, которую приходилось устранять водителю-механику, сопровождающему их до станции.

– Долго ещё? – с нетерпением спросил Вадим Георгиевич у Нади, указывая на Домкрата.

Матвей заметил, что тот сидел с ящиком инструментов у подножия водительского сиденья, под которым находился аккумулятор – сердце вездехода.

– Ещё несколько минут, – перевела Надя полученные в ответ раздражённые жесты от глухонемого напарника.

Но, судя по тому, как сильно Вадим Георгиевич сжал пальцы на руках, для него это прозвучало как «Ещё целую вечность».

– Что-то случилось? – поинтересовался Матвей.

– Ничего особенного, просто рядовая проверка аккумулятора перед поездкой, – бросил Вадим Георгиевич.

– Как бы там ни было, отправляться нужно побыстрее, – дал совет Матвей и кивнул в сторону своего рюкзака. – Я прогнал метеодатчик для теста, и данные показали, что на станцию движется буря, почти двадцать три метра в секунду. Будет здесь через час. Если до этого времени не покинем станцию, застрянем тут надолго.

– Слышала? – с ещё большим нетерпением обратился к Наде прогрессист. – Вели ему поторопиться!

– Матвей, выйди-ка на минутку! – раздался снаружи хриплый голос Олега Викторовича. – И тащи с собой этого прогрессиста!

Лицо Вадима Георгиевича исказила мучительная гримаса, и он вышел вслед за Матвеем. Йован остался стоять в дверях, ссылаясь на опостылевший холод, но всё же желая одним глазком взглянуть, зачем староста позвал их к себе.

Олег Викторович, в который раз за день, бросил на вышедшего прогрессиста ненавистный взгляд, а затем обратился ко всем присутствующим.

– Братья и сёстры восточники, этот человек, брат всем известного вам Зотова... – озвученная фамилия сработала как брошенная голодной собаке кость, и толпа взъерепенилась. – Понимаю, понимаю, я разделяю ваше недовольство и желание не отпускать этого человека...

Матвей видел, как Вадим Георгиевич явно чувствовал себя не в своей тарелке, борясь с острым желанием плюнуть на это сборище и уйти обратно в вездеход.

– ...и я бы это сделал, если б не его клятва, которую он мне дал.

– Клятва? – прошептал про себя прогрессист. – Какая ещё...

– Этот прогрессист, Зотов Вадим Георгиевич, – прервал его староста, – дал мне слово, что если Матвей, наш с вами Матвей, окажет ему услугу по сопровождению, то он предоставит нам всё необходимое для того, чтобы пережить предстоящую зиму. И, не знаю, как вы, мои братья и сёстры, но я считаю, что это, как минимум, первый маленький шаг к искуплению совершенного ими в прошлом злодеяния. Вы согласны?

Восточники хоть и вяло, но выразили своё согласие. Однако Матвей всё же был уверен, что даже при хорошем стечении обстоятельств, до дружбы между станциями «Восток» и «Прогресс» ещё очень и очень далеко. Слишком уж тяжёлой и острой была боль, нанесённая прогрессистами.

– Теперь я хочу, чтобы свидетелями этой клятвы были все вы, а не только я, – произнёс Олег Викторович, после чего выжидающе взглянул на Вадима Георгиевича.

В это мгновение аккумулятор вездехода загудел. В дверях показалась Надя и грубо отпикнула плечом стоящего на ступени Йована.

– Мы готовы, – сообщила она Вадиму Георгиевичу.

Не отрывая взгляда от восточников, тот кивнул ей в ответ и махнул рукой, чтобы девушка возвращалась. Но она почувствовала напряжение, мгновенно возникшее среди людей после её слов, и предпочла остаться, засунув руку в карман.

– Они ждут, – негромко напомнил Олег Викторович.

Вадим Георгиевич издал задумчивое мычание, прошёлся глазами по толпе и громко ответил:

– «Восток» переживёт эту зиму. Как только мы вернёмся, «Прогресс» выделит вам достаточное количество еды. Даю вам слово.

– Поклянись, – прошептал староста.

– Клянусь, – немедленно ответил тот.

Олег Викторович подошёл к прогрессисту, положил руку в карман (Матвей заметил, что его движение не осталось без внимания Нади, коснувшейся рукоятки пистолета, спрятанного за поясом) и достал оттуда подвеску, изъятую у него вчера.

Увидев её, Вадим Георгиевич потянулся было к ней, но Олег Викторович отдернул руку и ещё раз напомнил ему:

– Ты поклялся, прогрессист.

После чего отдал ему подвеску.

– Ну, всё, расходимся! – велел староста. – Матвей предупредил меня, что скоро сюда заявится буря! Не мне вам говорить, как это опасно. Все по домам, живо, живо!

Вадим Георгиевич осторожно положил золотую цепочку в карман и молча зашёл внутрь вездехода.

– Следите за ним в оба глаза, ребята, – староста по-отечески дал наставление Матвею и подошедшему к ним Йовану. – И за собой следите. Вы нужны нам здесь для предстоящей зимы, оба.

– Вернёмся, Олег Викторович. Никуда не денемся! – уверил его Йован.

Староста по очереди обнял каждого из них, как следует похлопав по спине.

Тем временем Матвей смотрел на расходящихся восточников в надежде увидеть Арину. Неужели не придёт? Даже сейчас?

Но вместо неё появилась она. Возникла, словно призрак, как и несколько дней назад, напоминая ему о случившейся трагедии.

Она приблизилась к ним. Матвей заметил в её руках свёрток из грубой шерсти, крепко завязанный кожаными ремнями.

– А, Валерия Анатольевна, ну, здравствуйте... – поприветствовал её грустным голосом староста, отвесив лёгкий поклон.

– Здравствуй, Олег Викторович, – ответила она хрипловатым голосом. – А я...

Её руки, державшие свёрток, слегка дёрнулись. Женщина хотела было посмотреть в сторону Матвея, но увела взгляд в сторону. Её губы задрожали так, словно она готовилась вот-вот зарыдать.

Сам же Матвей чувствовал страшную неловкость. Присутствие Валерии лишало его дара речи. Ему всё мерещилось, что скажи он хоть слово, даже самое безобидное, то непременно сделает ей только хуже.

И всё же, набравшись храбрости, он попытался хоть немного сдвинуть тот невидимый барьер, образовавшийся с момента их последнего разговора почти год назад.

– Валерия Анатольевна, я...

Женщина резко посмотрела на него своим скорбящим взглядом, и Матвей был уверен: сейчас она ударит его. Совсем как в тот день, когда он, будучи более не в силах вынести муки совести, сообщил, что бросил её сына на растерзание мерзлякам.

Собиратель даже ощутил жгучее прикосновение её холодной ладони к щеке и приготовился получить его, вполне заслуженно. Но вместо этого она лишь грубо всунула ему кожаный свёрток и поспешила уйти, делая размашистые шаги по глубокому снегу.

– Эй, нам пора! – крикнула показавшаяся в дверях Надя.

– Матвей, ты как? – Олег Викторович коснулся его плеча.

Матвей ощущал себя опустевшим сосудом, из которого вылились всё живое. Он крепко сжал свёрток и слегка прижал его к себе.

– Порядок, – соврал он старосте.

По улице разнёсся звонкий гудок. Прогрессистам не терпелось скорее убраться отсюда.

– Ну, видимо, пришла пора нам прощаться, – Олег Викторович вытянул руки и ещё раз обнял их по очереди. – Берегите себя, ребята, слышите? Теперь на вас вся надежда.

– Присмотрите за «Полярным Переполохом», Олег Викторович, – попросил Йован. – Что б там убирались вовремя, пыль не разводили...

– Да прослежу я за твоей столовой, успокойся!

– За баром! – поправил его здоровяк.

– И вы себя берегите, Олег Викторович, – попрощался со старостой Матвей. – Всех наших берегите.

– Вот уже тридцать лет берегу, справлюсь.

Матвей кивнул, шагнул вслед за Йованом на ступеньку, ведущую к двери вездехода, и ещё раз обернулся.

Арина, ну, где же ты? Зачем ты вот так поступаешь со мной?

Он выждал несколько секунд, а затем зашёл внутрь.

Не прошло и минуты, как вездеход тронулся с места и отправился напрямик в сторону белоснежной и, казавшейся бесконечной, ледяной глади.

Глава 6. Доброе дело

Основной причиной большинства смертей в период так называемой Адаптации был острый дефицит медицинских средств и экстремальные температурные условия, которые способствовали развитию критических заболеваний, включая пневмонию, сепсис и различные формы гипотермии.

Голод являлся вторым массовым убийцей тех немногих выживших, что остались от всего человечества. Смерть в результате насильственных действий или самоубийств занимала лишь третье место в списке причин сокращения популяции людей в указанный период.

Точное количество жертв Адаптации на сегодняшний день установить невозможно ввиду отсутствия достоверных данных о численности выживших, перебравшихся на континент после Вторжения. Однако, безусловно, их количество может исчисляться десятками тысяч.

Из доклада профессора Лукаша Новака об «Адаптации и её последствиях», 2132 год.

22 января 2093 года

Не более часа минуло с тех пор, как они оставили «Восток» позади и начали свой, почти незаметный для человеческого глаза, спуск по подлёдному рельефу.

Путешественников окружало огромное полярное плато, ослепляющее своей белизной. На его фоне даже столь большой вздох казался маленькой песчинкой, чем-то инородным, совершенно не вписывающимся в эту величественную картину бескрайней Антарктиды.

Матвей заметил, как Йован тоскливо поглядывает в иллюминатор, приложив ладонь к подбородку.

– Забавно... – прошептал он, в конце концов.

Матвей вопросительно посмотрел на него.

– Ты о чём?

– Да я вдруг только осознал, что ещё никогда не был так далеко от дома, – здоровяк взглянул на Матвея и улыбнулся с ужимкой. – Всю свою жизнь я провёл на «Востоке». Для меня наша станция, можно сказать, была целой планетой, – он снова посмотрел в иллюминатор. – А теперь эта планета прямо у меня на глазах становится шире и шире... И мне от этого почему-то страшно.

Матвей тихо кивнул, вспомнив, что однажды и сам почувствовал нечто подобное, когда, будучи ещё подростком, отправился с отцом в свою первую вылазку.

– Ладно, нечего сопли распускать, – решительно заявил здоровяк. – Надо бы чего-нибудь поесть. Эй, прогрессисты, чего у вас там пожрать есть?

– Мы только выехали со станции, – буркнула Надя, с самого отъезда не выпускающая из рук свою «Лапочку». Она обращалась с винтовкой как с живым существом, ласково поглаживая её по стволу.

– И? Я, может, сейчас не прочь перекусить.

– Будем есть, когда настанет время.

– Ты, кажется, не расслышала меня, – для пущей серьёзности своих слов он даже встал в полный рост. Его макушка почти коснулась потолка. – Я хочу сожрать что-нибудь сейчас.

– Ведёшь себя как капризный подросток, – девушка бросила на него презрительный взгляд, показав полное равнодушие к его грозной демонстрации своих габаритов.

– Вот как? Зато я, хотя бы, не лелею оружие как маленького ребёнка.

Надя хотела было возразить, но Вадим Георгиевич осторожно коснулся её плеча, тем самым удержав девушку от продолжения перепалки.

– Холодильная камера по правую руку, – спокойно ответил Вадим Георгиевич, кивнув в нужную сторону.

Презрительно ухмыльнувшись, Йован протянул руку к дверце холодильника. В голове Матвея мелькнуло сомнение: правильно ли он поступил, согласившись взять с собой здоровяка в столь опасную миссию? Его сила и внушительный рост, безусловно, будут полезны, но неуёмный и вспыльчивый характер может обернуться катастрофой. Тем более, учитывая нахождение под одной крышей с прогрессистами, которых он не любит, кажется, даже сильнее Олега Викторовича.

– Это что, пеммикан?! – Йован достал бумажный брикет, по форме напоминающий книгу, внутри которого находилось нечто коричневого цвета.

– Из тюленьего мяса, – добавил прогрессист.

Здоровяк осторожно понюхал содержимое брикета, сморщился от омерзения и заявил:

– Ненавижу пеммикан.

После чего отломил кусок высушенного мяса и отправил его себе в рот.

В полдень Йован, умявший к тому времени внушительную часть брикета, пожаловался на вкус пеммикана, изрядно приправив своё недовольство всеми ему известными синонимами слова «дрянь», а затем, как ни в чём не бывало, отправился спать.

Матвею же спать совершенно не хотелось. От разъедающей его скуки он стал прохаживаться по вездеходу, как следует рассматривая его изнутри. При этом всё никак не мог перестать удивляться, как подобное мог создать человек.

– Таких на свете всего три, – сообщил Вадим Георгиевич, заметив его любопытство. – Ну, по крайней мере, у нас на «Прогрессе». Больше я подобных нигде не видел. Может, у американцев или китайцев есть похожие, но точно не равня этому.

Матвей взглянул на него, но ничего не ответил. Тогда прогрессист, желая поддержать разговор, поднялся с места и, взявшись за поручень (вездеход изрядно трясло из-за неровной поверхности), добавил:

– Его создали за год до Вторжения, где-то на Урале, точно я уже и не помню. Назвали «Титан-1». Но мы зовём его просто «Титан», – он похлопал ладонью крышу вездехода так, словно это был пёс, правильно выполнивший команду. – Надеюсь, он не подведёт нас, когда мы доберёмся до захваченных земель.

У Матвея от услышанного чуть глаза на лоб не полезли, поэтому он, на всякий случай, переспросил:

– Вы собираетесь доставить вездеход в захваченные земли?

– Да, конечно. Таков план.

– Вы с ума сошли.

– Вовсе нет. Капитан Лейгур заверил меня, что его судно без проблем сможет переправить наш вездеход к Большому Порту Санкт-Петербурга и обратно.

– Я сомневаюсь, что судно этого капитана Лейгура имеет достаточно места для такого вездехода, если, конечно, это не какой-нибудь танкер.

– Как бы то ни было, выбор у нас не велик. «Титан» оснащён всем необходимым для выживания в предстоящей экспедиции. Можно сказать, это наш оперативный штаб. В нём мы сможем укрываться не только от непогоды, но и от мерзляков, в чём, надеюсь, у нас отпадёт необходимость, благодаря вашим навыкам собирателя.

– Вы переоцениваете возможности этого вездехода, – со всей серьёзностью произнёс Матвей. – Точно так же зря полагаетесь на всё то оружие, которого здесь навалом. – В этот

момент Надя фыркнула, явно не соглашаясь с ним в этом. – На моей памяти все, кто приходил на захваченные земли с оружием, там с ним и оставались, разодранные мерзляками в клочья.

– Просто с ними не было меня вместе с моей крошкой калибра двадцать миллиметров, – девушка коснулась лежащей рядом винтовки, которую только недавно выпустила из рук. – Самое то, чтобы снести башку безмозглому таракану-переростку.

Матвею хотелось смеяться от наивного безрассудства этой девчонки. Во что он только ввязался? Это точно билет в один конец.

– Уверяю вас, как бы наивно ни звучали её слова, – сказал Вадим Георгиевич, словно прочитав его мысли, – но эта девчонка может дать фору трём мужикам. Рядом с ней я чувствую себя в безопасности.

– По вчерашней стычке такого и не скажешь, – зевнув, выдал Йован, по всей видимости, проснувшись от разговора.

– Эй, пухленький, – немедленно встала на свою защиту Надя, – мне дали приказ не использовать оружие. Считаю, мой начальник спас тебе жизнь вчера.

– Пухленький? – на всё остальное сказанное Йован не обратил внимания или, по крайней мере, сделал вид, что не обратил. – Не правда. На «Востоке» пухленьких не бывает.

Надя с возмущением шикнула, наверняка, мысленно посылая здоровяка куда подальше.

– Клянусь тебе, эта бабёнка меня с ума сведёт, Матюш, – прошептал ему Йован.

– В любом случае я хотел сказать, – продолжал Вадим Георгиевич, теперь уже полностью проигнорировав очередную стычку между его спутницей и Йованом, – с Надей и ещё двумя отличными бойцами, которые ждут нас в «Мак-Мердо», мы будем в большей безопасности, нежели без них.

– Сомневаюсь, – честно ответил ему Матвей и ушёл обратно в своё кресло, тем самым показав, что более не желает продолжать беседу.

К концу дня Матвей, наконец, решил проверить содержимое кожаного свёртка. Всё это время он тщательно наблюдал за ним, не решаясь развязать его узлы. Ему казалось, будто, открыв свёрток, он вызовет гнев утратившей своё дитя матери. Он полностью понимал абсурдность таких домыслов, однако избавиться от них не мог.

Его пальцы уже коснулись узла, чтобы его развязать, как вдруг в салоне вездехода раздался многократный звон. Подняв голову, Матвей увидел, что Домкрат бьёт ладонью по установленному над приборной панелью настольному звонку. Затем он помахал рукой, привлекая внимание всех в салоне, и остановил вездеход.

– Что случилось? – спросонья громко спросил Вадим Георгиевич.

Домкрат указал на лобовое стекло.

Матвей вместе с остальными подошёл ближе к кабине и, проследив за тем, куда указывал водитель, разглядел неподалёку вездеход, почти наполовину заваленный снегом.

– Давай подъедем поближе, – велел Вадим Георгиевич и подал необходимый жест водителю.

Через минуту они приблизились к заснеженному автомобилю, который на фоне их «Титана» выглядел не более чем камнем, случайно оказавшимся рядом с горой.

– Это же «Снежная мышка»! – воскликнул Йован.

– Снежная мышка? – уточнил Вадим Георгиевич с недоумением.

– Ну, в переводе с китайского. Как на их языке название звучит, я уже и не помню, там язык сломаешь, – объяснил здоровяк. – Это пассажирский вездеход, не грузовой. К нам в «Полярный переполох» часто заезжали на таких, верно, Матюш?

– Да, – немного нехотя подхватил тот. – Они обычно останавливаются на сутки передохнуть, а потом едут до «Чжуншаня» или «Куньлуня», или ещё куда.

– Видать, эта мышка уже никуда не поедет, – бросила Надя, шмыгнув носом. – С виду она здесь уже давненько стоит. Ничего с неё не поимеешь.

В салоне повисло мрачное молчание. Все примерно понимали, что могло случиться с пассажирами этого вездехода.

– Проверим? – предложила Надя. – А то мало ли...

– Мало ли что? – захотел уточнить Вадим Георгиевич.

Девушка равнодушно пожала плечами. Глядя на неё, складывалось впечатление, что она действительно хочет узнать, что внутри вездехода, но, в то же время, лишившись вдруг такой возможности, сильно переживать на этот счёт не будет.

– Ладно, только быстро, – ответил Вадим Георгиевич, не спуская глаз с «мышки».

Надя открыла шкафчик, достала из него лом и потянулась к своему пуховику. К ней подошёл Йован и показательно достал с верхней полки свою большую, размером с одеяло, парку из тюленьей кожи. Накидывая её на себя, он как бы невзначай задел девушку рукавом.

– Осторожнее, верзила.

– Внимательнее, злюка.

Матвей, хоть и понимал, что это бессмысленная трата времени, всё же решил проверить вездеход вместе с ними.

– Я останусь здесь, – Вадим Георгиевич плюхнулся на переднее кресло рядом с Домкратом, который что-то скрупулёзно записывал карандашом в небольшой записной книжке. – Надя, пять минут! Не больше.

– Поняла, начальник.

Троица оставила уютную теплоту салона и вышла наружу в беспощадный холод Антарктиды. Полярники торопливо направились к заброшенному вездеходу. Добравшись до мёртвой машины, Надя приблизилась к покрытому инеем иллюминатору, протёрла его рукавом куртки и, закрывшись от полярного солнца ладонью, попыталась заглянуть внутрь.

– Ни хрена не видно, – сообщила она.

Йован взялся за дверную ручку и дёрнул её.

– Примёрзла намертво.

– Неужели? При такой-то температуре? – с ядовитым сарказмом прыснула девушка, кинув ему лом.

Не ожидавший такого броска Йован всё же успел неуклюже поймать железяку. Он пробурчал что-то в ответ и воткнул лом в дверной проём, затем налёг на него всем своим весом.

И суток не прошло с начала экспедиции, как мелкая грызня этих двоих стала понемногу действовать Матвеем на нервы. Не стой они сейчас на сорокаградусном морозе, он высказал бы им всё.

Через мгновение дверь заскрежетала и с лязгом поддалась. Здоровяку пришлось пригнуться, чтобы войти. Матвей последовал за ним, но почти сразу упёрся ему в спину.

– Ну, что там? – спросила зашедшая следом Надя.

– А ты как думаешь? – прошептал Йован печальным голосом. Всю его прежнюю беззаботность как ветром сдуло.

В салоне находилось с десятков заледенелых трупов. Некоторые были на полу, остальные сидели или лежали на пассажирских сиденьях.

Пронзительная тишина, дополняющая это мрачное зрелище, вызвала мурашки. Лишь приглушённый вой ветра слышался как бы издалека, проникая через дверную щель и трещину в разбитом лобовом стекле. Вой этот, без сомнения, послужил для здешних покойников панихидой.

Йован медленно пошёл вперёд, Матвей за ним.

Разобрать, какого пола тела, было затруднительно.

Вот один труп сжимает в заледеневших руках самодельный рюкзак. Видимо, внутри что-то ценное, но, что именно, совершенно не хотелось знать.

А там следующий, чьё серо-белое лицо было обращено к иллюминатору. Белоснежная мгла – последнее, что он или она увидели, прежде чем замёрзнуть насмерть.

Чуть дальше Матвей в одном из трупов всё же смог различить женщину, судя по длинным, покрытым инеем волосам.

Тела напомнили ему экспонаты жуткого музея, после выхода из которого тебя ещё долго будут преследовать кошмары.

Добравшийся до кабины водителя Йован, заметил под ногами записной планшет. Бросив быстрый взгляд на мертвеца за рулем, словно спросив его немого разрешения, здоровяк подобрал планшет и осторожно вытер с бумаги иней. Затем охнул.

– Вы не поверите.

– Что такое? – спросил Матвей.

– Последняя запись в журнале, она датируется 13 декабря 2088 года, – он опустил планшет и, словно не веря прочитанному, произнёс: – Этот вездеход стоит здесь уже больше пяти лет.

Матвей одолжил у него планшет и принялся читать. И правда, последняя запись в нём была сделана карандашом 13 декабря 2088 года.

– У них вышел из строя аккумулятор, – сообщил Матвей, пробежавшись глазами по водительскому журналу. – Ну, а дальше и так всё понятно...

– М-да, время не пожалело мышку, – пробормотал Йован, осматриваясь вокруг. – Матюш, как думаешь, может, передадим координаты нашим на «Восток»? Авось, починить смогут, чего добру пропадать.

– Ничего здесь уже не починишь. Всё, что можно выжать из этой старой рухляди, – пара запчастей, которым хрен найдёшь применение. На таких вездеходах уже почти не ездят. Одним словом, не стоит овчинка выделки, – расстроил его Матвей.

– Жаль, – разочарованно вздохнул здоровяк.

Он отложил планшет в сторону и заметил, что Надя замерла напротив одного из передних сидений.

– Эй, ты как? – обратился он к ней.

Прогрессистка не откликнулась. Переглянувшись, Матвей и Йован подошли к ней и через мгновение выяснили, отчего не могла оторвать взгляд их спутница.

На сиденье лежало худое женское тело, укутанное в меховую куртку из шкур. С первого взгляда, оно ничем не выделялось среди прочих мертвецов, если бы не одна крохотная и жуткая деталь: женщина прижимала к себе меховой свёрток, из которого торчали две синие ручки, напоминающие маленькие ледяные скульптуры, стремящиеся к материнской груди.

Матвей заметил, как Йован, будучи не в силах больше смотреть, отвернулся и слегка покачнулся, едва не потеряв равновесие.

– Боже, – только и прошептал здоровяк.

– Надо сжечь здесь всё, – твёрдо произнесла Надя.

Услышанное вогнало Матвея в ступор, но это чувство почти сразу прошло. Она была права.

– Нельзя оставлять их вот так. В таком... виде, – дополнила своё предложение девушка.

Матвей увидел, как Йован тихонько закивал, соглашаясь с её мнением.

– И как мы это сделаем? – спросил он.

– Дадим немного ватт в аккумулятор, вызовем короткое замыкание и... Ах, да... – она запрокинула голову и с закрытыми глазами прошептала: – Он же накрылся, проклятье. В такие моменты жалеешь, что люди заменили горячее на ватты.

Снаружи раздался тяжёлый и протяжный гудок вездехода, зовущий их обратно. Троица сначала не придавала ему никакого значения, пока тот не загудел чаще и сильнее.

– Что-то не так, – с подозрением выдала Надя и зашагала к выходу.

Матвей отправился вслед за ней.

– Ты идёшь, Йован? – спросил он здоровяка.

– Да, – тот поборол желание ещё раз взглянуть на замёрзшую мать с младенцем. – Давай-ка выбираться отсюда.

Гудок не смолкал и громогласно разносился по заледенелой равнине.

Покинув вездеход, Матвей заметил, что Надя уже перешла на рысцу. Что-то явно было не так. Он поспешил за ней, взобрался по небольшой лестнице с тремя ступенями, но не успел и руки протянуть к дверце, как та открылась сама.

– Я всё объясню, – виноватым голосом поприветствовала его возникшая из ниоткуда Арина.

На какое-то мгновение взгляд Матвея остановился на девушке, и на его лице отразилась целая гамма чувств: сначала удивление, затем недоумение и, наконец, гнев. Он почувствовал, как невидимая хватка сдавливает его горло и, не промолвив ни слова, прошёл мимо Арины в салон. Так же молча уселся на своё место и уставился невидящим взглядом в пол.

– Матвей...

– Ничего себе! Пигалица! – воскликнул вошедший следом Йован и стиснул подругу в крепких объятиях. – Ты здесь откуда?!

– Пряталась в отсеке для хранения, – ответил за неё Вадим Георгиевич, кивнув на открытый люк в полу. – С вещичками, – он указал на её плотно набитый рюкзак. – И когда только она успела?

– Я чихнула, вот и... спалилась, – добавила от себя Арина, поджав губы и взглянув исподлобья на Вадима Георгиевича.

– Ты чего же, пролежала там всё это время? – недоумевал Йован.

Она кивнула.

– Ну, ты сумасшедшая...

А затем Йована вдруг как обухом по голове ударили, точнее, на него с осуждением взглянул Матвей, и весь его дружественный тон как ветром сдуло.

– Тебе здесь не место, ты это понимаешь? – здоровяк взглядом указал на Матвея, как бы припоминая его чёткий наказ и не думать о путешествии с ними.

Арина ничего не ответила, лишь виновато опустила голову и отвернулась, скрестив руки.

– Ладно, нет у нас на это времени, – отмахнулся Вадим Георгиевич. – Обратно её мы не повезём, я не собираюсь терять лишние двое суток. Отвезём её в «Мак-Мердо», а там разберёмся.

Прогрессист посмотрел на Матвея в ожидании его одобрения, но тот продолжал хранить молчание.

– Ну, поскольку возражений нет... – выдохнув, произнёс мужчина и обратился к Наде: – Нашли что-нибудь в этом вездеходе?

– Нашли, – ответила та голосом, по которому всем всё стало понятно (кроме, разумеется, Домкрата, но и ему хватило одного только взгляда на мрачное лицо своей спутницы, чтобы понять всё без слов и внести очередную заметку в свой журнал).

– Много? – уточнил прогрессист.

Очередное молчание, тяжело повисшее в воздухе, было ему ответом. И Арина, прежде непонимающим взглядом посматривающая на них, теперь, кажется, поняла, о чём речь.

– Ну... – Вадим Георгиевич пожал плечами и выдохнул. – Здесь мы ничего поделать не можем, увы.

– Сжечь всё там надо, начальник, – прошептала Надя, отчего-то посмотрев в сторону Йована.

– Нет у нас на это времени, – быстро напомнил прогрессист. – К тому же, как его сжечь?

– Я думала о коротком замыкании, только вот аккумулятор накрылся с потрохами. Теперь это просто кусок железа.

Арина поджала губы, призадумалась, а затем осторожно предложила:

– Если вызвать замыкание через аккумулятор невозможно, то мы можем сделать это через ваттбраслет.

Надя и Вадим Георгиевич обменялись вопросительными взглядами.

– Как это? – решила уточнить прогрессистка.

– В вездеходах под стальной обшивкой имеются изолированные кабели с проводами, до которых холод обычно не добирается. Мы можем повредить один из них, скажем, тот, что отвечает за освещение. Затем подключиться к сети проводов через блок предохранителя с помощью полностью заряженного ваттбраслета и по таймеру пустить по ним ток, который и вызовет короткое замыкание, – всё свое предложение она произнесла без запинки, словно проделывала нечто подобное тысячу раз. – Правда, в таком случае придётся пожертвовать ваттбраслетом, поскольку после такого всплеска энергии он превратится в кучу металлолома.

Прогрессисты на мгновение как языки проглотили. В то же время Йован, заметив удивление недругов, с важным видом скрестил руки на груди.

– Знай наших, – горделиво выдал он и приобнял Арину. – А вы додумались бы до такого, прогрессисты?

– Это может сработать, – похвалила девушку Надя, вызвав у той скромную улыбку. – У нас есть парочка лишних браслетов. Потом купим в «Мак-Мердо» ещё один на замену уничтоженному. Идём.

– купишь на свои ватты? – осадил её Вадим Георгиевич.

Протянутая к одному из шкафчиков рука Нади повисла в воздухе.

– Прошу вас, начальник. Мне... – она осеклась, и мгновение спустя полушёпотом сказала: – Это надо сделать.

Прогрессист нахмурил брови.

– Сколько времени это займёт? – в его голосе так и слышалось нетерпение и желание поскорее с этим покончить.

– Минут десять, не больше, – сообщила Арина.

– Тогда у вас ровно пять минут. Действуйте.

Надя спешно открыла один из стальных ящиков и достала оттуда новёхонький с виду ваттбраслет.

– Останешься здесь, – Матвей остановил за руку собравшуюся пойти с ней Арину. – Она справится без твоей помощи.

– Но...

– Сядь, – строго велел он.

Арина подчинилась и села рядом.

– Он прав, – отозвалась Надя, – думаю, я справлюсь одна. Да и лучше всего будет... – прогрессистка посмотрела в иллюминатор на вездеход, и прочистила горло. – В общем, я скоро.

Надя открыла дверь, впуслав поток холодного воздуха, и поспешно закрыла её уже за собой.

– Матвей? – не сдавалась Арина. – Послушай...

– Поговорим позже, – сердито ответил он.

Девушка поджала нижнюю губу и тихонько кивнула. При этом выглядела она так, словно сегодня её поведут на казнь.

Вместо отведённых пяти минут Надя справились за шесть. Как только она вернулась обратно на «Титан», из люка «Снежной Мышки» повалил густой чёрный дым, а ещё через мгновение мелькнули языки пламени.

Сначала огонёк был совсем крохотным, и казалось, пожар может закончиться, даже не начавшись, особенно учитывая столь низкую температуру. Но затем вспыхнула обивка сидений, загорелись вещи покойников и пластиковые компоненты, такие, как рукоятки, крепления и другая мелочь.

Через несколько минут огонь охватил весь вездеход, своим жаром размывая ярко-синее небо.

– Ну, всё, поехали, – устало произнёс Вадим Георгиевич и подал жест Домкрату.

Двигатель «Титана» тихо загудел, и вездеход плавно тронулся.

– Эй, – окликнула Надя Арину, уставившуюся в иллюминатор. – Хорошая идея с ватт-браслетом.

Та в ответ лишь кивнула и продолжила наблюдать в иллюминатор, тихонечко улыбаясь.

– Пять лет... – тихо удивлялся Йован. – Даже не верится, что он простоял там всё это время, так и оставшись незамеченным. Разве такое возможно?

– Антарктида умеет скрывать свои преступления, заматаив их под бесконечный снежный покров, – буднично ответил ему Вадим Георгиевич, перемешивая ложкой только что налитый в стакан не то чай, не то кипяток. – Этот несчастный вездеход – лишь малая часть того, что таят в себе льды этого неумолимого к человеку континента.

– Тем не менее, мы нашли его, – бросил Йован. – И сделали доброе дело.

Здоровяк посмотрел в сторону Нади, которая неотрывно смотрела в видимую лишь ей точку на стене. Похоже, она о чём-то крепко задумалась.

– Да, – кивнул Вадим Георгиевич и отхлебнул содержимое стакана. – И на то была только её прихоть. Но каков мотив? Может, в ней проснулась жалость? В любом случае, этого мы точно не узнаем.

– Разумеется, не узнаем, – возразила Арина. – Потому что вы говорите про Антарктиду так, словно она какое-то живое существо. Как по мне, это звучит как полнейшая чушь. Она не умеет говорить.

– О, поверьте мне, юная барышня, она способна говорить. Прислушайтесь на досуге к здешним ветрам, и вы поймёте, что я имею в виду.

Арина в ответ усмехнулась и плюхнулась в кресло, встретившись взглядом с Матвеем. Её прежде весёлое настроение улетучилось в один миг.

Прошло совсем немного времени, и горящий вездеход скрылся за горизонтом, а идущий от него столб чёрного дыма растворился на фоне бескрайнего неба.

Через несколько часов «Титан» совершил свою первую остановку, необходимую для зарядки аккумулятора.

Просидевший целый день за рулём, Домкрат с виду был рад, наконец, покинуть место водителя. Он как следует потянулся, хрустнул позвоночником, размял пальцы и подошёл к громоздкому стальному ящику, намертво прикреплённому болтами к полу. Достал оттуда портативную литий-полимерную батарею – необходимую для зарядки аккумулятора устройство размером с ящик для инструментов.

Без таких батарей ни о каком длительном путешествии не могло идти и речи, поскольку вездеходы потребляли существенное количество энергии, а уж такая машина, как «Титан», и того больше. Опытные выжившие, путешествующие между станциями вот уже много лет, давно знают, что свой путь рассчитывать нужно не в километрах и днях, а в количестве имеющихся при себе батарей.

Сами же эти устройства получали энергию от солнечных панелей и ветряков. Когда электричество поступало в батарею, ионы лития двигались через полимерный электролит, постепенно накапливая энергию. Благодаря уникальной химии лития и полимера, из которых они были сделаны, батареи могли хранить накопленные ими ватты на протяжении длительного времени.

Выжившие бережно относились к батареям, ведь покупка новых могла влететь в существенное количество ватт, а найти подобные на захваченных землях с каждым годом становилось всё труднее. Среди собирателей батареи и вовсе были драгоценным ресурсом, поскольку без них путешествия на континенты попросту были бы невозможны. Как-то раз Матвей читал в одной исторической книжке, что у древних египтян кошка считалась символом плодородия. Так вот, у собирателей этим символом, можно сказать, были литий-полимерные батареи.

Матвей невзначай взглянул на содержимое стального сундучка, прежде чем Домкрат закрыл его на замок, и заметил там наличие ещё, как минимум, двадцати подобных батарей – половина всего запаса, что имелась на «Востоке». Это в очередной раз убедило собирателя в том, что Вадим Георгиевич желает вернуть свою дочь во что бы то ни стало и не покусится ради этого ни единым ваттом.

Однако чутьё подсказывало, что за всем этим скрывается не только спасательная экспедиция. Почему? Матвей обдумывал внезапно пришедшую ему в голову мысль почти всю дорогу. Его беспокоили некоторые факты. Сначала редкий, навороченный вездеход, «таких в мире всего три». Потом затрачиваемые направо-налево ватты. Теперь вот батареи, рассчитанные на очень далёкое и крайне опасное путешествие.

Матвей понятия не имел, как ведут дела на «Прогрессе», но он точно знал, что, ради спасения одного или даже нескольких человек, никто не решится на растрату такого количества ресурсов. Пусть хоть твой брат и главный на станции.

Тревожные размышления о прогрессисте были прерваны звонким голосом Арины, разговаривающей с Йованом. Они сидели за небольшим столиком и ели вяленую треску, припущенную здоровяком. Прогрессисты ели от них порознь, расположившись в кабине вездехода. Молчавшая после поджога «мышки» Надя немного оживилась и о чём-то спорила с Вадимом Георгиевичем, пока Домкрат отламывал маленькие кусочки пеммикана и забрасывал их себе в рот. Он разглядывал салон так, словно бы искал, к чему придраться.

Всё это время Матвей сидел в стороне. С появлением Арины аппетит отбило напрочь.

Настало время поговорить о её безрассудном поступке.

– Одевайся, – строго велел он ей.

Услышав его голос, девушка, не разжевав, как следует, проглотила кусок целиком.

– Зачем? – осторожно спросила она.

Матвей взял её парку и протянул ей.

– Надо поговорить.

– Давай поговорим здесь. Снаружи градусов под сорок!

– Значит, одевайся теплее, – он бросил парку прямо на её тарелку с рыбой.

Арина умоляюще посмотрела на Йована, словно ожидая от него поддержки, но тот едва заметно пожал плечами, мол, увы, ничего поделать не могу.

Девушка тяжело вздохнула, надела парку, влезла в свои тёплые, кожаные унты и пошла наружу под пристальным взглядом не только Йована, но и остальных присутствующих в салоне. Матвей пропустил её вперед, закрыл за собой дверь и спустился по ступенькам вниз.

Снаружи было очень холодно, ещё и ветер разошёлся, как следует, ледяными зубами кусая за щёки. Однако прямо сейчас ему было плевать на это. Он не собирался выяснять отношения на глазах у незнакомцев.

Арина надевала меховые варежки. Те самые, которые он подарил ей на шестнадцатый день рождения. Матвей вспомнил, как подбирал на рынке лучшую кожу и самый тёплый мех,

привезённый с захваченных земель. Как затем за пару ночей сшил ей варежки, предвкушая радостную улыбку своей сестрёнки...

– Матвей...

– Хватит, – прервал он её.

Девушка покорно склонила голову.

– Ты послушалась меня...

– Я просто хочу помочь...

Внезапно Матвей как с цепи сорвался. Он грубо схватил её за воротник парки и посмотрел девушке прямо в глаза, как можно крепче прижимая к себе.

– Да не нужна твоя помощь, не нужна!

Он заметил, как она испугалась, однако Арина не пыталась вырваться из его хватки. На её лице читалось смирение, но, в то же время, несогласие так и бурлило внутри, норовя выплеснуться наружу – это было заметно по сильно сжатым губам.

Матвей отпустил девушку, чувствуя, что погорячился и немного переборщил, так грубо схватив её. Он отвернулся, будучи не в силах больше смотреть на неё и принимать тот факт, что она здесь, сейчас, так далеко от родной станции.

Оба некоторое время молчали, будто напрочь позабыв о жгучем морозе и нарастающем ветре. Всё это в какой-то момент перестало иметь для них значение.

– Матвей, мне уже семнадцать.

– Это ничего не меняет.

– Ещё как меняет! – возразила она. – У тебя уже было пять вылазок, когда тебе было семнадцать. И тогда не было ни метеодатчиков, ни опыта, ни...

– Хватит постоянно сравнивать меня с собой.

– В самом деле? – она подошла к нему и силой повернула к себе. Ярость в её глазах превратила мягкое прежде выражение лица в маску негодования. – А с кем, по-твоему, мне следует себя сравнивать? Всю свою жизнь, помимо отца, ты был единственным близким мне человеком, моим, можно сказать, старшим братом. Извини, так уж получилось, что ты стал примером для подражания.

Эти слова, несмотря на всю их желчь, приятно кольнули его самолюбие. Отрадно было слышать, что и она считает его в какой-то степени братом.

– Мне до ужаса надоело, что на «Востоке» все видят во мне не просто Арину Крюгер, а именно дочь того самого Курта Крюгера, спасителя нашей станции, – её голос потихоньку затих, только нотка обиды в нём не исчезла. – И вот приходят люди, хотят, чтобы я починила их оборудование... Но мне всегда кажется, что они пришли не из-за моих навыков, а из вежливости, из уважения к памяти моего отца. Как-то неловко себя ощущаешь, когда живёшь за счёт его достижений, к которым не имеешь никакого отношения. Весь мой день проходит за ремонтом браслетов, экранов, прочего оборудования... Я уверена, что способна на большее, что могу принести много пользы нашим братьям и сёстрам на «Востоке», если отправлюсь с тобой. Я взяла с собой прототип того метеодатчика, и если он...

– Да как ты не поймёшь простую вещь!?! – Матвей обнял её за худые плечи. – Ты мне живой нужна, дурёха! Живой! Твоя смерть вообще не принесёт никакой пользы для наших братьев и сестёр, а ты хочешь отправиться в то место, где она поджидает везде!

Весь прежний её протест, отпечатанный на лице, как ветром сдуло.

– Как только мы доберёмся до «Мак-Мердо», я прослежу, чтобы ты села на ближайший вездеход в сторону «Востока».

Арина захотела возразить, но Матвей немедленно это пресёк:

– Даже не обсуждается. А теперь пошли обратно.

– Какой же ты эгоист, Матвей.

Он повернулся к ней.

– Ты, между прочим, мне тоже нужен живым, понял? – она ткнула пальцем ему в грудь, правда, из-за плотной куртки Матвей почти не почувствовал её прикосновения. – Придурок.

Арина направилась к вездеходу, по пути нарочито пихнув его в бок, и вскоре зашла внутрь.

Матвей простоял ещё несколько минут снаружи, переваривая в голове сказанное, пока холод всё же не загнал его обратно на «Титан».

Глава 7. Ледник Берд

Благодаря активному развитию Антарктиды, начавшемуся в конце пятидесятых, нам, выжившим, посчастливилось иметь множество вездеходов, внедорожников и санно-гусеничных поездов, обеспечивающих взаимосвязь между станциями. Все эти машины, выражаясь метафорически, – кровь, идущая по венам жизни континента и позволяющая остаткам человечества продолжать сосуществовать друг с другом в тесном сотрудничестве.

Сегодня же в целях обеспечения безопасности перемещений по континенту многие механики и инженеры, активно используя методы кустарной разработки, научились изменять и улучшать транспорт под разные нужды настолько, что от изначальной сборки порой остаётся одно только название.

Из личных записей старшего архивариуса Дерек Терри, 2091 год.

24 января 2093 года

Второй день их путешествия, обманчиво растянутый под ярким светом полярного дня, наступил незаметно. Хорошо, что в кабине водителя находился огромный циферблат, показывающий дату и точное время, без него немудрено было сойти с ума, ощущая каждый пройденный километр пути или прошедшую минуту как нескончаемую вечность.

Йован крепко спал, несмотря на постоянную тряску. Вадим Георгиевич сидел рядом с водителем и, будто зачарованный, наблюдал за пейзажем впереди, по всей видимости, о чём-то размышляя.

Большую часть времени в вездеходе царило молчание, и лишь тихое перешёптывание между Надей и Ариной порой его нарушало. По их общению Матвей не мог сказать, что за столь короткий срок они успели сделаться лучшими подругами. Скорее, обе ужасно изнывали от скуки и, по всей видимости, найдя общие темы для разговора, пытались скоротать время. Правда, о чём именно Арина могла болтать с этой прогрессистской, ему было совершенно непонятно. Лучше бы она держалась от неё подальше...

Впрочем, Матвей не вмешивался. Какая разница? По прибытии в «Мак-Мердо» их пути разойдутся, и обе больше никогда не увидят друг друга.

К концу дня ему вдруг вспомнилась занимательная деталь из самого первого его разговора с Вадимом Георгиевичем.

– А, Матвей? Как вы? – обратился к нему Вадим Георгиевич, когда тот сел позади него. Но Матвей не стал отвечать, решив с ходу задать интересующий его вопрос:

– На «Востоке» вы упоминали, что ваша дочь отправилась в Москву с научной экспедицией. Я хотел бы узнать подробнее, что научного было в той экспедиции?

Старик обернулся через плечо и уточнил:

– Разве я тогда сказал «научная»?

– Да, так и сказали.

– Хм... если это так, то я приношу свои извинения за недоразумение. Экспедиция, в которую отправилась моя дочь, не научная.

– Тогда какая? – резко спросил его Матвей, не дав тому времени на размышления.

– Вам, и правда, интересно это узнать?

– Иначе этого разговора не было бы.

– Хм, ну, раз вы так желаете... Она отправилась туда, чтобы облегчить жизнь вам и вашим коллегам, установив радар-метеостанцию в самом центре города. Благодаря ему, мы сможем получать синоптические карты с прогнозом за шестьдесят дней до предполагаемого путешествия, что позволит избегать встречи с мерзляками в радиусе трёхсот километров.

Матвей ядовито ухмыльнулся:

– Крайне глупо будет полагаться на данные одних только синоптических карт, особенно с таким долгосрочным прогнозом. Глазом моргнуть не успеете, как все данные, полученные вами, станут прямым билетом в один конец – прямиком в пасть мерзляков.

– Тем не менее, я полагаю, что это лучше, чем ничего, – ответил прогрессист с вежливой, но заметно натянутой улыбкой.

– И каким же образом вы собираетесь получать данные с этого радара-метеостанции? – Матвей не скрывал своего скептицизма касательно слов собеседника.

– Как раз для разрешения этой задачи туда и отправилась моя дочь. Она должна была восстановить связь со спутником, который и будет передавать все необходимые данные напрямую на «Прогресс». Не знаю, в курсе ли вы, но во время Вторжения не все спутники повредило падающими астероидами с мерзляками. Большинство из них до сих пор летают по орбите и словно бы ждут, когда человек снова наладит с ними связь.

– Дайте угадаю, эти карты вы собираетесь раздавать бесплатно всем желающим посетить Москву?

Вадим Георгиевич хмыкнул, тем самым без всяких слов подтвердив догадку Матвея.

– Мы живём в трудные времена, Матвей, – прошептал ему каким-то мистическим, даже немного наигранным тоном прогрессист. – А трудные времена требуют самых смелых и хитрых решений для выживания.

– Да, кому, как не прогрессисту, это известно, – язвительно подметил Матвей. – В принятии «смелых» решений вы перегнали все прочие станции ещё тридцать лет назад.

Вадим Георгиевич поднял руку в явном желании возразить, но затем плюнул и отмахнулся.

«И правильно, – подумал про себя Матвей, – лучше не стоит».

С минуту они молчали. Матвей переваривал новую информацию об экспедиции и сразу же уловил одну маленькую неувязку:

– Размещать такую метеостанцию в Москве – бессмысленная затея.

– Почему же? Просветите меня.

– Потому что большинство собирателей редко оставляют прибрежные города, предпочитая обчищать их, чем соваться в более отдалённые пункты. Рисковать, растягивая путь отступления в случае резкого потепления, могут только психи или самоубийцы.

– Да, вы, определённо, правы, Матвей, именно поэтому мы и выбрали город подальше. Питер уже обчищают тридцать лет, нужно двигаться дальше...

А вот это уже прозвучало крайне неубедительно, особенно учитывая, сколько добра содержится в Санкт-Петербурге, даже спустя столько времени. Матвей это знал, как никто другой, поскольку и сам бывал там много раз, и постоянно находил что-нибудь полезное.

Впрочем, стоило отдать прогрессисту должное: собиратель почти поверил его наспех скроенной лжи.

– Хватит заливать, – намеренно громко произнёс Матвей, обращая на себя внимание всех присутствующих. – Ответьте честно, для чего туда отправилась ваша дочь?

– Я ответил вам на этот вопрос, разве нет?

– Сказкой про радар-метеостанцию? Оставьте её для кого-нибудь другого.

– Послушайте, я рассказал вам всё, что знаю. Мне больше нечего вам сказать! – рявкнул мужчина.

Домкрат боковым зрением заметил суету и стал сбавлять газ.

– Всё нормально, начальник? – в разговор вмешалась Надя. Её левая рука потянулась к поясу с кобурой.

– Не знаю. Может, спросишь у нашего собирателя? – затем внимание Вадима Георгиевича переключилось на водителя. – Не сбавляй скорость, продолжай движение, – велел он ему, махнув несколько раз рукой.

Надя бросила предупреждающий взгляд на Матвея.

– Вернись-ка лучше к себе, – сказала она, что прозвучало совершенно не как просьба, а, скорее, как приказ.

– Надя, не нужно, – заверил её «начальник» и посмотрел на Матвея. – Мы закончили этот разговор, верно?

Собиратель встал с кресла и направился к Йовану, уже задравшему рукава свитера.

– Верно? – не унимался Вадим Георгиевич.

– Мы ещё вернёмся к этому разговору, – предупредил его Матвей, нарочито повернувшись к нему спиной.

С наступлением утра взорам пассажиров «Титана» предстал возвышающийся на горизонте величественный хребт трансантарктических гор, напоминавший огромную стену, разделяющую западные и восточные части континента. Крутые вершины и изящные гребни были тщательно укрыты покровом снега, который, словно живое существо, обвил своими белоснежными щупальцами тёмные склоны от подножия и до самых вершин.

За этим, без всякого сомнения, грандиозным зрелищем наблюдали открывшие от удивления рты Йован и Арина. Оба они, и Матвей это знал наверняка, впервые видели горы воочию, а не на картинке, как прежде.

– Правильно ли я понимаю, что мы едем напрямик к этому хребту? – спросила Арина, указывая на дорогу впереди.

– Да, это так, – ответил Вадим Георгиевич, сидевший на переднем сиденье.

– Но как? Мы что, поедem по этим горам?

– Не совсем, – сообщил стоявший сзади Матвей.

Он подошёл к кабине, встал рядом с Ариной и положил руку на спинку водительского сиденья. Краем глаза взглянул на Вадима Георгиевича, припоминая вчерашнюю перепалку.

– Единственный путь через этот хребт протекает через ледник Берд.

– Что ещё за ледник Берд? – поинтересовался Йован.

Тут к разъяснениям подключился Вадим Георгиевич и поднял руку к болтающемуся на металлической нити кольцу размером с монету. Он потянул его вниз, развернув эластичный дисплей, который заслонил собой весь видимый обзор для сидящего на переднем месте пассажира. Прогрессист приложил палец к правому углу дисплея (видимо, тот считывал его отпечаток), и мгновение спустя перед собравшимися в кабине отобразилась максимально подробная карта Антарктиды с изображением высот, станций и прочих объектов.

– О, у меня в баре парочка таких же шуток висит, – сказал Йован. – Только не со скучными картами... хе-хе, – он подмигнул сам себе.

– Приморозь меня заживо... – прошептала Арина, пряча лицо в ладонях от стыда.

– А что такого? – искренне недоумевал здоровяк.

– Просто никто не спрашивал, есть ли у тебя такие же экраны, и уж тем более не интересовался, что на них изображено, – строго произнесла Надя, а затем, словно нарочно, добавила ко всему вышесказанному: – Пухленький.

– Так, хватит называть меня...

– Вы закончили? – в голосе Вадима Георгиевича послышались нотки раздражения.

Йован нахмурился, но возражать не стал. Надя так и вовсе сделала вид, что ничего не произошло.

– Слава Богу! – выдохнул прогрессист. Он коснулся указательным и большим пальцами одной из областей карты и увеличил её. – Нет, не то... – мужчина продолжил передвигать карту движением пальцев, бормоча себе под нос, иногда отдаляя её или приближая.

Так длилось почти минуту, пока в тщетные попытки прогрессиста не вмешался Матвей, отыскивая нужный участок в считанные секунды.

– Благодарю, – прошептал прогрессист с ноткой обиды в голосе.

На экране появилось подробное изображение ледника, с высоты выглядевшего как широкая тропа, пролегающая сквозь горный массив и выходящая к шельфовому леднику Росса.

– Глядите, а вон и «Мак-Мердо»! – Арина указала на название станции, расположенной чуть ниже по карте. – Получается, мы почти добрались?

– Верно, когда мы пройдем через Берд и выйдем к Россу, до «Мак-Мердо» останется всего ничего, – объяснил Вадим Георгиевич.

– Если мы пройдем через Берд, – поправил его Матвей, сразу же завладев вниманием всех присутствующих. – Ответьте-ка мне на один вопрос, – обратился он к прогрессисту, – вы прежде проходили по этому леднику?

– К сожалению, мне этого...

– А что насчет водителя? – прервал его Матвей, хоть и знал заранее ответ на свой вопрос. – Он пересекал ледник?

Домкрат, словно почувствовав, что говорят о нём, на мгновение отвлёкся от дороги и посмотрел на собравшуюся в кабине команду.

– Откровенно говоря, Домкрат не пересекал ещё ни одного ледника.

– Боже...

– Вы не говорили, что нам нужно будет проходить по леднику, – тихо возмутилась Надя. – Я слышала, что это чертовски опасно.

Вадим Георгиевич почувствовал нарастающее волнение в салоне и, встав с места, обратился ко всем:

– Послушайте, нам не о чем волноваться. «Титан» оснащён радиолокатором, который передаёт всю информацию о строении льда в радиусе ста пятидесяти метров. С ним мы можем не бояться никаких расщелин...

– Десятки вездеходов, которые сейчас лежат на дне этих расщелин, тоже были оснащены подобными радиолокаторами, – пояснил Матвей. – Нельзя уповать только на технику! Нам нужен водитель, опытный в этом деле, умеющий читать лёд, предугадывать его поведение, чувствовать его!

– Я и хотел бы взять водителя с опытом пересечения ледников, но выбор у меня был невелик, понятно? – терпение прогрессиста было на пределе, это чувствовалось по его учатившемуся дыханию. – И да, Надя, прости, что мне пришлось соврать тебе. Я поставил в известность насчет ледника только Домкрата. Тебе не сказал из опасения, что это может отпугнуть тебя...

– Отпугнуть?! – она сделала резкий шаг к нему и со стороны напомнила Матвею пикирующего на жертву орла. – При всём уважении, начальник, но отпугнуть меня от нашего общего с вами дела способна только ваша ложь.

– Я понимаю, – склонив голову, виновато прошептал старик. – И обещаю тебе, что больше такого не повторится. – Затем произнёс для всех: – Обещаю всем вам.

Всё-таки умеет этот прогрессист чесать языком, подумал про себя Матвей.

– Надеюсь на это, – строго сказала Надя и встала ко всем.

– Разве мы не можем как-то объехать по этому хребту? – поинтересовалась Арина.

Матвей покачал головой:

– Это невозможно. С такими склонами даже эта махина сладить не в силах. К тому же там постоянно происходят снежные обвалы, которые в два счёта превратят этот салон в нашу общую могилу.

– Нам всем нужно довериться Домкрату, – Вадим Георгиевич положил руку на плечо водителя, который повернул к нему голову, а затем ко всем остальным. – Пускай у него и нет опыта по прохождению ледников, но он самый лучший водитель, которого я знаю.

Домкрат остановил вездеход и встал с водительского места. Видимо, только сейчас он понял, о чём шла речь, и начал резво размахивать руками, обращаясь ко всем на языке жестов. А когда закончил, его лицо горело от злости и негодования.

– Что он сказал? – насторожившись, спросила Арина, переведя взгляд на Надю.

Та хитро ухмыльнулась уголком рта и спросила Вадима Георгиевича:

– Передать всё слово в слово?

– Пожалуй, самые грубые слова можно опустить, – велел прогрессист, осторожно поглядывая на внезапно оживившегося спутника.

– Ему надоело, что наши обсуждения проходят без его участия. Он, как-никак, тоже член команды.

Дождавшись, когда Надя закончит, Домкрат поднял правую руку, согнул её в локте и повторил ещё несколько резких движений, хлопая ладонями и грозно топая ногой. Закончив, он смачно плюнул, плюхнулся в кресло и завёл двигатель.

– А это как понимать? – спросил Вадим Георгиевич.

Надя фыркнула и перевела:

– Утрите сопли, проведу я вас через этот хренов ледник.

У собирателей и водителей вездеходов восточной части Антарктиды, вынужденных пересекать Берд на пути к «Мак-Мердо», уже давным-давно родилась простая присказка, ёмко отражающая всю суть этого ледника: «Кто Берда боится, тот долго живёт».

Матвей помнил, как сжималось его сердце каждый раз, когда он на борту очередного вездехода оказывался на толстом льду. Все пассажиры замолкали, даже шмыгнуть боялись. Ведь их жизнь в тот момент принадлежала водителю, его зоркому глазу, быстрой реакции и умению сладить с неповоротливой машиной в трудную минуту.

Погибнуть, упав в одну из трещин, никто не горел желанием. Лучше уж быть разорванным мерзляком, встретить смерть во время вылазки, как подобает настоящему собирателю, но только не быть похороненным на глубине в несколько сотен метров. Там, где твоё замёрзшее тело никогда не найдут.

Несколько километров отделяло «Титан» от ледника Берд. Впереди уже виднелась его широкая и белоснежная поверхность с горными возвышенностями по краям. Отсюда ледник всегда виделся Матвеем гигантской тропой.

– Так посмотришь и не скажешь, что проезжать по нему опасно, – прошептала Арина. – С виду он очень крепкий и даже красивый...

– Древние мореплаватели думали также, глядя на сирен, – загадочно произнёс Матвей, вглядываясь в далёкий белоснежный горизонт.

Домкрат остановил вездеход и дёрнул один из рычагов, находящийся рядом с коробкой передач. Пол и стены завибрировали, а снаружи послышался механический звук.

– Что это? – забеспокоилась Арина.

Матвея осенила догадка. Он подошёл к иллюминатору, выглянул наружу и заметил, как переднее колесо медленно скрылось под брюхом вездехода, а на его месте, откуда-то из-под днища, выдвинулись железные гусеницы.

– Гусеничная система? – спросил Матвей.

– Она самая, – с той же гордостью в голосе, что и в начале их пути, сообщил прогрессист. – Если не ошибаюсь, это гибридная подвеска, способная при необходимости менять колёса на гусеницы и обратно, за счёт гидравлической системы с электронасосом. С ними будет лучше и безопаснее пересекать поверхность ледника.

– Уж больно много вы знаете про начинку этой махины, – заметил Матвей.

– Поверьте, я знаю лишь малую часть того, что знает Домкрат. Вот он осведомлён о каждом винтике, каждом проводе «Титана», поскольку лично занимался его улучшением.

– Да уж, – завистливо вздохнула Арина, – это тебе не в ваттбраслетах ковыряться.

Через минуту все колеса сменились гусеницами, из-за чего вездеход опустился ниже к земле, немного сократив обзор в лобовом стекле.

Напряжение среди пассажиров в салоне заметно возросло. «Титан» ещё не достиг ледника, а они уже крепко держались за поручни или ручки сидений, с опаской всматриваясь в пространство впереди.

Домкрат повернул левее, ближе к горным основаниям, и на подходе к леднику начал постепенно снижать скорость. Затем его правая рука потянулась к бортовому компьютеру, пальцы коснулись сенсорных кнопок, после чего на лобовом стекле отразился экран радара. В центре его нижней части пульсировала жирная голубая точка, изображающая вездеход.

Видимо, это и есть тот самый радиолокатор, подумал Матвей.

Таких он прежде не видел. На всех других вездеходах радиолокаторы выглядели более примитивно и были встроены прямым в приборную панель или бортовой компьютер.

Домкрат сделал ещё пару движений указательным пальцем, и от точки на экране отскочила дугообразная линия. В течение нескольких секунд она медленно сканировала пространство впереди, а затем исчезла за пределами экрана.

– Всё в норме? Эта штука работает? – спросила Надя.

– Минуту, – ответил Вадим Георгиевич, наблюдая за следующей линией. Как только и та достигла верхней границы экрана, он более уверенно заявил: – Да, вроде, всё работает.

– Вроде? – сомневаясь, переспросила Надя.

– Я не могу ничего сказать точно, пока нам не встретится одна из трещин, – выдал Вадим Георгиевич. – Ну, с Богом.

Он махнул рукой и велел Домкрату ехать вперёд.

Вблизи ледник походил на гигантское море, чьи поднявшиеся волны замёрзли, так и не коснувшись воды. То были снежные барханы, образовавшиеся под натиском ветра. Их контуры, отбрасывающие длинные тени, превращали белоснежное плато в рябую картину, от которой захватывало дух.

Матвей заметил, как Домкрат сбросил скорость до пятнадцати километров в час. Сойдёт.

– Переправа будет долгой, – сообщил Матвей, обращаясь ко всем. – Длина Берда около ста тридцати километров. Двигаться по нему надо медленно, и, если всё закончится хорошо, к вечеру мы его пересечём. До тех пор мы по очереди, каждые два часа, будем сидеть рядом с Домкратом, помогать ему следить за дорогой и локатором.

– Хорошая идея, – поддержал его Вадим Георгиевич, – два глаза хорошо, а две пары – ещё лучше. Если никто не возражает, я начну первым.

Матвей согласно кивнул.

– Я после, – вызвалась Надя.

Через минуту они договорились дежурить в следующем порядке: Вадим Георгиевич, Надя, Матвей, Арина и Йован.

– Два часа каждый, отлично, – подтвердил Матвей.

– От себя посоветую всем поспать, – сказал Вадим Георгиевич. – К концу этого дня мы можем оказаться на «Мак-Мердо». Задерживаться там надолго я не собираюсь, мы отчалим из порта сразу, как только будет возможность. Времени на сон не останется.

– Прямо как спать на бочке с порохом... – с усмешкой подметила Надя.

– Скорее, как в гамаке, закреплённом на хлипких нитях, только упадёшь не на пол, а чёрт знает куда, – вставила своё сравнение Арина.

– Верняк, – подмигнула ей Надя в ответ.

За минувшие полтора часа с момента начала дежурства Матвея им повстречалось с дюжину расщелин, которые отражались неровными линиями в верхней части экрана радара.

Мысленно он разделил их на два типа, назвав царапинами и шрамами. Первые были совсем неприметными, и при необходимости их можно было даже пройти, особенно на гусеничном ходу. Зато вторые, глубокие и широкие, приходилось объезжать в поисках безопасного пути.

К счастью для всех пассажиров «Титана», пока что им встречались царапины, но даже и те Домкрат предпочитал обходить, что, по мнению Матвея, было верным решением. Ледник, как известно, не прощает риска.

Всё это время, что он находился рядом с Домкратом, Матвей чувствовал себя ненужным, словно пятое колесо в телеге. Глухонемой водитель, к его удивлению, справлялся вполне неплохо, вовремя замечая сигналы с радара. Удивительно, как он умудрялся сидеть за рулём последние шесть часов и не терять бдительности, не говоря уже о почти минувших трёх сутках в дороге.

– Эй, как ты?

Сзади подошла Арина. Матвею до сих пор было непривычно слышать её голос в салоне вездехода.

– Нормально, – ответил он тихо, не желая разбудить остальных, а затем равнодушно добавил: – Ты рановато, твоя смена только через двадцать минут.

– Да что-то не спится, – пожаловалась она. – Могу я?

– Конечно.

Матвей подвинулся, уступив ей половину кресла. Домкрат окинул девушку взглядом, и она приветливо ему улыбнулась, но тот уже переключил всё внимание на дорогу.

Арина как можно ближе прижалась к Матвею и положила ему голову на плечо.

– Матвей?

– Да?

– Прости меня. За то, что не послушалась.

Матвей раздосадованно вздохнул:

– Дурёха ты.

Он приобнял её. Почувствовал, как приятно пахнут её каштановые волосы.

– Я знаю, – улыбнулась девушка. – Так ты простишь меня?

– Да не за что мне тебя прощать. Просто не делай так больше, хорошо?

– Угу.

– Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Она чуть крепче прижалась к нему.

– Когда ты объявил на «Востоке» о своём решении уйти с ними, у меня сердце чуть не остановилось, – её голос был едва слышен. – Казалось, что вижу тебя в последний раз. Мне стало так страшно.

– Признаюсь тебе честно, – ответил он почти минуту спустя, – мне тоже страшно. Страшно, как никогда в жизни.

– Правда?

– Да. Я не думал, что когда-нибудь снова покину «Восток». Я поклялся себе больше никогда не делать вылазки и посвятить себя нашим братьям и сёстрам. Но теперь...

– Теперь одно зависит от другого.

– Да, увы...

Матвей не договаривал. Ему было не просто страшно, он был напуган до смерти, и лишь многолетняя закалка характера помогала ему не сойти с ума, по крайней мере, сейчас.

Каждую ночь ему снились мертвецы. Те молодые ребята, погибшие у него на глазах. Их разорванные на части тела... Они вопят от боли, умоляют помочь им, но он ничего не может сделать, ничего.

Но чаще всего ему снился сын Валерии Анатольевны: белокурый, краснощёкий, рослый парень по имени Максим. Своей улыбкой он заражал всех окружающих, поднимая им настроение. А до чего же был болтлив! Он подавал большие надежды: быстро схватывал на лету устройство метеодатчиков и чтение синоптических карт, запоминал все виды мерзляков и чем каждый из них наиболее опасен. Максим был всеобщим любимцем на «Востоке».

– Что это? – отвлекла его от воспоминаний Арина.

– О чём ты? – Матвея словно вырвали из сна.

– Этот звук. Слышишь?

И правда, снаружи слышалось жуткое завывание, напоминающее человеческий стон.

– Ах, это... – припомнил Матвей. – Разве ты не знаешь?

Арина покачала головой.

– Мне ещё отец рассказывал, когда я впервые проезжал здесь, по этому леднику. Помнишь, утром я говорил, что в здешние расщелины за прошедшие годы угодило множество вездеходов?

– Ага.

– Так вот, это воют те самые мертвецы. Эхо их воплей отражается от стен расщелин и доходит до самого верха. Но среди криков, бывает, доносятся и голоса тех, кто умудрился уцелеть при падении и молит о помощи. Чтобы выжить, они греются остаточным теплом аккумуляторов и пожирают тела несчастных, угодивших в эту бездну вместе с ними.

– Матвей.

– Да?

– Сколько тебе было лет, когда отец рассказывал это? Пятнадцать?

– Да.

– Прошло двадцать лет, а ты так до сих пор и не вырос, – съехидничала девушка.

Он стал щипать её за бок, заставив извиваться и смеяться.

– Да, хватит, хватит! – она с трудом сдерживала смех, пытаясь никого не разбудить.

Собиратель заметил осуждающий взгляд Домкрата. Тот жестами, не требующими никакого перевода, велел им перестать.

Арина в отместку ущипнула Матвея за живот и снова положила голову ему на плечо.

– Наверное, у твоего отца эта история звучала убедительнее и более пугающе.

– Ещё как, – согласился он.

– Но ты можешь рассказать её Йовану, когда он проснётся. Уверена, что даже с твоим навыком рассказчика эта сказка напугает его до усрачки.

Он легонько погладил её по плечу и прижал к себе, неожиданно для себя придя к мысли, что присутствие Арины в эти трудные часы приносит в его омрачённое горем сердце чувство умиротворения.

– Это ветер, – всё же решил объяснить Матвей. – Он проходит сквозь узкие проходы, те же трещины, например, и получается такой звук.

– Ветер? – переспросила Арина. – Не очень-то хочется его здесь слышать, учитывая наше местоположение...

– Согласен, – ответил он, всматриваясь в дорогу впереди, где россыпи снега кружили над ледяным полем.

Усилившееся с полчаса назад завывание ветра уже давно привлекло его внимание, наводя на не самые приятные предположения.

Из дрёмы Матвея вывели громкие голоса. Йован о чём-то спорил с Вадимом Георгиевичем:

– Да это и пингвину понятно! Нужно останавливаться! – возмущался Йован.

– Нет, я не собираюсь терять время на остановку. Мы уже и так существенно отстаём, – твёрдо возразил Вадим Георгиевич, а затем, видимо, обратился к Домкрату: – Продолжай рулить.

Матвей быстро встал и взглянул на обоих.

– Что происходит? – потребовал он.

Но в ответе не было надобности. Через лобовое стекло Матвей увидел вихри снега, точнее мелких кристалликов льда, которые стучали по стеклу, будто миллионы маленьких мошек, ринувшихся в атаку.

– Глянь, чего там творится, Матюш! Останавливаться надо! А этот упертый хмырь ни в какую...

– Йован прав, нужно остановить вездеход, – велел Матвей. – Это уже не ветер, а самая настоящая буря. Вели водителю заглушить двигатель.

– Чушь! – возразил прогрессист. – Мы в безопасности, идём строго по маршруту, радар работает...

Домкрат значительно сбавил скорость, до двух километров в час, и вопросительно взглянул на прогрессиста, ожидая приказа.

– Продолжай, Домкрат, в том же духе! – медленно, чтобы тот успел прочесть по губам, произнёс Вадим Георгиевич. – Осторожно и не торопясь, как прежде.

Однако было видно, что и тому подобный приказ не по душе. Он даже поднял было руку для возражения, но прежняя храбрость, вырвавшаяся наружу утром, куда-то улетучилась.

– Начальник, может, и правда, стоит остановиться? – на этот раз вмешалась Надя.

– Да вы чего, сговорились? Всё работает! Это всего лишь небольшое препятствие! Мы на «Титане», очнитесь!

– Вы себя вообще слышите?! – вышла вперёд Арина со сложенными на груди руками.

– Я не собираюсь больше терять время, пока моя дочь там, ясно?! – крикнул прогрессист так, что Арина вздрогнула. – Больше не потратим ни одной лишней минуты, которая может стоить ей жизни.

Матвей чувствовал, что ему необходимо вмешаться, используя не просто слова.

Он сделал к мужчине шаг и сжал кулак.

– Вот что, если ты сейчас же не прикажешь...

Вдруг Матвей почувствовал, как невидимая сила толкнула его вперёд. Ноги заплелись, он неуклюже побежал к кабине, но успел схватиться за поручень и удержать равновесие.

Бешеная круговорот бури за лобовым стеклом стала постепенно сменяться на тёмно-синее пространство, в середине которого покоилась непроглядная тьма.

– Трещина! – закричал он как можно громче.

Краем глаза уловил лежащее на полу тело. Арина! Она не шевелилась, наверное, была без сознания, и по лбу у неё текла кровь.

Матвей почувствовал, как внутри у него всё взвыло от ужаса и ненависти одновременно. Он бросился к сестре, но его сбил с ног странный толчок, за которым последовала уже знакомая вибрация по всему вездеходу.

Домкрат быстро поворачивал рычаг, отвечающий за гусеничную систему. Позади него пытался встать на ноги Вадим Георгиевич, схватившийся за правую руку – видимо, весь удар пришёлся на неё.

Каким-то образом Домкрату удалось предотвратить неминуемое падение в расщелину, однако, о спасении можно было даже и не мечтать. Вездеход скрипел так, что казалось, он вот-

вот переломится на две части, как сухая ветвь. Да и заглядывающая в лобовое стекло бездонная пропасть наводила на очень неприятные мысли.

Матвей, не решаясь встать на ноги, быстро пополз к так и не очнувшейся Арине. Добравшись до неё, он прижал девушку к себе, взял за голову и под прядью волос у правого виска заметил глубокое рассечение, откуда ручейком текла кровь.

– Вездеход падает! – голос Нади прозвучал словно бы откуда-то издалека.

И, действительно, Матвей заметил, как машина понемногу начала наклоняться, вопреки всем попыткам Домкрата это остановить.

– Вадим Георгиевич, уходите оттуда, живо! – крикнула Надя.

– Матвей! – Йован стал осторожно подходить к нему, не спуская глаз с Арины. – Я сейчас!

Стоило Йовану сделать к нему шаг, как вездеход заскрипел и медленно склонился к обрыву.

– Куда ты, громила! Назад! – Надя махнула ему рукой. – У тебя глаза на жопе? Ты нас всех угровишь!

Йован тихо выругался, сжал зубы и осторожно попятился назад, к стенке.

Тем временем Домкрат покинул водительское место и быстрым, но осторожным шагом двинулся в середину салона, где, прижавшись к стене, лежал Матвей. Чудное дело, но вездеход будто и не чувствовал водителя, он совершенно не реагировал на его движения, в отличие от шагов Йована. Видимо, всему виной была разная весовая категория этих двоих. Домкрат был довольно коренаст и весил, наверняка, не больше шестидесяти килограммов.

Собиратель было подумал, что прогрессист торопится ему помочь, но вместо этого, встав рядом с ним, Домкрат слегка подпрыгнул, ухватился за болтающуюся под потолком кожаную ручку и выдвинул складывающуюся лестницу, ведущую к люку. Затем он поднялся по лестнице и открыл люк, впуская в салон не только потоки ледяного воздуха, но и оглушительный свист бури.

– Эй, ты куда?! – заорал Йован, сопровождая покидающего вездеход прогрессиста ненавистным взглядом. – Ссыкло поганое, тоже мне водитель! Выведет он нас, как же!

Тем временем, держась за покалеченную руку, на ноги попытался встать Вадим Георгиевич, отчего вездеход вновь слегка завалился вперёд, громко при этом скрипнув.

– Не шевелитесь, начальник... – предупредила его Надя. – Теперь это не вездеход, а качели – одно неправильное движение – и мы все покойники.

– Проклятье! – прогрессист замер на месте, вытянув здоровую руку в сторону.

– Матвей, – обратилась девушка к нему. – Можешь вместе с Ариной сдвинуться в нашу сторону? Попробуем перенаправить вес.

Матвей кивнул и, придерживая Арину, стал осторожно перемещаться в заднюю часть салона.

Вездеход вновь подался вперёд. Все охнули. Снаружи слышалось, как куски льда ударяются о стены пропасти.

– Нет, мы так вечность провозимся, – спешно произнёс Матвей. Лицо Арины уже наполовину испачкалось в крови.

Вдруг над их головой раздалось несколько глухих ударов.

– Это что, Домкрат? – предположила Надя.

– Наверное, ему нужна помощь, – шипя от боли, добавил Вадим Георгиевич.

Словно в подтверждение его слов, сверху прозвучали очередные три нетерпеливых удара.

– Матвей, ты ближе всех к лестнице, – сказала ему Надя. – Попробуй залезть, а я подберусь к Арине.

Матвей с недоверием посмотрел на прогрессистку, которая, в свою очередь, уловив его сомнения, твёрдо проговорила:

– Доверься мне.

Выбора не было. Собиратель предупредительно взглянул на Йована, как бы молча наказывая ему, чтобы он проследил за Надей, и аккуратно положил голову Арины на пол. Струйка крови уже потекла к подбородку и медленно сползала к шее.

Матвей натянул на лицо воротник, осторожно шагнул к лестнице и схватился за поручень. Вездеход отозвался лишь тихим покачиванием.

– Матвей! – Йован бросил ему свои защитные очки, всё это время болтающиеся у него на шее, как ожерелье. Собиратель с лёгкостью их поймал. – Осторожнее там, дружище.

Матвей кивнул ему, надел очки и стал взбираться по ступеням, чувствуя, как постепенно окунается в ледяной океан, застилающий собой свет полярного солнца.

Едва он оказался на крыше, как буря сбила его с ног. Падая, Матвей в последний миг успел схватиться за крепёжный ремень, намертво удерживающий один из грузов. Тело ударилось о борт «Титана», и собиратель почувствовал неприятную боль в коленях.

Пытаясь собраться с силами, чтобы подтянуться, он разглядел сквозь снежную завесу край трещины, над которой висела большая часть вездехода. Матвею это показалось странным, ведь при таком раскладе они уже должны были упасть. Всё встало на свои места, когда он посмотрел через левое плечо и на месте гусениц в задней части «Титана» увидел очертания колёс. Видимо, Домкрат в последний миг воспользовался гибридной подвеской для перенаправления веса. Но, как оказалось, этого было недостаточно. Ему лишь удалось выиграть им немного времени.

Матвей сжал зубы, вытянул вторую руку вперёд и стал взбираться обратно на крышу. Порывы ветра нещадно раскачивали его тело, подобно маятнику, острые льдинки кололи щеки. Снова оказавшись на крыше, он позволил себе лишь пару секунд, чтобы перевести дыхание, после чего, на этот раз держась за крепёжные ремни грузов, двинулся к задней части «Титана».

Парню вспомнились страницы одной книги из детства, где на чёрно-белых фотографиях был изображён канатоходец. Он уверенно шагал по тонкому канату между двумя небоскрёбами, удерживая в руках длинный шест для баланса. И хоть Матвей понятия не имел, что чувствовал этот человек, совершая такой безумный поступок, но отдалённо смог уловить то скользящее чувство, когда каждый твой шаг может оказаться последним.

Руки занемели, а тело с каждой секундой будто прибавляло по лишнему килограмму.

Вдруг Матвей почувствовал, как его схватили за руку и резко потянули вперёд. Подняв голову, он увидел взволнованное лицо Домкрата. Тот указывал на подъёмник с лебёдкой, который они использовали для погрузки всего добра на крышу вездехода.

Домкрат схватился за ручку возле основания подъёмника и резко дернул её – она не поддалась. Затем он умоляющими глазами взглянул на Матвея и ударил по механизму, тем самым дав окончательно понять, в чём заключалась проблема.

Собиратель приблизился к Домкрату, и они оба схватились за ручку, пытаясь изо всех сил тянуть её на себя.

Вездеход начал медленно падать. Прежде сохранявшийся хрупкий баланс стал рушиться.

Они налегли на ручку с новой силой, дёргали, расшатывали. У Домкрата вырвалось мучительное мычание, а у Матвея – поток всех тех ругательств, что он успел нахвататься за двадцать лет в собирательстве.

Их тела всё больше отклоняло назад. Очертания оставленных позади скал медленно заполняла крыша вездехода.

Ручка поддалась, и Домкрат резво завертел её по часовой стрелке, высвобождая объёмный стальной трос, прежде скрытый в корпусе «Титана». Прогрессист жестом велел Матвею заменить его, а сам, тем временем, ринулся к подъёмнику, схватился за механизм, отдалённо напоминающий гарпунную пушку, и прицелился в близлежащую скалу.

Неожиданно вездеход наклонился настолько сильно, что Матвей заскользил назад. «Титан» начал медленно падать в пропасть, как вдруг...

Бурю пронзил свист металла. Из механизма, который удерживал Домкрат, вырвалось самое настоящее копьё с якорным крюком на конце и полетело напрямик в сторону горы, исчезнув в снежном тумане. Клубок стального троса, что они успели высвободить, разматывался с бешеной скоростью.

«Только бы хватило, только бы хватило», – взмолился Матвей.

Наконец, стальная змея успокоилась. Вытянутого количества троса хватило. Но достигло ли цели копьё? Оставалось только гадать, поскольку из-за бури увидеть это не представлялось возможным.

Домкрат нажал на кнопку отката, в то время как две трети вездехода уже провалились в пропасть.

Прежде облокотившийся на контейнер с грузом Матвей теперь лежал на его боковой части.

Они падали, всё было кончено.

Тут среди шума бури послышался металлический звон натянутого троса. Вездеход резко дёрнулся, подбросив Матвея на пару сантиметров. Домкрат, удерживающий ручки гарпуна, ударился плечом о перекладину подъёмника.

Следующие несколько секунд длились целую вечность. Перед глазами проплыли все самые яркие воспоминания, как плохие, так и хорошие, пока сквозь звуки бури не прорвался тягучий механический гул подъёмника, подтягивающего более пяти тонн.

Всё происходило медленно, натужно. Каждый скрежет троса казался последним – вот сейчас он порвётся, и всей этой безумной затее придёт конец.

Но этого не случилось. Причудливый гарпун, установленный в подъёмнике, медленно вызволял «Титан» из плена трещины, пока, меньше чем через минуту, он снова не оказался на вершине ледника.

Домкрат откинул назад голову и, наплевав на бурю и бьющий в его лицо снег, облегчённо выдохнул.

Ну, а Матвей, глядя на глухонемого прогрессиста, тотчас напрочь избавился от всякого скептицизма на его счёт.

На такого водителя он мог с лёгкостью положиться.

Глава 8. Старый друг

Благодаря своему стратегическому и географическому положению, а также относительно мягкому в условиях Антарктиды климату и близости к одноимённому проливу, известному своими полыньями⁸, станция «Мак-Мердо» за довольно короткое время быстро стала неофициальным главным узлом для путешествий с континента. Позже все моряки, перевозившие собирателей на захваченные мерзляками земли, переселились на станцию вместе со своими судами. Это неизбежно привело к росту численности населения «Мак-Мердо», которое увеличивалось с каждым годом, что, в свою очередь, повлекло за собой обострение связанных с этим проблем.

«История станции «Мак-Мердо» за авторством Мариш Лерой, 2134 год.

24 января 2093 года

Со слов Йована, Надя сдержала своё обещание. Как только Матвей полез на выручку Домкрату, прогрессистка осторожно подобралась к девушке и оттащила её в заднюю часть салона. Теоретически оттуда можно было выпрыгнуть в случае, если бы судьба всё же решила обрушить вездеход в пугающую пропасть расщелины.

– Она ничего, хоть и прогрессистка, – буркнул Йован, закончив свой короткий рассказ о случившемся.

Арина так и не пришла в себя. Девушку бережно уложили на койку и накрыли одеялом. Затем Матвей поближе рассмотрел её рану, скрытую прядью волос. Удар пришёлся в височную область, кожа порвана, много крови... Ему стало не по себе, особенно, когда он понял, к чему всё это ведёт...

Стоявший рядом Йован крепко сжал руку подруги, будучи не в силах вымолвить ни слова. В его глазах отражался страх.

– Мне нужна аптечка и ножницы, быстро! – скомандовал Матвей.

Надя уже доставала всё необходимое из какого-то ящика и через пару секунд была рядом с ним.

– Зачем ножницы? – растерянno спросил Йован.

– Волосы будут мешать, – тихо ответил собиратель.

– Чему?

Неожиданно Арина очнулась и начала испуганно озираться по сторонам.

– Матвей, Йован... – она попыталась подняться.

– Тише... – Матвей осторожно нажал на её плечи, заставив лечь.

– Что случилось? – из глаз у неё брызнули слёзы. Никто не видел, чтобы Арина плакала с тех пор, как умер её отец. – Голова, моя голова... Почему она так болит? Боже...

– Ты ударилась, милая.

– Ударилась? Как? Сильно?

– Нет, вовсе нет.

На её лице мелькнула вымученная улыбка.

– Хреновый из тебя лгун, Матвей.

⁸ **Полынья** – пространство чистой (открытой) воды в ледяном покрове реки или в плавающих ледяных полях моря и озера (незамёрзшее или растаявшее место на поверхности реки или другого водоёма). пространство чистой (открытой) воды в ледяном покрове реки или в плавающих ледяных полях моря и озера (незамёрзшее или растаявшее место на поверхности реки или другого водоёма).

Он почувствовал, как в носу у него засвербело.

Понимая, что времени терять больше нельзя, Матвей крепко сжал её плечи и, собравшись с силами, сказал:

– Мне придётся зашить рану, Арин. Прямо сейчас. Тебе нужно потерпеть, хорошо?

Девушка тихо взвыла.

Стоявшая рядом Надя отвела взгляд.

– Хорошо? – ещё раз спросил Матвей, коснувшись её щеки.

Арина кивнула. Горячие слёзы обожгли его пальцы.

Матвей потянулся к аптечке за хирургической нитью с изогнутой иглой, но Надя его опередила:

– Я обработаю иглу. Ты пока займись волосами.

Он молча с ней согласился и достал из той же аптечки небольшие ножницы.

– Волосами? – в голосе Арины послышались умоляющие нотки.

– Да, милая, придётся отрезать твой красивый локон, чтобы добраться до раны. Совсем чуть-чуть...

Она лишь издала очередной стон, выражающий смирение.

– Ты раньше делал это? Зашивал раны? – задала вопрос Надя.

– Да, много раз, – сказал собиратель и поймал взгляд Вадима Георгиевича, виновато поглядывающего в их сторону. С ним он поговорит позже...

– Так, закрой глаза, – велел Матвей Арине и стал осторожно, но быстро состригать волосы. Рана продолжала кровоточить.

– Эй, мелкая, – подбадривая подругу, Йован сел рядом с ней на койку. – Ты, конечно, даёшь... Всё веселье пропустила.

– Йован, пожалуйста, не сейчас, – взмолилась девушка.

Здоровяк прикусил верхнюю губу, испытывая неловкость. Чтобы исправить ситуацию и успокоить Арину, он взял её ладонь в свои руки.

– Я буду с тобой всё это время, лады?

Она кивнула, стряхнув несколько слёз.

Ножницы перестали щёлкать. Теперь, когда каштановые волосы больше не скрывали рану, она выглядела куда более внушительной, чем казалось прежде.

– Сейчас я её обработаю, – предупредил девушку Матвей, вытирая холодные капли пота с её бледного лба. – Будет щипать. Потерпишь?

И не дожидаясь ответа, опрокинул баночку с антисептиком на ватный тампон, а затем коснулся им виска Арины.

– Ай! – она поджала губы, но терпела. Глаза увлажнились ещё сильнее.

– Понимаю, понимаю... – утешал он её. – Ещё немного.

Йован чуть сильнее сжал ладонь девушки.

– Ты восточник, Ариш, – произнёс здоровяк. – А сильнее восточника кто?

– Только... ай!

– Только?

– Только мороз и пурга.

– Правильно.

– А ещё этот кусок ваты. Это точно не кислота?

Когда с обработкой раны было покончено, Матвей бросил ватку в сторону и отдал Наде баночку с антисептиком. После чего она протянула ему обработанную иглу.

– Боже... – снова взвыла Арина, мельком увидев хирургический инструмент, – это точно была игла, а не копьё?

– Прости... – прошептала Надя, коснувшись её плеча.

– Ты готова? – спросил собиратель сестрёнку, взявшись за иглу.

– Нет.

– Значит, будем считать, что готова.

Матвей переглянулся со здоровяком, утвердительно кивнув. Сейчас им обоим будет крайне нелегко.

Он поднёс иглу к ране, сосредоточился, и медленно вонзил остриё в кусочек торчащей плоти.

Следующие десять минут, в течение которых Арина кричала и брыкалась, пытаясь хоть немного «отдать от себя боль», показались Матвею целой вечностью. Долгой и бесконечной, как пейзаж у них за окном.

Как только дело было сделано, Арина издала тихий стон, закрыла глаза и запрокинула голову.

– С ней всё хорошо? – Йован обеспокоенно потёр подбородок.

Матвей прильнул ухом к её губам и почувствовал тёплое дыхание. Затем измерил пульс на запястье, проверил работу сердца.

– Всё хорошо, – устало ответил он, отложив иглолку с ниткой, – просто отключилась.

К ним подошёл Вадим Георгиевич, придерживающий свою вывихнутую руку. Он оглядел Арину, тихо выдохнул и произнёс:

– Один из моих людей в «Мак-Мердо» – врач. Он может осмотреть её, как только мы...

Внезапно Йован вскочил с места, схватил старика за горло и одной рукой прижал его к стене с такой силой, что тот охнул от боли.

– Из-за тебя мы чуть все не сдохли!

– Отпусти его, – сзади послышался щелчок взведённого курка. Надя молниеносным движением успела вытащить из кобуры свой пистолет.

– Отпущу, как только вырву с корнем эту бестолковую прогрессистскую башку! – взревел Йован, ещё сильнее сжав горло Вадима Георгиевича, отчего тот стал брыкаться и хрипеть.

– Это последнее, мать твою, предупреждение! – на этот раз Надя упёрла ствол в затылок здоровяка. – Живо отпустил его!

К ней подоспел и Домкрат, вытащивший откуда-то из-под водительского сиденья штурмовую винтовку.

– Йован! – вмешался Матвей. – Отпусти его.

Собиратель подметил, как горели от злости глаза его друга, прежде он никогда не видел его таким. Куда уж там, он даже представить себе не мог, что Йован способен на подобное.

Нечто жуткое, даже, можно сказать, потустороннее, исходило от его старого товарища.

– Йован, – Матвею пришлось встать и подойти к невменяемому напарнику.

Он крепко вцепился в его здоровую, как бревно, руку, сжимающую горло старика, и заставил обратить на себя внимание. Боже, перед ним стоял совершенно другой человек.

– Отпусти его.

Наконец Йован ослабил хватку. Прогрессист упал на колени, схватился за горло и судорожно ловил воздух ртом.

Надя кивнула Домкрату и указала ему на Вадима Георгиевича. Водитель повесил винтовку на плечо и помог начальнику подняться на ноги.

Здоровяк тем временем сел на край койки и спрятал лицо в руках.

– Я ошибся, ошибся! – прохрипел Вадим Георгиевич, пытаясь отдышаться. – Это моя вина!

Судя по его бегающему по лицам пассажиров «Титана» взгляду, это обращение он адресовал всем.

– Вы не понимаете, каково это – постоянно думать, что там, в тысячах километрах отсюда, моя дочка, которая нуждается во мне! – в голосе его послышалась нотка жалости. – И каждая лишняя минута промедления, каждая секунда кажется мне месяцем! Годом! Что, если я опоз-

даю на эту самую минуту? Что, если этой самой минуты будет достаточно, чтобы мерзкие твари добрались до неё? Что, если... Проклятье! – он пнул ногой валявшуюся на полу алюминиевую кружку, которая со звоном отскочила от стены и укатилась под одно из сидений.

Прогрессист, схватившись за остатки седых волос на своей голове, плюхнулся в кресло.

– Это чувство разъедает меня изнутри, как болезнь, как вирус.

Матвей снова почувствовал соблазн попытаться убедить его, что их целью является лишь обнаружение останков тела, если они вообще способны их найти. Но он понял всю бессмысленность таких попыток. Разрушить убеждение старика в том, что его дочь жива, было невозможно.

И всё же одну мысль Матвей точно должен был донести до него.

– Мне плевать, какое чувство разъедает тебя, – он решил впредь обращаться к этому человеку только на «ты». – Плевать, что ты там думаешь, и что у тебя на уме. Но вот что я тебе скажу.

Матвей уселся напротив прогрессиста, уголком глаза заметив, что Надя, хоть и опустила пистолет, но не выпустила его из рук.

– С этого момента ты и твоя команда будете следовать моим указаниям. Если я скажу остановить вездеход, чтобы переждать бурю, ты, без возражений, остановишь его. На десять, двадцать, сорок часов... Мы остановимся на столько, на сколько будет необходимо. Ты понял?

– Пожалуй, – смиренно ответил тот.

– Такое же правило будет действовать, когда мы выйдем в море, а затем и на захваченных землях, – продолжил Матвей и бросил взгляд на Домкрата с Надей. – Хотите повысить наши и без того скудные шансы на выживание, тогда вы должны слушаться меня во всём. Советоваться со мной по каждому вздоху. Это понятно?

– Да, – снова послышался смиренный ответ.

Час спустя непогода утихла, сменившись небольшим ветром. Как только это произошло, радиолокатор предупредительно пискнул и отобразил находящуюся в полусотне метров от вездехода расщелину, едва не ставшую братской могилой.

– Буря создала помехи для радиолокатора, – объяснила Надя, переведя жесты Домкрата, проверяющего бортовой компьютер. – Сейчас, вроде бы, всё в норме, можно продолжить путь.

С последним предложением она обернулась к Вадиму Георгиевичу, всё это время находящемуся в глубокой задумчивости.

– Начальник? – уточнила Надя.

– Да? Что? – опешил он.

– Едем дальше?

Прогрессист взглянул в лобовое стекло, затем на Матвея, который, в свою очередь, утвердительно кивнул.

– Скажи Домкрату, что можно ехать.

Надя хлопнула водителя по плечу, давая добро. Через минуту «Титан» после длительной остановки продолжил путь, без труда минуя все встречающиеся на пути расщелины.

К восьми часам вечера Берд остался позади, а вездеход следовал дальше по новому, шельфовому леднику Росса, самому крупному из имеющихся в Антарктиде. Это снежное море, представляющее собой гигантскую пустыню, растянулось на восемьсот километров отсюда и до самого плато Рокфеллер в западной части материка.

Лишь однажды Матвею довелось пройти его на пути к станции «Палмер». То была опасная переправа, длившаяся почти неделю, но опытный водитель-американец, чьё имя он помнит до сих пор – Ларри, прекрасно справился со своей работой. Он умудрился не только в целости и сохранности доставить их группу собирателей в пункт назначения, но и прочитать им ряд ежедневных лекций о строении Росса и влиянии ледника на климат. Причём, свой рассказ

американец подкреплял множеством исторических фактов. Ларри, как оказалось позже, был гляциологом⁹, работавшим на «Мак-Мердо» ещё до Вторжения. Собственно, он и не застал нападения пришельцев, поскольку в те годы как раз находился на станции, то есть в полной безопасности.

Матвей завидовал таким людям, как Ларри, коих было совсем немного. Туристы, отдыхающие здесь в год нападения, полярники и добытчики кобальта, отрабатывающие свои смены, – все они не видели того ужаса, с которым пришлось столкнуться им, выжившим.

Домкрат позволил себе ускорить вездеход, Матвей не возражал. В отличие от Берда, в этой части ледника Росса трещины встречались значительно реже. Да и доверия к решениям водителя-прогрессиста теперь было куда больше, нежели сутки назад. Тот и впрямь знал своё дело.

К ночи, когда небо было по-прежнему ясное, а солнце и не думало садиться, после ещё трёхсот пройденных километров, впереди показался «Мак-Мердо», расположенный на одноимённом мысе острова Росс.

Уже много лет Матвей путешествовал к этой станции и всякий раз подмечал для себя, что с каждым годом она словно бы становится всё шире и шире. Вот и сейчас он наблюдал, как ближе к основанию острова будто бы прибавилось с десятков жилых модулей, в которые с лёгкостью вселились бы все его братья и сёстры с «Востока».

– Да это целый город... – с восхищением прошептала Надя.

Рядом с прогрессисткой стоял Йован. И хоть здоровяк ничего не произнёс – осадок от перебранки с Вадимом Георгиевичем так и не исчез до конца, Матвей видел, с каким удивлением бегают из стороны в сторону его чёрные глаза, осматривающие станцию. Для него увиденное, действительно, было шоком.

– Неудивительно, что все бегут сюда, – прошептала Надя. – Здесь переждать зиму значительно проще, чем на «Прогрессе».

Йован хмыкнул так, словно его честь была задета.

– На «Прогрессе»... – с иронией выдал он.

Должно быть, тот самый осадок, о котором подумал Матвей, выветрился из его товарища прямо сейчас.

– А что это за странная гора вон там? – поинтересовалась прогрессистка, указав чуть правее в сторону острова.

– Вроде как, вулкан, – послышался сиплый голос позади. – Эребус, если не ошибаюсь.

– Арина! – воскликнул Йован, обернувшись.

Укутанная в одеяло, она умудрилась подойти к ним совсем тихо. На лбу белела туго затянутая повязка, края которой почти касались глаз. Матвей, как мог, собрал её волосы в хвост, чтобы они не мешались. Арина выглядела всё так же истощённой, но вид её, стоящей на ногах, принёс Матвею некоторое облегчение.

– Тебе нужно лежать, – строго сказал он девушке и, подойдя, крепко обнял. – Как ты?

– Если не брать в расчёт, что прямо сейчас в голове у меня стучат сотни молотков, – в порядке.

После Матвея к ней подошёл Йован и осторожно прижал к себе, словно боясь повредить своими ручищами.

– Эх, мелкая, напугала же ты меня.

– Всех нас, – добавила Надя, коснувшись плеча подруги.

Домкрат заметил отражение Арины в зеркале и подмигнул, та улыбнулась в ответ.

⁹ **Гляциолог** – специалист, который занимается изучением условий существования и развития, особенностей происхождения, состава, строения и физических свойств всех форм льдов и снегов. Также в его компетенцию входит изучение взаимодействия наземных и подземных льдов/снегов с географической средой.

– Стало быть, мы прибыли? – она сделала шаг вперёд и зашла в кабину. – Это и есть «Мак-Мердо»?

Матвей утвердительно кивнул.

– Ух... – её карие глаза бегали из стороны в сторону. – Она выглядит точь-в-точь, как ты рассказывал мне, Матвей. Помнишь? Все эти жилые модули, электростанции... А, гляньте, сколько у них ветряков!

– Да, у них много всякого, но пускай обёртка не подкупает тебя, Арина, как и всех вас, – обратился Матвей к остальным. – Внутри «Мак-Мердо», каким бы великим и прекрасным он ни казался со стороны, проблем не оберёшься.

– Например? – поинтересовалась Арина.

– Например, – выдохнул Матвей, – в последний раз, когда я вернулся с рейда, меня и другого собирателя чуть не убили, едва мы покинули судно. Хотели отобрать у нас всё то добро, что нам удалось собрать за вылазку: патроны, оружие, батареи, прочую мелочь. Но, к счастью, охранники порта вовремя подоспели. А ещё пару лет назад одного собирателя из «Конкордии» прикончили перед самой вылазкой в ноябре – его нашли с перерезанным горлом через пару дней на окраине станции, полностью голым. Позже выяснилось, что он пошёл искать в не самых благополучных местах станции украденное у него накануне снаряжение, за что и поплатился жизнью. И таких историй, произошедших в «Мак-Мердо» за последние лет пять, у меня наберётся ещё уйма.

– Боже... – спустя непродолжительное молчание произнесла Арина, – ты никогда прежде не говорил об этом.

– Не было причин рассказывать тебе подобное.

– А я-то думал, что это у нас на «Прогрессе» не всё гладко, – внезапно вмешался в разговор Вадим Георгиевич, впервые заговорив за долгое время.

Он прочистил горло, поднялся с переднего сиденья и, слегка склонив голову, обратился к девушке:

– Арина, я должен извиниться перед вами. Ваша рана... результат моей спешки. Я сделал неверное решение и навредил вам, подставил под угрозу всю экспедицию, едва та началась, —прогрессист оглядел всех, адресуя свои слова не только Арине. – Понимаю, эти слова не излечат вашу рану, но...

– Как же меня бесит вот эта ваша деликатная манера речи, аж слушать тошно, – бросила она. – Забейте, не нужны мне ваши извинения, я не из обидчивых. Просто в следующий раз прислушайтесь ко всем, а не только к себе самому.

– Да, конечно.

– И больше никаких разговоров про шепчущие ветра Антарктиды, иначе вам никакие извинения не помогут.

– Хорошо, – ответил тот, улыбнувшись уголком рта.

«Титан» приближался к стене из сотни старых морских контейнеров, поставленных в три яруса и растянувшихся до крутых снежных холмов. В подобных во время эвакуации на Антарктиду перевозили провизию. Однако со временем американцы приспособили их для создания укрепления, оберегающего «Мак-Мердо» от холодных ветров с южной стороны континента, а заодно смогли организовать некое подобие КПП.

– Пусть едет вон к тому с надписью, – Матвей указал в сторону одного из контейнеров, на котором по-английски было написано «Entry»¹⁰, – и заглушит двигатель.

Надя передала указания собирателя Домкрату.

Через минуту «Титан» остановился в обозначенном месте.

¹⁰ Вход (англ.).

Матвей пригнулся, посмотрел в лобовое стекло и заметил на вершине стены двух макмердовцев, одетых в тёплые парки: одного в чёрной, другого – в коричневой, с закрытым капюшоном и защитными очками. В руках оба держали по штурмовой винтовке.

– Странно, раньше охранники не были вооружены, – поделился он вслух замеченным фактом.

Макмердовец помахал им рукой, приказывая выйти наружу.

– Будьте начеку, – предупредил Вадим Георгиевич. – Надя, оружие при тебе?

– Не стоит, – успокоил их Матвей и махнул рукой. – Я разберусь. Пока сидите здесь и ждите моей команды.

Он воспользовался лестницей, ведущей к люку на крышу. На секунду его бросило в дрожь при воспоминании о том, с какой целью лазил по ней ещё каких-то пять часов назад. Справившись с наваждением, Матвей встал в полный рост, предварительно подняв руки.

– Полярного дня, сэр – обратился к нему макмердовец в коричневой куртке. – Говорите по-английски?

– Полярного дня, – ответил собиратель в надежде, что не соврал сам себе. На английском он не разговаривал уже более года, и приходилось прямо на ходу вспоминать, каково это – говорить и понимать на чужом языке.

– Хорошо, теперь скажите, сколько людей внутри вездехода?

Из-за ветра, гуляющего у стены из контейнеров, приходилось напряжённо вслушиваться в каждое иностранное слово.

– Включая меня, внутри ещё пятеро.

– Полагаю, вы вооружены? – американец коснулся рукояти винтовки.

– Да, у нас есть оружие.

Макмердовец взял рацию в руки, щёлкнул ей и стал что-то говорить.

– Всё хорошо? – послышался голос Вадима Георгиевича снизу. – Почему они нас не пропускают?

У Матвея не нашлось для него ответа.

– Что привело вас в «Мак-Мердо»? – получив какие-то распоряжения по рации, продолжил спрашивать охранник.

– Я собиратель, сопровождаю группу.

– Собиратель? – впервые заговорил тот, что был в чёрной куртке. – В конце января? Не слишком ли поздновато для вылазки?

– Верно, поздновато. Но меня наняли для особого задания. В «Мак-Мердо» нас ждёт капитан, мы собираемся отчалить как можно скорее.

– Особого задания, значит...

Американцы переговорили друг с другом, а затем, передёрнув затворы винтовок, прицелились в него.

Чёрная куртка осипшим голосом выдал:

– Сэр, я попрошу вас немедленно покинуть вездеход.

– Что? По какой такой причине?

– Сэр, просто делайте, что я говорю, – его голос стал немного твёрже.

– Какого хрена...

– Сэр, я не собираюсь повторять! – в голосе послышались звериные ноты. – Велите вашим людям покинуть вездеход, или мы откроем огонь.

В контейнерах второго яруса открылись самодельные раздвижные окошки, из которых показались стволы винтовок и пистолетов.

В салоне вездехода послышалась возня.

Обстановка быстро накалялась.

– Слушай, приятель, мы проделали долгий путь со станции «Восток». Один из наших нуждается в медосмотре, мы очень устали...

– Да плевать я хотел! Немедленно всем выйти из вездехода! – мужчина навёл ствол прямо в лицо Матвея.

Вдруг макмердовец в коричневой куртке прикоснулся к винтовке своего напарника, заставив того опустить оружие.

– Ну-ка повтори, с какой ты станции? – спросил он.

– Я и двое моих друзей со станции «Восток». Остальные трое – с «Прогресса».

Коричневая куртка активировал рацию, что-то сказал в неё и положил обратно в карман.

– Долгая дорога, а? – задал вопрос мужчина.

– Не то слово.

– А я думал, ты завязал с собирательством.

Американец, несмотря на холод, убрал капюшон и снял очки, показав знакомое Матвею лицо: русая борода, растущая даже на щеках; притягивающие внимание ярко-синие, как самые чистые льдинки Антарктиды, глаза; терпкий, но не лишённый доброты взгляд. Однако самым заметным в его внешности был косой шрам, идущий от верхней губы и до самой скулы – именно благодаря ему, Матвей сразу приметил в охраннике своего старого приятеля.

– Дэн? – Матвей, последовав его примеру, тоже снял очки и стянул воротник с лица.

– Он самый, старина. Я совсем позабыл, когда в последний раз слышал твой жуткий русский акцент.

Собиратель ухмыльнулся.

– А я твою страшную рожу.

– Ну, девчонкам нравится, – ответил тот, почесав шрам.

– Матвей, что там происходит? – послышался голос Йована снизу. – Готовимся к обороне?

– Всё нормально, – махнул он спутникам.

– Матвей, мне стоит ожидать неприятностей от твоих друзей? Времена на «Мак-Мердо» нынче беспокойные, и лишний геморрой нам здесь ни к чему.

– Как я и сказал, Дэн, – спокойно сообщил Матвей, чувствуя, как начинает уже замерзать, – мы не задержимся надолго.

– Даже на чашку кипятка со старым коллегой?

«Дэн совершенно не изменился, – подумал Матвей, – как был любителем без всяких причин языком почесать, так им и остался. Американец же».

– Увы, – ответил он.

– Жаль, – Дэн обернулся и махнул рукой. – Открывай! Можно!

Стволы в раздвижных окошках скрылись, напоминая уползающих обратно в норы змей, и два стоящих перед «Титаном» контейнера стали медленно сдвигаться в стороны, открывая въезд на станцию.

– Езжайте направо, ангар Е-5, – крикнул Дэн. – Встретимся там.

Матвей показал ему большой палец и спустился обратно в салон.

– Всё хорошо? Какие-то проблемы? – засыпал его вопросами Вадим Георгиевич, едва собиратель коснулся пола.

– Пока не знаю, – честно ответил тот.

«Титан» въехал в открывшиеся ворота, и вскоре они оказались среди десятков пронумерованных гаражей и ангаров, стоявших здесь ещё со времен до Вторжения. Все были забиты под завязку разными вездеходами, от малого до большого, но ни один из них по своей величине не мог сравниться с «Титаном».

Ангар Е-5 оказался совсем близко. Возле него уже стояло несколько вооружённых охранников, указывающих водителю дорогу. Заехав внутрь, «Титан» разделил соседство с внедорожником и парочкой снегоходов.

– Нервные они какие-то, – подметила Надя, всё это время не спускавшая глаз с макмердовцев через иллюминатор.

Матвей молча с ней согласился. Местные и впрямь выглядели так, будто готовились к чему-то.

Домкрат припарковал вездеход и заглушил двигатель.

– Так, не будем терять времени, – нетерпеливо произнёс Вадим Георгиевич, достал из ящика пистолет и положил его в карман. – Найдём наших ребят, капитана и немедленно отчалим, как можно скорее. Они остановились в заведении с названием «Берлога». Матвей, ты знаешь такое?

– Это как спросить у собирателя, знает ли он, что такое холодный и тёплый фронт, – сказал Матвей.

Вадим Георгиевич шутки не понял.

– Конечно, я знаю, где «Берлога». Любой, кто побывал гостем на этой станции, проходит через неё.

– Отлично.

Возле ангара остановился пикап, из которого вылез Дэн и ещё несколько макмердовцев.

– Это тот самый тип у ворот? – спросил с подозрением Йован.

– Вы знакомы? – предположила Арина.

– О, да, – кивнул Матвей. – Нам довелось с ним пережить не одну вылазку.

Взяв всё необходимое, они покинули вездеход, снаружи которого их уже ждал Дэн, с ребяческим любопытством осматривающий машину. Рядом с ним стоял молодой парнишка с красными щеками и кудрявыми волосами, тот самый, что надрывал голос, стоя на контейнерах, прося их убрать оружие. С виду ему было не больше двадцати, и, судя по бегающим из стороны в сторону глазам, он чувствовал себя страшно скованным.

– Вблизи этот зверь куда внушительнее, чем с высоты, – присвистнул Дэн, окинув взглядом вездеход. – Клянусь Богом, подобной твари я на своем веку ещё не видал.

– Что он говорит? – задал вопрос Вадим Георгиевич.

Матвей не счёл нужным переводить и протянул руку товарищу, которую тот крепко пожал.

– Не ожидал увидеть тебя здесь. Ты же, вроде, решил остаться на «Палмере» с тех пор, как мы виделись там в последний раз.

– Даже не напоминай мне про эту проклятую станцию, – Дэн смачно сплюнул в сторону. – За последние годы там собрался весь сброд, населяющий полуостров: пираты, рейдеры, убийцы. Я пытался навести порядок, ну, ты знаешь, по-своему... – он щёлкнул языком, кивнув на рукоятку револьвера у него за поясом, рядом с ножом. – Но местный староста, этот долбаный капитан Ларсен, мои методы не приветствовал. Старый кретин до сих пор думает, что живёт в довторженческие времена, когда с подонками сюсюкались и вели воспитательные беседы, а не решали проблему просто и надёжно – пулей в лоб. Вот он и выслал меня с моими помощниками, чёртов ублюдок. Помяни моё слово, Матвей, через пару лет «Палмер» станет проблемой похуже мерзляков. Только эти отморозки холода так, как пришельцы, не боятся...

Матвей ощутил исходящее от Дэна волнение: он, и правда, переживал за судьбу далёкой станции, исходя из его горячей речи.

– Жаль это слышать, – ответил Матвей.

– Всё в прошлом, к чёрту «Палмер». Хотят плавать в собственном дерьме – да ради Бога, я не возражаю, – Дэн встрепенулся, как бы отгоняя мысли о далёкой станции. – Ну, а теперь моё место здесь, – он положил руки на пояс и гордо выпятил подбородок. – Приехал сюда

в начале лета по просьбе мэра Мойры на замену погибшему шерифу: бедолагу пристрелили зимой какие-то отморозки недалеко отсюда, да и старым он уже был, соображал плохо.

При упоминании убийства старого шерифа у Матвея отпали всякие сомнения в том, что «Мак-Мердо» каким-то чудом смог измениться за этот год. Видимо, теперь всё стало только хуже.

– Нашли убийц? – поинтересовался Матвей.

– Да, я занялся расследованием, едва только заступил на новую должность. Обыкновенные отморозки, решили поживиться ваттами с браслета, теперь обживаются на дне морском. Так что, такие вот дела, понемногу навожу тут порядок с моим помощником. Да, Томми?

– Да, сэр, – тихо отозвался тот.

Дэн взъерошил кудрявые, похожие на пружинки волосы парня, вогнав того в краску.

– Так, ну, да хватит обо мне. Расскажи-ка лучше, кого это ты тут привёз?

Матвей стал по очереди представлять каждого из своих спутников. Когда очередь дошла до Арины, американец выказал некоторую обеспокоенность:

– Эй, может, этой девчухе врач нужен?

Матвей и рта не успел открыть, как за него ответила сама Арина, пускай и с тяжёлым акцентом:

– Нет, спасибо, мне нормально.

– Оу! – удивился Дэн. – Приятно слышать. Так, значит, ты Арина? Матвей упоминал тебя. Ещё когда ты была совсем маленькой...

Арина покраснела и с некой благодарностью посмотрела на Матвея.

– Видишь этот шрам? – Дэн провел указательным пальцем по лицу сверху вниз. – Немного уродливый, потому что его зашивал твой друг Матвей много лет назад. И лишь после того, как он сделал последний шов, он объявил мне, что делал это в первый раз.

– Вот как, – сказала Арина и сложила руки на груди. – Значит, я избежала участи быть подопытным кроликом.

– Ну, вышло же хорошо.

– Что она сказала? – поинтересовался Дэн.

– Не хочу прерывать вашу, непонятную мне, но явно любопытную беседу, – вмешался Вадим Георгиевич, – но мы должны спешить.

– Верно, – заметил Матвей, почувствовав, что и впрямь заговорился. Ему было приятно увидеть старого приятеля после стольких лет. – Дэн, мы должны идти. У нас, и правда, совсем мало времени.

– Конечно! Только вот я попрошу тебя и твоих людей оставить всё имеющееся при вас оружие внутри вездехода.

– Почему? Это никогда не было запрещено.

– Последний месяц ситуация на станции напряжённая, – признал с сожалением Дэн. – Среди здешних есть те, кто недоволен правлением действующего мэра. Ну, ты знаешь, тот самый, вечно всем недовольный, крохотный процент, считающий, что, если кто-то из них займёт кресло мэра, то все проблемы станции улетучатся сами собой. По слухам, эти бунтовщики готовят что-то, поэтому мы с ребятами усилили бдительность на всякий случай. Жилой блок мэра так и вовсе как в осаде: силовики практически живут там, готовые в любой момент подавить мятеж. И да, мы установили комендантский час во избежание вспышек насилия. После десяти вечера на улицах станции не должно быть ни души, кроме охранников. Так что советую вам поторопиться и найти крышу над головой как можно скорее.

– Это звучит серьёзно, – заметил Матвей, стараясь подавить чувство тревоги.

– Да, старина, не самое лучшее время для посещения «Мак-Мердо». Но вот что я тебе скажу, дружище, все эти недовольные упыри – временная проблема. К концу сезона, когда

сюда вернутся собиратели со всех станций, об этих мятежниках даже не вспомнят. Помяни моё слово. А теперь, если ты и твои друзья всё же хотите попасть на станцию...

Шериф натянул улыбку и указал на пушки в руках прогрессистов.

Матвей тяжело вздохнул и обернулся к спутникам.

– Придётся оставить оружие.

Надя с издёвкой ухмыльнулась и произнесла:

– Серьёзно?

– Да, у них некоторые проблемы на станции...

– Плевать я хотела на их проблемы. Оружие будет при мне.

– Надя, – вмешался Вадим Георгиевич, доставая пистолет, – делай, как он говорит. Живо.

Девушка недовольно заскрежетала зубами, вынула из кобуры пистолет и положила его на ступень вездехода.

– Я без пушки чувствую себя голой.

– Уже представил это жуткое зрелище... – не преминул пошутить Йован.

Надя сверкнула в его сторону уничижительным взглядом, а затем ухмыльнулась и сказала:

– А мне и представлять ничего не нужно, достаточно лишь задержать на тебе взгляд на пару секунд, толстощёкий.

Арина прыснула, прижав ладонь ко рту, пока Йован с растерянным видом пытался подобрать слова в ответ, но промолчал.

– Спасибо, – поблагодарил всех Дэн, – но моим парням придётся обыскать вас на всякий случай.

– Дэн...

– Прости, Матвей, таковы правила, – он щёлкнул пальцами своему подопечному, и тот направился к Наде. Но, как только парень попытался её коснуться, она мгновенно нанесла ему удар ногой в колено.

– Эй, убрал руки!

Мальчишка потянулся было к винтовке, однако ничего не успел сделать, как ему помешал Йован: он выхватил оружие у парня.

– Какого хрена?! – возмутился шериф, вынул свой револьвер и прицелился в Йована.

– Тихо, тихо! – Матвей встал между нацеленными друг на друга стволами. Он обратился на английском к Дэну: – Это моя вина, я не предупредил, что вы будете их обыскивать.

– Отдать им оружие, а теперь ещё и позволить меня лапать? Хрена с два, – заявила Надя.

– Ты... – не выдержал Вадим Георгиевич, – хватит уже нервничать по поводу и без!

– Чего? Начальник, они меня...

– Да они просто хотели удостовериться, что у тебя с собой нет пушки, вот и всё! Верно, Матвей?

– Да, – подтвердил тот.

– Но...

– Ещё одна подобная выходка с твоей стороны, и лучше я найму первого попавшегося, пускай и плохого, но хотя бы не такого нервного, стрелка. Понятно?

Надя молчала.

– Скажи, что тебе понятно!

– Понятно, – буркнула она в ответ.

– Очень на это надеюсь. И ты – бросай пушку! – велел он Йовану.

– А ты мне не указ, прогрессист.

– Йован, – вмешался Матвей.

Услышав голос друга, здоровяк немедленно бросил винтовку под ноги владельцу, который сразу же схватил её дрожащими руками и навёл на Йована, пронзая гневным и одновременно пристыженным взглядом Надю.

– Всё, опустите оружие, – обратился Матвей к Дэну.

– Сплочённая у тебя команда, ничего не скажешь, – с нескрываемым упрёком ответил Дэн, убрав пистолет в кобуру. Томми нехотя последовал его примеру. – Теперь я могу отдать приказ обыскать вас?

– Да, – кивнул собиратель, обернулся к остальным и произнёс по-русски: – Валяй.

– Томми, – задержал помощника шериф, – не лажай так больше.

– Да, сэр, – склонив голову, пробормотал тот.

– Он выхватил у тебя оружие, как у беззащитного ребёнка. Ты беззащитный ребёнок?

– Нет, сэр.

– Тогда будь бдительнее в следующий раз.

Помощник быстро закивал и шмыгнул носом.

– Толковый парень, но многого не знает, – шепнул шериф на ухо Матвею. – Ещё учиться и учиться.

Томми осторожно подошёл к Наде, торопливо похлопал её по талии и ногам – взгляд девушки при этом был злым донельзя – и перешёл к остальным.

– Всё чисто, сэр, – доложил Томми, проверив последним Домкрата.

– Ну, вот и отлично! Пойдёмте, я провожу вас ко входу на станцию. А ты, Томми, живо дуй обратно на стену. Чуть что, сразу докладывай по рации.

– Сэр, да, сэр, – согласился помощник и быстрым шагом направился из ангара.

– Томми! – усталым голосом позвал его шериф.

Тот обернулся.

– Твоя винтовка, – мужчина указал на оружие, оставленное им на полу во время обыска.

Юноша снова раскраснелся, взял оружие и, пробормотав извинения, убежал.

– Ну, что за малец... – пожаловался вслух Дэн и повернулся к выходу. – Ладно, двигайте за мной.

– Надя, передай Домкрату, чтобы он остался в «Титане» и присмотрел за содержимым, – велел Вадим Георгиевич. – Не доверяю я этим американцам.

Надя кивнула и жестами передала сообщение начальника водителю. Тот переменялся в лице, сплюнул и зашёл обратно в вездеход. Видать, и ему было любопытно поглазеть на причудливую станцию, о которой так много говорят.

– Значит, собрались на вылазку, а? – поинтересовался Дэн, когда они уже выходили наружу. – Где же вы найдёте капитана? Они все в рейде.

– Вон тот старик, который меня нанял, сказал, что договорился с каким-то капитаном.

– Вот оно что? Хм... как его зовут?

– Как зовут того исландского капитана? – обернувшись к Вадиму Георгиевичу, спросил Матвей.

– Лейгур Эйгирсон, – ответил он.

Дэн резко остановился.

– погоди, он сказал Лейгур Эйгирсон?

– Да, а что?

– Ох, дьявол... Тогда у меня для вас плохие новости: этот сукин сын больше никогда не выйдет в море.

У Матвея внутри всё завязалось узлом от услышанного.

– Что он говорит? – вмешался Вадим Георгиевич, глядя при этом на Дэна.

– Он что, мёртв? – предположил Матвей

– К сожалению, пока ещё нет, но старушка смерть уже занесла свою косу над его башкой... – пробормотал американец. – В отличие от руководства «Палмера», наш мэр, хоть и женщина, но имеет яйца, и поэтому завтра утром по её приказу эту мразь отправят на корм китам. Ну, а до тех пор он сидит за решёткой и погибает от голода вот уже третьи сутки.

– Что он такого сделал?

– Что сделал? Ох, дай мне минуту, и я расскажу тебе, Матвей, что сотворило это животное, недостойное даже права называться человеком...

– Что он такого сделал? Ох, дай мне минуту, и я расскажу тебе, Матвей, что сотворило это животное, недостойное даже права называться человеком...

Глава 9. «Берлога»

Подумываете, куда отправиться на отдых? Станция «Мак-Мердо» приглашает вас в путешествие «Навстречу приключениям!» Почувствуйте настоящий адреналин, находясь на краю земного шара, в самом сердце Антарктиды. Только здесь вы сможете в полной мере ощутить прохладу ледников, в то время как остальной мир страдает от зноя и жары. Станция «Мак-Мердо» предлагает комфортабельные условия проживания и незабываемые впечатления!

С каждым днём всё больше говорят о глобальном потеплении, и, кто знает, сколько времени осталось у наших ледников? Приезжайте прямо сейчас, чтобы увидеть их в своей первозданной красоте, прежде чем они растают. Бронируйте билеты уже сегодня и станьте свидетелями удивительного природного феномена. Вперёд, к незабываемым впечатлениям! Помните, каждый наш гость – это вклад в сохранение уникального мира Антарктиды!

Рекламная брошюра за 2055 год со смартфона, найденного в 2090 году в городе Анкоридж собирателем Томом Гибсоном со станции «Халли».

24 января 2093 года

Как только они подошли к выходу из ангара, рация Дэна снова заработала.

– Так, мне пора, – объявил американец, убрав аппарат в карман. – Дорогу, надеюсь, помнишь?

– Помню, – не сразу ответил Матвей. Теперь все его мысли были заняты поиском решения проблемы, с которой они внезапно столкнулись.

– Слушай, – Дэн положил ему руку на плечо. – Я сожалею, что так получилось.

«Сожаления тут не помогут», – подумал про себя собиратель.

– Уверен, что на станции нет свободных капитанов? – спросил он, хоть и знал, что вопрос этот звучит, скорее, как отчаяние.

– Увы, из всех, кто на воде, только рыбаки да китобои, – честно сообщил макмердовец. – Сам понимаешь, разгар сезона, все в рейде. Даже эта мразь Лейгур мог сейчас быть где-нибудь там, но ещё два месяца назад, перед самым началом сезона, он, как следует выпив, избил до полусмерти одного из местных в «Берлоге», потому что тот на него как-то косо посмотрел. Я сам драки не видел, но мне рассказывали, что в этого Лейгура словно дьявол вселился, так яростно он избивал того бедолагу. Инцидент обошёлся ему запретом на выход в море в этом сезоне и арестом его судна. Можно сказать, гаду повезло, – мужчина отвернулся и сжал кулак. – А зря... нужно было уже тогда запереть урода на три замка. Глядишь, и не произошло бы того, что случилось.

В рации Дэна снова послышался хриплый голос, на этот раз более требовательный.

– Так, мне действительно пора. Расскажу остальное завтра утром, точнее, уже сегодня... чёрт, столько лет прошло, а я до сих пор не могу привыкнуть к этим проклятым полярным дням.

– Дэн, один момент... – Матвей взял его за локоть и отвёл в сторону. – Девушка с повязкой...

– Арина, так?

– Да. Мне нужно вернуть её обратно на «Восток». Не спрашивай, зачем, просто так нужно.

– Ох, старина, это будет затруднительно, особенно учитывая нынешнюю обстановку, – почесав затылок, сказал Дэн. – Отсюда вездеходы если и пойдут, то в начале марта, когда вернутся собиратели. Хм...

Американец на мгновение задумался, осматриваясь вокруг.

– Вот что, – продолжил он, – пускай останется в «Берлоге», я что-нибудь придумаю.

– Я буду твоим должником, – Матвей протянул ему руку.

– А куда ты денешься? – ухмыльнулся тот и пожал руку в ответ. – Ну, всё, я побежал. И будьте осторожнее, сейчас в «Мак-Мердо» неспокойно.

Дэн махнул рукой остальным, озарил их своей широкой улыбкой и с тяжёлым акцентом произнёс:

– Добра пожаловать в «Макмэрдо».

После чего быстрым шагом направился к своим.

– Матвей, объясни мне, какого чёрта здесь происходит? – лицо Вадима Георгиевича дрожало от ярости и нетерпения. – Чего он так дёрнулся, когда мы заговорили о капитане?

Собиратель сделал глубокий вдох, собираясь с силами для ответа.

– В общем, у нас проблемы. Дэн рассказал мне, что несколько дней назад Лейгур хладнокровно убил двух человек: мужчину и... его семилетнюю дочь, – коротко объяснил он, опустив те кровавые и жестокие подробности, которыми поделился с ним Дэн. – Сейчас капитан сидит за решёткой, дожидаясь назначенной на утро казни.

Повисло длительное молчание, и лишь Йован пробормотал себе под нос:

– Ни хрена себе...

– К тому же до убийства у капитана был запрет на выход в море, – продолжил Матвей, обращаясь на этот раз к Вадиму Георгиевичу. – Ещё с ноября.

Лицо старика побледнело, а челюсть заходила ходуном.

– Получается, что он соврал мне неделю назад, когда обещал переправить нас в Санкт-Петербург, – в голосе Вадима Георгиевича слышалась растерянность, которая, словно по щелчку пальцев, сменилась на гнев. – Сволочь! – Он пнул кучку снега.

– Я должен был догадаться, что здесь что-то не так, – кивнул Матвей. – Ни один капитан не позволит себе остаться на материке в разгар сезона, если хочет обеспечить себя ваттами на ближайшую зиму.

– Тогда зачем ему так поступать? – вмешалась Надя. – Зачем давать обещание, которое он не в силах выполнить?

– Возможно, – осторожно предположила Арина, – он понадеялся, что вы сумеете как-то повлиять на выданный ему запрет, и его снова выпустят в море?

– Если и так, то убийство ребёнка явно сюда не вписывается... – мрачно произнесла Надя.

– Матвей, ты уверен, что на «Мак-Мердо» больше нет ни одного капитана? – с надеждой спросил Вадим Георгиевич, силой воли уняв охвативший его гнев.

Матвей покачал головой.

– Если верить словам Дэна, все они в рейде.

И снова над ними нависла томительная тишина. Казалось, что весь проделанный путь был совершенно напрасен.

– Хорошо, – Вадим Георгиевич прочистил горло. – Матвей, отведи нас в «Берлогу». Наши парни уже, наверняка, знают про случившееся. Может, они что-нибудь придумали за это время.

Собирателю не хотелось разрушать хрупкую надежду прогрессиста, как, собственно, и свою, поскольку успех этой миссии был прямо связан с выживанием его родной станции, поэтому он жестом велел всем следовать за ним.

Выйдя из ангара, они очутились на небольшом холме, откуда открывался вид почти на всю станцию, чьи жилые модули и старинные общежития, подобно гигантскому ковру, расположились в долине у подножия невысоких гор. Особенно выделялись бывшие туристические комплексы, находящиеся почти у самого берега пролива. Трёхэтажные здания строгого чёрного цвета походили на самые обыкновенные дома, которые встречались на захваченных землях.

К станции вела размеченная булыжниками тропа, покрытая вулканическим песком и небольшим слоем снега. Вдоль неё висел стальной трос с красными, давно выцветшими флажками.

Справа от них был другой, более широкий путь, ведущий в бухту. По нему вездеходы переправлялись напрямик к закрытому порту пролива Мак-Мердо, чьи воды выглядели величественно в этот холодный, но солнечный день.

Море впереди блестело отражениями пробивающихся сквозь низкую облачность солнечных лучей. Покрытое здесь и там небольшими ледяными осколками, оно походило на молотое серебро. Даже в это, относительно тёплое для Антарктиды время года, пролив никогда не был полностью свободен ото льда. Вдалеке виднелись поднимающиеся над водой тени – гигантские айсберги, плавающие, как призраки, среди волн.

Главным фактором, который делал пролив Мак-Мердо таким важным для всех в Антарктиде, была его доступность для судов в любое время года. Даже, несмотря на лёд, который обычно мешал путешествиям в этом регионе, большинство кораблей могло без труда проложить свой путь сквозь пролив. А в тех редких случаях, когда лёд становился почти непроходимым, прибегали к помощи имеющегося на станции ледокола и прорубали широкие каналы до моря Росса, создавая тем самым выход для всех судов из станции.

Глядя на гигантский, и от того выглядевший ещё более пустым, порт, Матвей с горькой ухмылкой вспоминал, какая суета обыкновенно происходит здесь в конце ноября, когда прибывают собиратели со всех близлежащих станций. Бухта пропитывается едким запахом электрической гари от работающих одновременно десятков вездеходов и кораблей. Рокочут тяжёлые цепи, жужжат и гремят пандусы и платформы, на которые погружают необходимую для рейдов провизию. Крики не умолкают ни на секунду. В эти дни все языки, на которых говорили выжившие, сплетались в единую какофонию, которую смело можно было величать языком не одного народа, а всего человечества.

Полярники осторожно спустились по тропе, держась за стальной трос вместо поручня. Ветра почти не было, а привыкшие к страшному холоду тела стали потеть под тёплыми парками из нескольких слоёв кожи.

– Держитесь ближе, – предупредил всех Матвей. – Не забывайте, что я говорил вам про эту станцию.

Краем глаза он заметил, как Надя потянулась к пустой кобуре, а затем недовольно цыкнула. Видимо, без пушки она, и впрямь, чувствовала себя некомфортно.

Они подошли к разноцветным контейнерам, которые по размерам ничем не уступали тем, что они видели по прибытии на станцию, только эти имели при себе полноценные двери и небольшие окошки.

– Фу, – поморщилась Арина, – чем это так воняет?

– Дерьмом, – Надя за словом в карман не лезла.

– И впрямь, дерьмом, – подтвердил Йован, размахивая ручищей возле своего лица, будто это могло помочь запаху исчезнуть. – Откуда он идёт?

– Из контейнеров, – указал взглядом Матвей. – Здесь, в основном, живут бедняки, и не все из них, увы, решаются пройти лишние полкилометра до океана для утилизации собственных отходов.

Он обернулся через плечо и пояснил:

– Чем ближе живёшь к центру «Мак-Мердо», соответственно, ближе к морю, тем ты богаче.

– Ну, прямо эхо капитализма из далёкого прошлого, – пробурчал Вадим Георгиевич, глядя под ноги. – Ничего не поменялось...

– Они выбрасывают отходы в океан? Мерзость, – возмутился Йован.

– А мы всё это дело закапываем в огромной выгребной яме в километре от станции. Тоже не святые, – буркнула Арина.

– Эй, а вы на «Прогрессе» как убираете собственное дерьмо? – не унимался Йован, обратившись к Наде.

– Может, ускоримся? – прогрессистка снова умело сделала вид, что не расслышала вопрос здоровяка. – Ещё минута здесь, и этот запах будет преследовать меня до конца дней.

Матвей вполне разделял её желание поскорее миновать зловонный участок и ускорил шаг.

Каждый раз, проходя мимо этих контейнеров, он вспоминал рассказ одного старого полярника-американца, с которым ему довелось пообщаться несколько лет назад здесь, на «Мак-Мердо». Каково же было удивление Матвея, когда тот рассказал, что до Вторжения люди самолётами вывозили собственное дерьмо из Антарктиды, лишь бы оно никак не повлияло на местную хрупкую экосистему.

Сейчас подобное вызывало лишь ироничную ухмылку.

Вскоре им навстречу попались несколько жителей контейнеров. Некоторые из них выглядели так, будто они вечно оставались на грани голода: веки прикрыты, глаза мутные, а одежда ветхая и непригодная для носки во время мороза. У многих потухшие взгляды, как у животных, долго скитающихся в поисках добычи, и давно превратившихся из охотников в жертв.

Вот одинокий старик прислонился к углу жилища, опираясь на костыли. Искалеченные ноги обмотаны войлоком и старыми тряпками, истёртыми до дыр, пропитанными грязью и ледяной влагой. Мужчина уставился на проходящих мимо людей глазами, в которых, вроде бы, ещё тлели маленькие угольки надежды на какую-то помощь, хотя он и знал, что она никогда не придёт.

В тени одного из контейнеров пряталась женщина с маленькими ребятишками. Её измождённое лицо было покрыто синими от холода морщинами, а глаза полны страха и усталости. Дети, подобно взрослым, уже потеряли те радостные искорки, которые должны были светиться в их глазах, лица имели осунувшийся и озабоченный вид.

После увиденного Арина обменялась настороженным взглядом с Матвеем и взяла его за руку.

Спустя некоторое время окраина с обитателями контейнеров осталась позади, и появились первые жители станции, идущие по узким улочкам. Одетые в пухлые парки, восточники немедленно приковали к себе внимание макмердовцев, чьи менее тёплые одежды резко выделялись на их фоне. Особенно не стеснялись таращиться на далёких гостей детишки, они перешёптывались друг с другом, бог знает, о чём.

Проходя мимо ремонтной мастерской, внутри которой кипела работа над починкой не то двигателя, не то аккумулятора старенького пикапа, полярники слышали родную русскую речь одного из механиков:

– Гидрокомпенсаторы, а не фазовращатели, кретин! Сколько раз тебе говорить!

Йован, находившийся под неприятным впечатлением от увиденного на окраине, резко приободрился и, помахав рукой механику, крикнул:

– Эй, земляк, здорово!

Тот обернулся к нему через плечо, высокомерно посмотрел на гостя и рявкнул:

– Не видишь, я работаю?! Пошёл на хрен!

Лицо Йована тут же побледнело, а брови сдвинулись в кучу. Он точно не ожидал подобного ответа. Однако сдержал себя, даже не проронив ни слова.

Дальше они подошли к действительно огромному складу, похожему на ангар.

– Это местный рынок, пройдем здесь, сократим дорогу, – сообщил Матвей. – Держитесь рядом, здесь легко потеряться.

Внутри их окутала тишина, временами нарушаемая редкими шорохами. Те немногие люди, что забредали сюда, вяло перемещались между полупустыми рядами, бессмысленно озираясь по сторонам.

Продавцы, обмотанные во всё, что могло хоть как-то сохранить тепло, стояли у своих прилавков, лишь изредка открывая рты, чтобы привлечь внимание случайных посетителей, зазывая их на своём наречии.

– Мелочи... на память... – слабо приглашал один, указывая на несколько самодельных безделушек в виде костяных ожерелий и браслетов.

– Шкуры... помогут согреться... – тихонько предлагал другой, поглаживая своими обмороженными руками грубую шерсть.

– Еда... едва ли не последняя... – полушутя-полусерьёзно шептал старик, сидевший за одним из столов.

Прилавки были лишены разнообразия: там, где должна была быть пища, в основном, пустовало. То, что было выставлено на продажу, по большей части состояло из подержанных предметов, явно в последний момент приспособленных для продажи.

Матвей вспомнил, что в детстве, когда он оказался на этом рынке, здесь всего было на порядок больше, и это почти сразу после пережитой Адаптации.

Нынешняя же картина лишь удручала.

Внезапно к Арине подбежал мальчишка лет восьми и вцепился в её куртку, жалостливо заговорив на английском.

– Матвей, чего он хочет? Не могу разобрать...

– Ватт он хочет, – вместо собирателя торопливо ответил Вадим Георгиевич, угадав просьбу мальчика без перевода, – надо идти, не будем здесь задерживаться.

Тем не менее, девушка подвернула рукав, вытащила проводок из закреплённого на запястье ваттбраслета и подсоединила его к браслету попрошайки, болтающемуся на его тонюсенькой ручке, после чего пару раз коснулась дисплея.

– Ну, вот, малыш, держи. Немного, конечно, но, чем богаты, тем и рады, – она щёлкнула его по носу.

Мальчишка широко ей улыбнулся и, слегка поклонившись, растворился в толпе.

В ту же секунду впереди послышался шум борьбы. Двое охранников станции повалили на землю мужчину, попутно перевернув лавку с сушёной рыбой, которой он торговал. Практически все проходящие мимо макмердовцы, как по команде, бросились подбирать разбросанную рыбу, пряча её в рюкзаки или под куртками.

Те же редкие жители, которые не осмелились на кражу, либо наблюдали издалека за происходящим, либо спешили поскорее покинуть рынок.

– Что происходит? – спросила Арина.

Матвей прислушался к грозным голосам охранников, которые поднимали на ноги сопротивляющегося изо всех сил продавца, обзывающего своих обидчиков свиньями.

– Ничего, идём, – он не хотел лишний раз попадаться на глаза этим вооружённым людям.

– Какой-то сумасшедший дом, ей-богу, – прошептала Надя.

– Я один заметил, что на станции уж очень много охранников? – задал вопрос Йован.

Матвей решил коротко рассказать группе про зреющий мятеж.

– Это далеко не наша проблема, – заявил спешно Вадим Георгиевич. – Мы здесь проездом и, надеюсь, уберёмся отсюда, как можно скорее. Я уже сыт по горло этой станцией.

От старика так и несло раздражением и неприязнью, хоть это и было вызвано не столько ненавистью к «Мак-Мердо», сколько, как думал Матвей, из-за неожиданно возникшей проблемы с капитаном Лейгуром.

Выйдя наружу и пройдя мимо здания больницы, они пересеклись ещё не с одним десятком вооружённых охранников, патрулирующих улицы.

На пути им встретился пьяный макмердовец, шатающийся из стороны в сторону. Опершись о столб, он тупым взглядом проводил незнакомцев, а затем, громко ругаясь, упал в снег.

– Мы уже рядом с «Берлогой», – обрадовал спутников Матвей, кивнув в сторону пьяницы.

– Наконец-то, – облегчённо выдохнула Надя.

До их ушей донеслось приглушённое бречание гитары. Спустя ещё десяток шагов к музыке прибавились и завывания, которые лишь отдалённо можно было назвать пением.

Бар с лаконичным названием «Берлога» находился на первом этаже туристического, шестиэтажного отеля, выглядевшего на фоне составленных позади контейнеров как самый настоящий дворец. Здание до сих пор использовалось по назначению и принимало гостей с других станций, разумеется, за ватты.

От местных Матвей слышал не раз, что в «Мак-Мердо» за бесплатно даже смерти не найдёшь.

Стальные двери в бар резко открылись, и на улицу вывалился мужчина в обнимку с молодой девицей. Оба смеялись до колик и с трудом держались на ногах.

Надя набрала воздуха в грудь, Арина хихикнула, и они все впятером зашли внутрь.

Первое, что встречало посетителей при входе в «Берлогу», – аромат жареной рыбы и варёного мяса поморника, отдающий животу немедленный приказ урчать. Однако эти аппетитные запахи разбавлял совершенно невыносимый смрад горечи, исходящий из странных маленьких пробирок, которые держали в руках все без исключения гости заведения.

Помещение «Берлоги» полностью оправдывало своё название: оно было узким, с единственным проходом между столиками к небольшой сцене и арочным потолком с тремя большими масляными лампами, тускло освещающими пространство заведения. На сцене сидел молодой парень, ловко перебирающий струны гитары, и пел для всех присутствующих задорную песенку:

*Был моряк по имени Билл, смелый он был,
В море плыл, за китами гнался без страха и зла.
Однажды он смотрит – кит-гигант, как небо, большой,
«Вот удача!» – крикнул он, отбросив свой буй.
Ой, моряк Билл, что за история с тобой,
Огромный кит проглотил тебя целиком, вот беда, ой-ой-ой.
Но песня твоя живёт в сердцах моряков и волн,
Ты для нас герой, Билл, ты вечно в наших песнях живёшь.
Билл в животе кита, как в новом мире, был,
Он понял, что всё не так плохо, когда туда попал.
Среди рыб и морских растений он свою жизнь прожил
И до конца своих дней там песни пел!*

Макмердовцы хором подпевали весёлому артисту, ударяя ладонями о колени или столы, не забывая при этом вдыхать содержимое маленьких пробирок.

– Чего это они такое нюхают? – поинтересовалась Арина, с любопытством поглядывая на посетителей бара.

– Лучше тебе этого не знать, – по-отечески строго ответил Матвей.

– М-да, – произнёс Йован, положив руки на пояс и оценивающим взглядом окинув интерьер заведения, – это, конечно, не мой «Переполах», но сойдёт.

К счастью, для них нашлось свободное местечко. Все пятеро уселись за тесным столиком, прижавшись плечами друг к другу, и продолжили не без любопытства рассматривать «Берлогу».

В компании по соседству несколько мужчин увлечённо играли в карты. В центре их стола лежала пригоршня гальки, заменяющая собой игровые фишки. Играли, само собой, на ватты и были так увлечены процессом, что даже не обратили внимания на севших рядом чужаков.

– Надя, гляди внимательно, может, они где-нибудь тут, – обратился к подчинённой Вадим Георгиевич.

К ним подошла налысо выбритая женщина с глубоким шрамом на шее. Её нижняя челюсть ходила ходуном, что-то пережёвывая. Из-под воротника свитера на шее виднелась часть татуировки с крылом некой птицы.

– Так, так, кого я вижу, – произнесла она.

– Привет, Кейт.

– Не ожидала тебя снова увидеть в «Мак-Мердо», Матвей! Говорили, что ты завязал с собирательством, – она положила на стол дощечки с меню, в котором было всего три позиции: поморник, тунец и самое дорогое – китовое мясо. Внизу также было написано «Весельчак» и цена в десять ватт.

– Пришлось вернуться, появились дела.

– *Níl aon tóin tinn mar do thóin tinn féin*¹¹, как говорила моя матушка, ещё заставшая жизнь в родной Ирландии, пока та не досталась треклятым жукам! Ах, ну, хватит о плохом. Ну-ка, живо представь меня своим друзьям.

– Это Кейт, владелица «Берлоги», – сообщил всем Матвей, а затем перечислил ей имена каждого. Пришлось говорить громче, поскольку парнишка с гитарой заладил новую песню, и подпевалы стали драть глотки так, что стены дрожали.

– Они не понимают по-английски, – предупредил Кейт собиратель.

– Это я уже поняла, видно же, как скачут у них глаза! Но Кейт О’Салливан не нужно знать все языки мира, чтобы понимать, когда человек голоден. А эти точно голодны, особенно вон тот громила.

Когда Кейт указала на Йована, тот вежливо ей улыбнулся, не поняв ни черта из её слов.

– Слушай, Кейт, мы ищем двух ребят со станции «Прогресс», – обратился к ней Матвей. – Они должны были прибыть сюда дня три назад.

За спиной послышался радостный возглас одного из игроков в карты. Краем глаза собиратель заметил, как молодой парнишка, выиграв партию, с довольной ухмылкой сгребал к себе поближе камушки с выигрышем.

– «Прогресс»? Хм... «Прогресс»... Ах, да, припоминаю! Такой тёмненький парнишка-араб и русский с короткой стрижкой?

Матвей уточнил у Вадима Георгиевича, о его ли людях идёт речь. Тот быстро закивал и даже приподнялся, как и Надя.

– Где они? – потребовал он по-русски.

– А старичок-то дёрганный, я погляжу. Тяжёлая дорога?

– Чертовски тяжёлая, Кейт, – признался Матвей.

– Я велю Патрику поискать их, сейчас и не помню, в каком номере они поселились. Как только узнает – сразу дам вам знать. А пока вы ждёте, я советую заказать наше фирменное китовое мясо, приправленное местной вулканической солью, да побыстрее. С минуты на минуту закрываемся из-за проклятого комендантского часа, будь он неладен.

Игра в карты позади них набирала обороты. Слышались удары кулаками об стол, знаменующие горечь поражения или радость победы.

¹¹ «Нет ничего труднее, чем быть без дела» (ирл.). – это ирландская поговорка, передающая значение важности труда и занятости. На ирландском языке она звучит как «*Níl aon tóin tinn mar do thóin tinn féin*». Это ирландское выражение – игра слов, где «*tóin tinn*», звучащее как «doing nothing» на английском, буквально переводится как «больной зад». Итак, на деле оно подчеркивает идею, что более изнурительного состояния, чем бездействие, не найти. Безработные руки и пустой разум могут быть мучительны, подчеркивая важность постоянного движения и работы (прим. авт).

– Да, я слышал об этом, – подтвердил Матвей, дождавшись, когда шумные соседи затихнут. – Мешает бизнесу?

– А ты как думаешь, мой дорогой? – хозяйка взмахнула рукой, указывая на пьяных и шумных клиентов. – В самый разгар вечера, когда пьянка только набирает обороты, когда ставки в покер выходят за рамки разумного, когда самые интересные истории только начинаются... Мне приходится выгонять всех этих людей в холодную антарктическую ночь. Исключительно из-за комендантского часа!

Матвей слегка поднял брови, принимая сказанное, но не зная, как ответить.

– Ну, ладно, не буду утомлять тебя своими жалобами, велю Патрику отыскать твоих друзей, – махнула в сторону ирландка.

– Извините, а что есть «Весельчак»? – обратилась Арина к владелице.

– Матвей, да ты соврал мне! Гляди, как прекрасно выражается на английском эта юная леди!

– Арина, я же говорил...

– Да мне просто любопытно, Матвей! – заявила девушка.

– Ничего, ничего, я расскажу тебе, моя милая! – звонким голосом произнесла Кейт. – Эта штука содержит закись азота и примеси ещё некоторых веществ, которые при вдыхании заставляют улыбаться и смеяться.

– Веселящий газ?

– Он самый!

– Но где вы добыли закись азота?

Кейт поджала губы и издала мычащий звук.

– Гуано пингвина, – ответил Матвей, – или, выражаясь простым языком, дерьмо. Оно содержит закись азота.

– Лучше не произноси это громко, Матвей, – с вежливой и натянутой до ушей улыбкой тихо попросила Кейт. – Посетители не любят, когда им лишний раз напоминают, что они вдыхают экскременты пингвинов... Это плохо влияет на продажи. А теперь я, пожалуй, пойду и выясню про тех двух с «Прогресса».

– Это... мерзко, – прошептала Арина, смотря на то, с каким удовольствием нюхают содержимое пробирок макмердовцы. – Но любопытно.

– Что мерзко? – спросил с интересом Йован.

Арина пересказала ему свой короткий диалог с Кейт.

– Фу! – возмутился здоровяк.

– Тема дерьма преследует нас с самого прихода на эту станцию, – буркнула Надя, скучающе откинувшись за столиком.

– Даже находясь на грани полного вымирания, человечество упорно ищет способы навредить себе, – мрачно произнёс Вадим Георгиевич, тарабанив пальцами по столу.

В этот миг по всему заведению раздался дикий вопль. Обернувшись, Матвей увидел, что один из игроков в карты, парнишка с кудрявыми чёрными волосами, держался за свою культю с брызгающей из неё кровью. Двое других игроков вскочили со своих мест и прижались к стене. Они не могли оторвать ошарашенных взглядов от воткнутого в стол тесака и отрезанной им кисти с закреплённым на ней ваттблраслетом.

Один из игроков, седобородый старик с жёлтыми, как песок, зубами, схватил отрезанную кисть и крепко прижал её к себе. Лицо его было покрыто уродливыми рубцами от обморожения. На правой и левой руках отсутствовало несколько пальцев.

– Этот соплик жульничал! Жульничал! – он брызгал слюной, обращаясь к остальным игрокам. – Он украл мои ватты! Они мои, мои!

Затем обезумевший взгляд седобородого забегал по лицам посетителей, в том числе по Матвею и его спутникам (собирает в эту минуту заслонила собой сидящую рядом Арину),

после чего старик ринулся к выходу, крепко прижимая отрезанную кисть к груди. Однако у входа его перехватил один смельчак, который повалил деда на пол и стал нещадно бить того по лицу.

А ещё через минуту к этому смельчаку присоединилось с десяток макмердовцев, принявшихся лупить ногами и проклинать возмутителя спокойствия.

– Форменный дурдом, – прошептал Вадим Георгиевич.

Появилась Кейт с парочкой здоровенных, как шкафы, мужиков, однако не облачённых в форму охранников. Эти двое быстро ворвались в пьяную толпу и за шкирки расшвыряли бузотёров.

В творившейся вокруг неразберихе к их столику почти незаметно подошёл молодой парнишка с копной рыжих волос и, словно никакой драки и не происходило, спросил:

– Это вы ищете тех двух с «Прогресса»?

Матвей не сразу понял, чего тот хочет, поскольку не мог оторвать ошарашенного взгляда от происходящего.

– Да, это мы, – ответил он, наконец, обратив на мальчишку внимание.

– Они в двадцать четвёртом номере. Я могу вас проводить.

Собиратель перевёл предложение парня Вадиму Георгиевичу, и тот решительно встал, отодвинув назад стул.

– Отлично, давай убираться отсюда поскорее, пока и нам не досталось.

– Веди нас, – согласился на помощь парнишки Матвей.

Они направились к лестнице и поднялись на второй этаж. Далее прошлись по длинному коридору, вдоль которого были развешаны старые фотографии времён до Вторжения с изображениями живших тут полярников и так называемых звёзд Голливуда, некогда побывавших здесь.

– Признаюсь честно, – пробормотал Йован, – «Мак-Мердо» представлялся мне совсем другим. Ну, вы знаете, более... хм...

– Цивилизованным? – предположила Надя.

– Можно и так сказать, – подтвердил здоровяк.

Двадцать четвёртый номер оказался в самом конце коридора. Мальчишка сделал путникам одолжение, громко постучав кулаком в дверь, а затем молча ушёл обратно.

Дверь со скрипом открылась, и у порога их встретил среднего роста мужчина, облачённый в лёгкую куртку, с короткой стрижкой ёжиком и пышными усами. Блеклый огонёк от лампы придавал нечто дьявольское и жестокое его серым глазам. В полутьме заметно выделялась мускулистая фигура и жёсткие черты лица. С виду ему было около сорока, может, чуть больше.

– Начальник, – глубоким голосом произнёс он так, словно уже давно был готов к встрече.

Вадим Георгиевич протянул ему руку и тот крепко её пожал.

– Чертовски рад видеть тебя, Миш.

Мужчина в ответ издал какой-то одобрительный хриплый звук и взглянул на Надю. Девушка слегка улыбнулась, немного потупив взгляд.

– Сержант, – кивнула она.

Он также кивнул ей в ответ, но ничего не сказал.

Сержант? Матвею показалось, что он ослышался.

Миша мельком осмотрел всех собравшихся и пригласил внутрь.

Комната представляла собой небольшое помещение с двумя койками, столом и парой тумбочек – довольно скромно. Окна зашторены. Несмотря на работающую систему отопления, о чём намекал запах электрической гари и шум вентилятора, внутри всё равно было холодно.

В номере присутствовал ещё один незнакомец, лежавший на кровати с книгой в руках. Это был стройный молодой человек арабской внешности, с чёрными, как ночь, волосами.

Как только все пожаловали внутрь, он бережно отложил книгу в сторону, поднялся с койки и с осторожным любопытством стал поочередно разглядывать прибывших.

– Это наш сержант, Михаил Зорин, – отрекомендовал Вадим Георгиевич одного из новых членов команды.

Вместо приветствия сержант присел на стул и без всякого стеснения внимательно осмотрел каждого с ног до головы.

– А это Ясир Раджани, наш врач, – кивнул в сторону араба Миша, наливая в чашку горячей воды.

Ясир подошёл ко всем и поочередно пожал руки восточникам, приветливо улыбаясь и отвечая на чистейшем русском:

– Рад знакомству, рад знакомству...

Когда очередь дошла до Арины, он остановил взгляд на её повязке:

– Вы ранены?

– Рану нужно осмотреть, Ясир, – обратился к нему Вадим Георгиевич, переведя взгляд на Матвея, как бы дожидаясь его молчаливого одобрения. – У нас произошёл... инцидент во время переправы по леднику.

Врач понимающе кивнул и, спросив разрешения девушки, коснулся повязки.

– Да у меня всё хорошо... – буркнула она.

– Дай ему тебя осмотреть, – почти приказным тоном велел Матвей и поблагодарил Ясира: – Большое спасибо.

Араб ответил ему лёгкой улыбкой и пригласил Арину сесть на койку, после чего стал рываться в своем тяжёлом с виду рюкзаке.

– Где Домкрат? – задал вопрос Миша, размешивая ложкой содержимое чашки.

– Оставил его охранять «Титан», – ответил Вадим Георгиевич, сев за стол рядом с товарищем.

В ответ от Миши снова раздался этот странный хриплый звук, по всей видимости, означающий согласие.

– Здесь двое лишних, – продолжил он, отхлебнув из чашки. Травяной запах подсказывал, что это был чай.

– Да, так получилось... Долгая история.

– Плохо. Лишний груз, – заявил спокойно Миша, словно он вёл беседу с начальником наедине. – Который из них собиратель?

– Я собиратель, – твёрдо объявил Матвей и сделал уверенный шаг вперёд, наградив неприятливым взглядом прогрессиста. – И я здесь не вижу лишнего груза.

– Хм, – фыркнул тот. – Как скажешь, собиратель.

Матвей и не заметил, как сжал кулак.

– У нас проблема, начальник, – с хрипотцой в голосе объявил Миша, – с нашим капитаном.

– Да, мы знаем. Один из макмердовцев, встретивший нас у ворот станции, рассказал нам, что сделал этот Лейгур...

– Один из макмердовцев?

– Да, знакомый Матвея, – Вадим Георгиевич взглядом указал на собирателя, а затем, поёрзав немного на стуле, спросил: – Я надеялся, может, тебе удалось найти другого капитана, пока вы были здесь?

– Начал искать сразу же после того, как впервые встретился с исландцем, – сообщил тот, вытерев мокрые от чая усы.

– Зачем?

– Потому что этот Лейгур – шайтан, – отозвался с другой стороны комнаты Ясир, осторожно снимающий повязку со лба Арины. – Я понял это с самого начала, едва посмотрев ему в глаза. Он воплощение самого дьявола.

– Ясир любит придавать всему мистический ореол, – с упрёком в сторону спутника произнёс Миша. – На самом деле я начал поиски на случай непредвиденных обстоятельств, наподобие этих. Вы знаете меня, начальник, я всегда держу в голове запасной план.

– И? Ты нашёл кого-нибудь? – голос Вадима Георгиевича стал выше.

Миша покачал головой.

– Проклятье! – Старик ударил кулаком об стол так, что одна из алюминиевых чашек подскочила и упала на пол.

– Ещё одного капитана я не нашёл, но зато мне удалось отыскать нечто другое, – сообщил Миша. – То, что поможет нам выбраться со станции.

Глаза Вадима Георгиевича вдруг заблестели, а вены на шее налились кровью.

– Ну? Говори! – с дрожью в голосе велел он.

Миша неторопливо встал со стула, подошёл к своей койке и сбросил тяжёлый матрас, под которым на железных прутьях лежали три довольно старые полуавтоматические винтовки.

Под ошарашенные взгляды новоприбывших он взял одну из винтовок, ударил по коробчатому магазину и объявил:

– Мы организуем побег нашему капитану.

Глава 10. Безумие

25 января 2093 года

Что он такого сделал? Ох, дай мне минуту, и я расскажу тебе, Матвей, что сотворило это животное, недостойное даже права называться человеком...

...всё началось три дня назад, когда ранним утром в дверь моего блока громко и настойчиво постучали.

«Шериф Дэн, вы здесь?! Скорее!»

Это был Жан, один из местных рыбаков. По его лицу было видно, что он перепуган до смерти, а указывающий на юг палец дрожал, как у старика с болезнью Паркинсона.

Пытаясь отдышаться, он с трудом проговорил:

«Там... Эйгирсон! В контейнере...»

Не теряя времени на лишние вопросы, я быстро оделся и прихватил с собой револьвер, предварительно проверив, заряжен ли он. После чего велел Жану показывать мне дорогу.

Через пять минут мы уже подходили к жилым контейнерам, которые были чуть больше тех, что стоят на окраине. Дверь одной из лачуг была открыта настежь, и вход как следует замело снегом. Зная, кто именно там живёт, мне уже тогда всё стало понятно. Но всё же никак не ожидал увидеть того, что совершил этот сукин сын.

Я достал револьвер, взвёл курок, а затем велел Жану звать остальных. Он за то утро со всей этой беготнёй сжёг калорий пятьсот, должно быть, если не больше.

Держа оружие наготове, я приблизился к контейнеру и заметил у порога разбитую масляную лампу. Уже потом выяснилось, что её случайно разбил Жан, когда побегал ко мне, находясь под впечатлением от увиденного. В это раннее утро, как и все последние десять лет, бедолага шёл в сторону порта к траулеру, чтобы отправиться ловить рыбу с остальными рыбаками. Проходя мимо одного из контейнеров, Жан заметил, что ветер то открывал, то закрывал его толстую дверь из сэндвич-панелей. Само собой, он не мог пройти мимо...

Мне пришлось потратить немного ватт и воспользоваться фонариком на моём ватт-браслете. Яркий белый кружок осветил брошенную на полу алюминиевую посуду, рыбу и перевернутый стол. Все признаки указывали на то, что здесь произошла борьба.

В единственной комнате впереди послышался странный стон. Там, определённо, кто-то был. Я навёл ствол револьвера и луч фонаря в сторону приоткрытой двери. Затем сделал предупреждение, упомянув имя Лейгура, сказал, что вооружён и собираюсь войти в комнату. Мне ответила лишь тишина.

Приблизившись к двери, я набрал воздуха в грудь, подождал мгновение, а затем нажал на дверную ручку и медленно вошёл внутрь.

Фонарик осветил полку с книгами, затем старый плакат с лесным пейзажем, крючок с висевшей на нём меховой шапкой...

А потом луч света выхватил из темноты Лейгура, держащего на руках изрезанное тело мёртвой девочки.

Хочешь верь, хочешь нет, Матвей, но этот сукин сын даже не дёрнулся. Он не пытался ни бежать, ни сопротивляться, вместо этого он... хихикал. Ты когда-нибудь представлял себе, как хихикают черти? Думаю, все мы примерно знаем, на что похож этот звук: такой звонкий, неприятный, ехидный, без всяких слов говорящий о сотворении мелкой пакости. Только вот то, что сотворил этот монстр, и близко не стояло со словом «пакость».

Помимо девочки, у его ног я увидел труп её отца, мистера Вульфа Кольтера. Его тело, лежавшее в большой луже крови, было разрезано на куски, точно тюлень на бойне.

У меня словно кость в горле застряла. Я многое повидал, но подобное... Учитывая, через что прошло человечество за последние тридцать три года и с каким усилием оно пыталось выжить, в увиденное верилось с трудом.

Но это было реальностью, Матвей. Я видел всё вот этими самыми глазами. Никогда не забуду безумный взгляд исландца, наполненный каким-то таинственным и древним злом.

А теперь, если ты и твои спутники не возражают, я расскажу тебе небольшую историю о том, кто такой Лейгур Эйгирсон, и как он докатился до убийства маленькой девочки. Просто хочу, чтобы вы знали, от какого человека вас уберегла судьба.

Как рассказывали мне другие собиратели, исландец прибыл в «Мак-Мердо» на небольшом траулере сравнительно недавно, около трёх лет назад. Прибыл не один, а вместе со своей женой, у которой было крайне необычное имя Сольвейг. Они поселились на окраине станции в пустующем тогда контейнере, совсем неподалёку от будущего места убийства.

Скоро оба они устроились на работу. Лейгуру подвернулась должность капитана на корабле, что доставлял собирателей на захваченные земли. Сольвейг, как оказалось, была крайне талантливым и умелым механиком и быстро нашла себе применение в нашем гараже. Вон в том, с синей крышей, если как следует приглядишься.

Они почти не общались с остальными макмердовцами. Даже более того – за все три года, как мне рассказывали, они ни разу не посетили ту же «Берлогу». Сольвейг говорила только с остальными механиками, пока её муж пропадал по четыре месяца в океане, предпочитая переищёптываться с океаном и Луной.

Да, тебе не послышалось.

Как болтали некоторые собиратели, Лейгур часто вытворял на борту своего траулера всякие дикости. К примеру, за день до перехода экватора экипаж разбудил жуткий вой среди ночи. Поднявшись на палубу, они увидели полностью обнажённого Лейгура. Капитан стоял на четвереньках и выл на Луну, периодически нащёптывая нечто злое и жуткое на своём родном языке.

Или порой он ел совершенно сырую рыбу и даже не морищился, а кости сплёвывал на пол, как шелуху от орехов.

Но на эти странности исландца вскоре перестали обращать внимание, поскольку за минувшие три года он успел снискать среди собирателей славу отличного капитана. Я очень удивлён, что ты ничего о нём не слышал.

Увы, совсем скоро эти чудачества материализовались в безумие. И, к сожалению, повод для этого у него был.

В марте прошлого года Лейгур прибыл с очередного успешного рейда и узнал о несчастном случае, произошедшем в гараже, где работала его жена. В тот день было решено заменить двигатель одного из вездеходов. Чтобы поднять его, Вульф Кольтер (тот самый, чей труп я нашёл почти год спустя) воспользовался гидравлическим подъёмником и по неосторожности уронил весивший почти тонну двигатель на голову бедняжке Сольвейг.

Да, старина, её буквально раздавило в лепёшку.

Зная непредсказуемый характер исландца, мы с парнями были готовы ко всему, в том числе и к его возможной попытке расправиться с Вульфом, который себе места не мог найти после случившегося. Но Лейгур, к моему тогдашнему удивлению, отреагировал на гибель жены спокойно, хоть и не без присущей ему странности. Он завернул в одеяло то, что от неё осталось, и, несмотря на похолодание, пешком отправился к Эребусу. Вернулся оттуда только спустя три дня, по всей видимости, где-то похоронив жену.

Тем не менее, мы с ребятами продолжали оставаться начеку, даже когда наступила зима. Но вот прошёл месяц, два, три, а там и вся зима осталась позади – Лейгур вёл себя как ни в чём не бывало.

Затем я отдал приказ оставить его в покое, решив для себя, что он всё же не настолько глуп, чтобы мстить. Тем более, учитывая обстоятельства: в конце концов, это был несчастный случай. К тому же у Вульфа имелась маленькая дочка, и даже такой чудак, как Эйгирсон, не стал бы отнимать у неё единственного кормильца и родного человека.

Да, Матвей, ещё совсем недавно я был вот таким наивным и доверчивым дураком, хоть и прошёл сквозь бесчинства и грязь на «Палмере». Впрочем, та история заслуживает отдельного разговора.

Ну, а я продолжу рассказ про нашего убийцу.

Для всех стало неожиданным внезапное появление Лейгура в «Берлоге», где он стал выпивать с другими собирателями, рыбаками и капитанами. Исландец наведывался туда каждый вечер, тратил кучу ватт и угощал всех, кто только пожелает. А я, в очередной раз по своей наивности, счёл это положительным знаком, решив, что его скорбь, длившаяся в гордом одиночестве долгие шесть месяцев, подошла к концу. Что выпивкой и наркотиками он просто пытается разбавить её осадок, оставшийся на дне.

Как бы не так.

Не знаю точно, что произошло в тот день, но Лейгур до полусмерти избил одного из китобойцев, будучи вусмерть пьяным. Бросился на него, как озверелый, и колотил по лицу до тех пор, пока его не оттащили три здоровых мужика. Наверное, ещё пара ударов, и бедняга Шон, так зовут китобойца, отправился бы к праотцам.

Ты скажешь, что после случившегося мне следовало бы надолго посадить этого ублюдка под замок, и дело с концом. Ох, Матвей, старина... Вернись я на три месяца пораньше, я бы так и сделал. Но, увы, во мне разыгралась жалость к этому, как мне тогда казалось, человеку. Да и отчасти я понимал его. Сам знаешь мою историю, дружище: мне тоже когда-то не повезло стать вдовцом.

По итогу Лейгур отделался лишь запретом на выход в море и конфискацией на год своего траулера. Кроме того, я велел Кейт не продавать ему выпивку ни за какие ватты. Однако в тот день, когда его обнаружили на месте убийства, от него несло спиртом так, что глаза слезились.

Ну, а после – ты и сам знаешь, что произошло. Я уверен, что всё это время он дурачил нас с ребятами, всячески давая понять, что не намерен мстить. Подобно хищнику, выжидал подходящий момент, когда мы потеряем бдительность, а он нанесёт решающий удар, убив не только виновного в смерти жены, но и за каким-то чёртом маленькую девочку!

Мне тяжело говорить об этом, Матвей, но кровь этой семьи и на моих руках. Моё теще-душье, моя вера в человечность в такое страшное для всего нашего рода время сыграли со мной злую шутку. Я мог бы остановить его так много раз, но не решился.

Надеюсь, что сегодня утром, как только этот подонок почувствует ледяное прикосновение океана, я смогу вздохнуть чуточку легче. Знаю, что это не поможет искупить мою вину, но хотя бы на одного ублюдка в нашем мире станет меньше.

– Где ты их достал? – полушёпотом спросил Вадим Георгиевич. – Тот американец, вроде, говорил, что ношение оружия на станции запрещено?

Надя взяла вторую винтовку, пощупала рукоятку и вынула магазин, внутри которого в мерцающем свете лампы золотом сверкнули патроны. На её лице проскользнула довольная ухмылка.

– Кто ищет – тот всегда найдёт, начальник, – ответил Миша и положил оружие на стол перед боссом. – Особенно в пределах этой станции.

У Матвея ком застрял в горле. Как только этот Миша заикнулся про освобождение капитана (да ещё таким методом), в голове сразу же всплыла беседа с Дэном, произошедшая не более часа назад.

– Вы спятили? – собиратель произнёс это с улыбкой на лице в надежде, что услышанное предложение – это какая-то дурацкая шутка.

Но серьёзное лицо Миши не изменилось ни на йоту, оставаясь таким же хмурым и чуточку рассеянным, словно выдолбленное в камне.

– У тебя есть варианты получше, собиратель? – Миша плюхнулся в кресло и расставил ноги в стороны. – Если да, мы все – внимание.

– Эй, морда прогрессистская, – к Матвею подошёл Йован, слегка выпятив грудь, отчего стал казаться чуточку выше. – Мне с самых первых минут нашей встречи не нравится твой тон. Советую тебе быть повежливее, особенно с моим другом.

– Йован, – попытался утихомирить здоровяка Матвей, но тот отмахнулся, не желая слышать возражений.

Миша лениво поднялся, заставив насторожиться почти всех находящихся в комнате, сделал шаг к Йовану и посмотрел тому в лицо. Встретив прожигающий ненавистью взгляд, прогрессист осклабился и со снисходительной насмешкой произнёс:

– А то что?

– Йован, – Матвей встал между здоровяком и прогрессистом. Зная не в меру вспыльчивый характер своего друга, он прекрасно понимал, чем всё это может закончиться.

– Затея с побегом – это чистое безумие, – обратился он к Мише, глядя ему прямо в глаза. – Особенно, учитывая нынешнее положение на станции. Не знаю, давно ли ты выглядывал в окно, но, просто к сведению, напоминаю, что прямо сейчас там комендантский час, в течение которого все охранники в разы бдительнее. Да, и ладно, чёрт с ним! – Матвей отмахнулся. – Пускай мы каким-то чудом сможем избежать их внимания и не поднять всю станцию на уши. Только вот ради кого? Ради сволочи, убившей ребёнка?

– Что ж... – отозвался Миша, присев на краешек стола. – Никто из нас не без греха.

Лицо Йована исказила гримаса отвращения.

– Да ты больной, – прошипел он, сжимая кулаки.

Миша тихо улыбнулся и пересел обратно на стул напротив Вадима Георгиевича, который всё это время молчал и неотрывно смотрел на винтовку подле него.

– У меня есть чётко поставленная задача: спасти научного сотрудника Марию Зотову. И я выполню эту задачу любыми средствами, пусть даже для этого потребуете выпустить из клетки зверя в человеческом обличье, который доставит нас на захваченные земли. Разумеется, если не получу приказ сворачивать всю экспедицию и возвращаться обратно, – последнее предложение он адресовал непосредственно Вадиму Георгиевичу. – Я подчиняюсь только вам, начальник, слово за вами.

Старик поджал верхнюю губу, поскрёб щетину и задумался.

– У тебя есть какой-то план? – спросил он.

– У меня есть не какой-то план, а совершенно чёткий и понятный, но действовать нужно незамедлительно, – мужчина взглянул на часы ваттбраслета, лежащего на столе. – Времени у нас совсем мало.

– Времени?

– Да. Капитана необходимо вызволить из плена в ближайший час.

– Что? Почему?

– Всему свой черёд, начальник. Вы всё узнаете, как только дадите мне отмашку, или же мы прямо сейчас сворачиваем всю экспедицию и возвращаемся домой.

Глава прогрессистов снова принял задумчивую позу, отчего у Матвея по спине побежали мурашки. Он что, серьёзно обдумывал?..

– Сделаем это, – ответил старик и коснулся винтовки.

На физиономии Миши появилась лёгкая улыбка.

– Если вы думаете, что я как-то буду участвовать в этом... – не сдвинулся с места Матвей.

– Откровенно говоря, у вас нет выбора, – Вадим Георгиевич повернулся к нему, продолжая сидеть на стуле. – В противном случае, вы можете забыть про нашу сделку.

«Сволочь...» – подумал про себя Матвей, едва сдерживая подступившую к горлу злость.

А ведь, и правда, у него не было выбора. Он чувствовал себя связанным по рукам и ногам. Словно игрушка на ниточках в руках этого мерзкого старика, лишь с виду такого культурного и вежливого.

Матвей сдался, пнул от злости стул и вышел в коридор, чтобы унять нарастающий, как буря на его родной станции, гнев.

По плану прогрессиста, сержант вместе с Надей должны были проникнуть в одно из старых общежитий, где и был заточён исландец. Ещё с самого первого дня Миша ходил вокруг четырёхэтажного здания неподалеку отсюда, выискивая его слабые стороны – и нашёл.

– Там есть дверца в торце здания с довольно хлипким замком, хватит одного хорошего удара.

В это же время Ясир по заранее намеченному пути должен был скрытно провести остальную команду обратно к вездеходу, не попавшись при этом охранникам. Затем направиться на «Титане» в сторону порта.

– Судно исландца стоит там, место 23-Б. Вам нужно погрузить «Титан» на его борт как можно скорее. Это не трудно. Полагаю, Домкрат сообразит, какие рычаги там нужно дёрнуть.

– А что насчёт охраны? – поинтересовался Вадим Георгиевич. – Порт, наверняка, будет под стражей.

– У них и без вас будет полон рот забот, – загадочным тоном пояснил Миша. – Просто доверьтесь мне, начальник.

– Довериться... – пробурчал старик. – Будь на твоём месте кто-нибудь другой, я бы велел ему подтереть этим «доверием» зад, но, зная тебя...

Миша скривился в жуткой улыбке, приняв комплимент, после чего продолжил:

– После освобождения исландца мы направимся в вашу сторону, в порт. А уже оттуда дадим дёру. Все действия будем координировать по рации, – он вытащил одну из шкафа и продемонстрировал её всем. – На «Титане» имеется парочка, насколько мне известно.

– Три рации точно будет, – подтвердила Надя с неким воодушевлением. Ей словно бы не терпелось начать безумную авантюру.

Матвею всё это чертовски не нравилось.

– Отлично, – Миша ещё раз взглянул на часы. – Разойдёмся по очереди, чтобы не вызвать подозрений. Через пятнадцать минут первая группа отправляется к вездеходу. Вторая выступает через десять минут. Мы выйдем через окно в коридоре, чтобы не привлекать лишнего внимания. Остальные – через главный вход.

– Я иду с вами, – выступил вперёд Матвей. – Хочу проследить, чтобы вы не наделали глупостей.

Миша тихо фыркнул:

– Твоё место на вездеходе, собиратель.

– Моё место там, где я сочту нужным.

– Нет, – решительно ответил тот.

– Миша, – обратился к нему Вадим Георгиевич. – Пускай идёт с вами.

– Начальник.

– Пусть идёт, это приказ, – твёрдо выдал Вадим Георгиевич, переглянувшись с Матвеем. Взгляд старика выражал благосклонность, но собирателю было плевать на его одобрение. Он всё равно бы пошёл.

– Хорошо... – в голосе Миши чувствовалась неприязнь. – Стрелять-то хоть умеешь? – спросил прогрессист.

– Мне это не понадобится.

Но Миша словно бы проигнорировал его ответ и насильно всучил ему оружие.

– Готовься, скоро будем выходить, – сообщил он и обратился к Вадиму Георгиевичу, кивнув в сторону коридора: – На пару слов, начальник.

Проводив их взглядом, Матвей заметил Арину со свежей повязкой на лбу. При виде хрупкой сестрёнки в груди у него всё сжалось от внезапно нахлынувшего чувства стыда. Вот она сидит, слегка болтает ногами, сгибает-разгибает пальцы рук и выглядит при этом так одиноко, что одним лишь своим видом навевает тяжёлую тоску.

Он будет страшно по ней скучать.

– Ку-ку, – с натянутой улыбкой поприветствовала она, когда Матвей сел рядом.

– Ку-ку, – ответил тот ей, а затем сказал арабу, собирающему свой рюкзак. – Ну, что скажешь, док? Как пациентка?

– Если коротко – ничего тревожного. Арина сказала, что это вы накладывали швы.

Матвей кивнул.

– Хорошая работа. У нас на «Тахадди» добрая половина врачей до сих пор не научилась накладывать ровные швы.

– «Тахадди»? – уточнил Матвей. – Мне казалось, вы с «Прогресса».

– Нет. Но, поскольку моя родная станция находится всего в ста километрах от «Прогресса», мы тесно с ними сотрудничаем. Ну, знаете, обмен опытом, ресурсами, людьми... Отсюда и мои познания в русском языке.

– «Тахадди»? Первый раз слышу, – задумчиво произнёс Йован, всё это время, оказыва-
ется, стоявший позади Матвея.

– Это небольшая иранская станция. Первая и единственная с момента Вторжения, – печальным голосом подметил Ясир. – Ну, что ж, Арина. Возможно, следующие несколько дней будет страшно трещать голова, подташнивать, в глазах мутиться... Но это пройдёт.

– Кроме шрама, – с грустью добавила девушка.

Ясир пожал плечами, как бы говоря, что поделаешь.

– Ну, зато теперь к тебе ни один мужик не сунется, – сказал подошедший к ним Йован. – Увидят такой и сразу бежать!

Арина приподняла брови, удивлённо уставившись на Йована, её глаза сверкнули ироническим недоумением, словно молча спрашивая: «Ты серьёзно?»

– Я имел в виду... – опешил здоровяк, облизывая губы, – что ты теперь будешь выглядеть такой грозной, ну, типа... В общем, лучше я присяду рядом и просто помолчу.

– И на том спасибо, – ответила она с заметным напряжением.

Ясир щёлкнул замком на рюкзаке, закончив сборы.

– Ну, мне пора, – он поднялся и отвесил небольшой поклон Арине. – Да хранит тебя Аллах.

Девушка покраснела, по всей видимости, не зная, что ответить, и просто с благодарностью кивнула.

Пока они провожали взглядом Ясира, Матвей набирался сил, чтобы, наконец, сказать Арине нечто важное.

– Арина, – выдохнул он. – Мне...

– Я знаю, что ты хочешь сказать, – прервала она его, опустив взгляд. – Я подслушала твой разговор с Дэном.

Матвей решил не вдаваться в подробности того, как именно она сумела подслушать. Эта девушка способна удивлять день ото дня.

– Тебя бесполезно упрашивать взять меня с собой, да? – задала она вопрос, отвернувшись в сторону.

– Да, – ответил он ей тихо.

Девушка кивнула и быстро смахнула подступившую слезу.

– Дэн позаботится, чтобы тебя доставили обратно на «Восток», – после неловкого молчания произнёс Матвей. – Он славный малый. Разве только чересчур болтливый, впрочем, как и все американцы, но...

Арина прервала его, крепко обняв, а затем схватила и подтянула к себе Йована.

– Просто берегите себя. Ладно? – надрывным голосом выдала Арина. – Возвращайтесь целыми и невредимыми.

– Вернёмся, мелкая, не переживай, – сказал Йован.

– Дайте слово, – она отпрянула от парней. – Вы оба дайте слово.

Матвей с Йованом переглянулись и, кивнув, по очереди проговорили:

– Даю слово.

– Даю слово.

Девушка шмыгнула носом, глаза её увлажнились, но она не посмела плакать.

– Собиратель, – Миша вместе с Надей стояли у входа. – Если ты не передумал, то самое время выдвигаться.

Матвею даже смотреть не хотелось в сторону этого прогрессиста: до чего же мерзкий тип. Он ущипнул Арину за щёку, улыбнулся ей, надеясь хоть как-то приободрить.

– На этот раз без прятков в багажном отделении, договорились? – вполне серьёзно наказал он.

Арина увела взгляд в сторону, попыталась улыбнуться, но вместо улыбки получилась странная ухмылка.

– Время, – с нетерпением настаивал Миша.

Матвей подошёл к нему и взял винтовку, бросив на Арину прощальный взгляд. Увидит ли он её вновь? Боже...

– Арина, – Надя подмигнула девушке, как только та посмотрела на неё. – Приятно было с тобой познакомиться.

– И мне, Надя, – скромно ответила та.

Матвей и не заметил, как затихло бречание гитары вместе с воем подпевал в «Берлоге», сменившись тревожной тишиной, а по коридорам перестал разноситься запах жареной рыбы и китового жира, которым за все эти долгие годы успели пропитаться стены бывшего отеля.

Помнится, каждый раз, когда Матвей проводил в этом здании ночь перед рейдом, «Берлога» не умолкала, работая сутки напролёт. Всему виной было страстное желание собирателей нажраться до чёртиков не то из-за боязни, что это будет их последняя трапеза, не то ввиду предстоящего трёхмесячного питания сплошным пеммиканом и сушёной рыбой.

Сам же он не был сторонником этой негласной традиции, но ни в коем случае её не осуждал. Каждый собиратель имеет право отвести душу так, как он пожелает, прежде чем отправиться в ад, именуемый захваченными землями.

Втроём они прошли в конец коридора и подошли к небольшому окну, откуда открывался вид на берег станции.

– Чисто, – скомандовал Миша, выглянув на улицу, и перелез через подоконник.

Матвей и Надя спустились вслед за ним.

Оказавшись снаружи, они, первым делом, спрятались за ржавым экскаватором, простоявшим здесь бог знает сколько времени. Миша приложил указательный палец к губам и жестом руки велел пригнуться.

Послышался шум рации, из-за угла здания вышли двое вооружённых охранников. Матвею удалось расслышать несколько слов из их беседы. Они обсуждали какую-то Карен, и что оба не прочь с ней переспать. Потом болтовня резко перешла на критику комендантского часа и того, как им «надоело отмораживать яйца в этом грёбаном патруле».

Матвей обратил внимание на то, как Надя нетерпеливо барабанит пальцами по магазину винтовки, а Миша замер, словно статуя, и ждёт молча.

Наконец охранники развернулись и продолжили патрулировать местность.

– За мной, – велел Миша.

Полярный день значительно усложнял задачу по скрытному передвижению, вынуждая быть вдвойне осторожными. Приходилось вертеть головой из стороны в сторону в надежде первыми заметить способную появиться из ниоткуда опасность.

Сердце Матвея давно не колотилось так сильно, и причиной служила не столько боязнь попасться навстречу охранникам, сколько, по его мнению, весьма постыдный и неправильный поступок, который он совершал.

И только мысль о братьях и сёстрах с «Востока» хоть чуть-чуть помогала ему оправдаться в собственных глазах.

Они подобралась к научному центру – широкому строению из сэндвич-панелей, стоявшему на сваях и соединяющемуся галереей с небольшими зданиями лаборатории и метеостанции. Дальше прошли под ним, скрываясь за столбами, а когда выбрались наружу, заметили, как на «Мак-Мердо» обрушились большие хлопья снега – отличная завеса для прикрытия.

Через минуту им встретился другой патруль, на этот раз верхом на внедорожнике. Пришлось укрыться за костровыми бочками с решётками, изготовленными на предстоящую зиму для обогрева некоторых участков станции. Хорошо хоть – успели вовремя, но Матвей прятался последним и был почти уверен, что его всё же заметили в последний момент.

Однако внедорожник, к счастью, проехал мимо.

– Пошустрее, собиратель, – с упреком обратился к нему Миша.

Матвей с трудом представлял себе дальнейшую экспедицию с этим типом. Если, конечно, рейду, вообще, будет суждено случиться.

Ещё пять минут осторожного передвижения, и вот они уже добрались до нужного здания. Заняв подходящую позицию, дали себе крохотную передышку, во время которой Миша впервые достал рацию.

– Начальник, как слышите меня? Приём.

Ответ раздался через несколько секунд:

– Слышу тебя хорошо, Миша. Приём.

– Добрались до «Титана»?

– Добрались, но с переменным успехом. Ясиру пришлось... – с той стороны раздался тяжёлый вздох. – Пришлось разобраться с одним из охранников возле гаража, иначе бы мы не прошли.

– Проклятие... – прошептал про себя Матвей, сжимая кулаки и бросив гневный взгляд на прогрессиста напротив.

– Отлично, – с полным безразличием к услышанному и к реакции собирателя ответил Миша. – Мы на месте, готовьтесь с минуты на минуту направиться напрямиком в порт.

– Я до сих пор не понимаю, как мы это сделаем? Здесь полно охраны, нам не удастся выехать незамеченными. Да и в порту пусто не будет.

– Вы поймёте, когда действовать, начальник. Отбой, – он убрал рацию в карман и взглянул в сторону Нади: – Готова?

– Всегда.

На Матвея мужчина бросил лишь пренебрежительный взгляд.

– Держись сзади, – он тихо передёрнул затвор винтовки.

– Эй, – Матвей коснулся его оружия и строго произнёс: – Никаких убийств, понял?

Они подошли к двери с замком, Миша достал из рюкзака заранее подготовленный громоздкий молоток и протянул его Наде.

– Надеюсь, твой удар такой же сильный, как и прежде?

Девушка осторожно взяла молоток и покосилась в сторону замка.

– Услышат же. Может, попробуем просто вскрыть?

– Долго, – он засучил рукав и активировал свой ваттбраслет. – К тому же они ничего не услышат.

– Не услышат? Да этим грохотом всю станцию разбудить можно.

– Этим? Нет, – Миша набрал на сенсорной панели какой-то код. – А вот этим – ещё как. После чего коснулся кнопки ввода.

Со стороны берега раздался взрыв, заставивший Матвея и Надю пригнуться, прикрыв голову руками. В уши иглой вонзился непереносимый звон, от которого закружилась голова.

Находившийся в оцепенении Матвей решил поднять голову и увидел, как над пожарной станцией, в которой проживала мэр, вспыхнуло яркое пламя. Бледное полярное солнце скрылось за вязким чёрным дымом, погрузив «Мак-Мердо» в полумрак.

Миша потянулся к молотку, который выронила Надя, и одним мощным ударом разбил замок под непрекращающиеся грохоты взрывов.

– Ну, что, – произнёс он, бросив молоток в снег, – за дело?

Глава 11. Цена свободы

Длившаяся несколько месяцев по всему миру война с мерзляками оставила на полях сражений и в городах огромное количество оружия, взрывчатки и разной военной техники. Даже спустя пятьдесят лет после Вторжения собиратели не перестают привозить всё это «добро» в Антарктиду, продавая за хорошую цену. Единственной проблемой остаётся недостаток патронов. Глубоко уверен, что на сегодняшний день почти половина выживших в Антарктиде имеет при себе оружие. Хорошо ли это, покажет только время.

Из личных записей старшего архивариуса Дерекка Терри, 2086 год.

25 января 2093 года

Матвей и опомниться не успел, как Надя взяла его за предплечье и с силой затащила внутрь здания. Оправившийся от оцепенения собиратель с недоумением и ужасом посмотрел на Мишу, осматривающего небольшое складское помещение, в котором они оказались.

– Ч-что... – Матвей с трудом перевёл дыхание. – Какого хрена сейчас произошло?!

Миша махнул ему рукой и шикнул, веля помолчать.

Впереди, за дверью, раздался топот множества ног и иностранная речь.

Сержант подал знак Наде, та быстро заняла позицию за ящиком и, следуя примеру командира, прицелилась в сторону двери.

Секунда, две, три... Звуки шагов, подобно волне, нарастали и приближались. Моргнула жёлтая полоса света внизу дверного проёма, заскрипели половицы и зашуршали тёплые куртки. Однако дверь оставалась закрытой, за ней слышались возгласы:

– Что случилось?!

– Не знаю! Похоже на взрыв!

Рация Миши неожиданно затрещала. Он ловко вытащил её из кармана и отключил, но было поздно.

Одна из мелькающих в расщелине теней замерла.

– Слышал? – спросил один голос.

– Слышал что? – раздражённо и нетерпеливо ответил второй.

– Шум. Похоже на рацию.

Дверь внутри склада приоткрылась, впуслав в тёмное помещение блеклый, оранжевый свет лампы.

Надя положила винтовку на ящик для опоры и коснулась курка.

В коридоре послышался ещё один, строгий голос:

– Эй, вы чего тут отираетесь!? Не видели, что снаружи творится?! Живо на улицу!

– Но, сэр, мы...

– Шевели задницей, живо!

Матвей заметил, как Надя сжимает палец на спусковом крючке, и махнул ей рукой, веля не делать этого. Она расслабила кисть.

Оставалось только надеяться, что этот безумец по имени Миша не выкинет очередной сюрприз...

К счастью, макмердовец послушался приказа своего не то командира, не то просто старшего по возрасту, резко захлопнул дверь и побежал за ним.

Матвей тихо выдохнул.

Миша взял рацию в руки и коснулся кнопки вызова.

Несмотря на искажённый аппаратурой голос, даже Матвей уловил, как был напуган Вадим Георгиевич:

– Миша! Миша! Это твоих рук дело?! Приём!

– Езжайте в порт, мы скоро будем, конец связи, – чуть ли не скороговоркой ответил начальнику прогрессист и отключил рацию, не дождавшись ответа. – Неужели так трудно понять, что чёртов взрыв – это и есть сигнал? – обратился он к Наде, которая, судя по растерянности на её лице, и сама до сих пор не могла отойти от случившегося.

– Просто... – ответила она осторожно. – Это, и правда, было... весьма неожиданно, сержант, – чувствовалось, как, не то из уважения, не то из-за страха к этому типу, прогрессистка весьма старательно подбирает слова.

– Благодарю, – Миша осторожно подошёл к двери и приоткрыл её, выглядывая наружу.

– Ты хоть осознаёшь, скольких людей ты убил? – внутри Матвея пылал огонь злобы, в любую минуту грозивший перерасти в пожарище. – Ты хоть понимаешь...

– Попридержи свои сентенции, собиратель, по крайней мере, до тех пор, пока мы не окажемся на борту, – ответил спокойным голосом тот, стоя к нему спиной. – Сейчас у нас есть задача поважнее, – мужчина открыл дверь шире, ещё раз осмотрел коридор и подал жест рукой: – Выходим.

Надя пошла следом за сержантом и по пути встретила взглядом с Матвеем: она выглядела растерянной, немного напуганной, но, в то же время, некая искорка уверенности мелькнула в её серых глазах.

Матвей дал себе зарок, что разберётся с этим Мишей сразу, как только они выберутся из «Мак-Мердо». Никаких переговоров или уступок, этот человек должен либо покинуть команду добровольно, либо он попросту выкинет его за борт. Третьего не дано.

Цепочкой они прошли в дальний конец коридора. Матвей с интересом наблюдал, как двое прогрессистов, плотно прижимая автоматы к плечу, плавно и тихо ступали по полу, напоминая один слаженный механизм. Последний раз он видел, как похожим образом двигался его отец, когда в его руках было оружие, и им обоим грозила опасность.

Справа показалась лестница. Миша прижался к стене, целясь в лестничный пролёт. Надя, не глядя на командира, повторяла его движения с точностью до мельчайших деталей: шаги в один такт, быстрая перебежка по ступеням, дуло не дёргается. На их фоне Матвей, просто идущий последним и прикрывающий с тыла, выглядел крайне нелепо.

На втором и последнем этаже собиратель заметил табличку с английской надписью: «Prison cells».¹²

По всей видимости, уже знающий, куда нужно идти, сержант вошёл в коридор второго этажа и стал двигаться более осторожно, поскольку совсем рядом снова раздалась английская речь. Кто-то переговаривался по рации.

Они прошли чуть дальше, завернули налево и оказались в маленькой комнате, освещённой светодиодными лампами. Внутри находился охранник с рацией в руках. Судя по опустевшему в одночасье зданию, он был единственным, кого оставили здесь в качестве охраны.

Переговариваясь с собеседником, макмердовец смотрел в окно, откуда открывался вид на взорванное здание, окутанное пожаром.

У Матвея возникло странное чувство. Он словно вернулся обратно во времени на неделю назад, когда все восточники скопились вокруг всепожирающего пламени, лишаящего их надежды.

Отвлечшись, Матвей не заметил, как Миша подкрался к охраннику, повалил того на пол и, надавив ногой на грудь, ткнул ствол винтовки ему в лоб. К собственному ужасу, Мат-

¹² Тюремные камеры (англ.).

вей узнал в нём того самого молодого парнишку, которого Дэн представил как собственного помощника по имени Томми.

Почувствовав прикосновение ледяного металла ко лбу, мальчишка задрожал и выпятил руки, из его глаз брызнули слёзы. Он был до смерти напуган.

– Лейгур Эйгирсон! – рявкнул Миша, сильнее прижимая дуло к его лбу.

Матвей заметил на себе удивлённый взгляд парня: тот узнал его. Выйдя вперёд, он хлопнул прогрессиста по плечу.

– Хватит! – руки так и чесались врезать этой сволочи.

– Не учи меня делать мою работу, – Миша сильнее надавил на грудь макмердовца и ещё громче произнёс: – Лейгур Эйгирсон! Вер из хим?¹³

Но Томми как воды в рот набрал, то ли желая казаться храбрецом, то ли, наоборот, онемев от сковавшего его ужаса.

Матвей оттолкнул сержанта, вынудив того лишь немного попятиться на шаг назад. Ублюдок был крепким орешком, без сомнения. Затем собиратель схватил парня за шиворот и прижал к стене.

Подобный демарш Миша явно счёл за оскорбление и собирался вмешаться, но вовремя заговорила Надя:

– Сержант, не нужно. Пускай он всё сделает.

Матвей спиной чувал жар гнева, исходящий от прогрессиста.

Стараясь не думать о сержанте, он начал допрашивать охранника:

– Мы ищем заключённого по имени Лейгур Эйгирсон, – сказал собиратель парню спокойным, но требовательным голосом.

Тот, оглядев их всех ещё раз, испуганно произнёс:

– Вы... вы знаете, что он сделал?!

– Я знаю, – спешно ответил Матвей. – И он не останется безнаказанным. Но прямо сейчас он нужен нам, поэтому я прошу тебя: отведи нас к нему. Обещаю тебе, никто не пострадает.

Охранник ещё раз посмотрел на них.

– Это вы взорвали пожарную станцию?

– Просто... просто отведи нас к заключённому.

– Мне это надоело, – сержант выхватил из рук Матвея мальчишку, взял его за ухо и вытащил в коридор.

– Лейгур Эйгирсон! – снова злобно прорычал он и передёрнул затвор автомата.

Сжавшийся в комок парень таки сдался и завизжал:

– Комната двадцать три! Комната двадцать три!

– Что он говорит?

– Двадцать третья комната, – нехотя перевёл Матвей.

Неожиданно снаружи раздалась стрельба. Затрещали автоматные очереди и прогремели выстрелы из пистолетов.

– Какого?.. – Надя хотела выглянуть в окно, но не решилась, поскольку Миша, совершенно не обративший внимания на перестрелку, схватил парня за шкирку и волоком потащил его по коридору.

Оказавшись возле нужной двери, представляющей из себя довольно плотную, железную конструкцию с окошком для выдачи еды, он пнул охранника и на ломаном английском велел ему:

– Опен! Опен!¹⁴

¹³ Where is him? | Где он? (англ.).

¹⁴ Open! Open! | Открывай! Открывай! (англ.).

На двери был кодовый замок и простая защёлка, установленная на случай отсутствия электричества. Мальчишка с трудом поднялся на колени, набрал пятизначный код и, как только панель ответила одобрительным писком, обессиленно рухнул на пол.

Миша открыл дверь.

– Выходи, – строго велел он. – Гоу. Гоу.

Матвей услышал биение своего сердца. После рассказа Дэна ему казалось, что сейчас из камеры выйдет существо, лишь отдалённо напоминающее человека: некая тень с гигантской, окровавленной пастью мерзляка, готовая сожрать их при удобном случае. Одно из существ писателя Говарда Лавкрафта, которого ему довелось читать ещё мальчишкой.

Но вот в коридоре появляется он: небольшого роста мужчина с густой рыжей бородой с проседью. Его шаги были тяжёлыми и даже немного ленивыми. Лицо сухое, бледное, с неглубокими морщинами. От подозрительного прищура голубых глаз веяло мерзлотой и чем-то устрашающе смертельным.

Лейгур посмотрел на стоящего рядом сержанта (тот ответил ему презрительным взглядом), а затем на Матвея. Губы бывшего узника шевельнулись, пробормотав какую-то невнятицу.

– Собиратель, скажи нашему новому другу, что мы прямо сейчас выдвигаемся к его судну и выметаемся со станции к чёртовой матери.

Шум выстрелов за окном усилился. «Мак-Мердо» погрузился в хаос, объяснение которому Матвей всё никак не мог найти.

– Ну? Живее! – рявкнул сержант.

Матвей сплюнул, поморщился, словно готовясь произнести нечто мерзкое, и передал теперь уже бывшему заключённому сообщение прогрессиста на английском.

В ответ Лейгур едва заметно кивнул и спокойным голосом произнёс по-английски:

– Хорошо.

– Всё, уходим, – велел сержант, но вдруг резко замер и нацелил винтовку в дальний конец коридора, где, словно из воздуха, материализовался силуэт с вытянутым вперёд револьвером.

Это был Дэн.

– Твою ж мать, – чуть слышно прошептал про себя Матвей.

– Бросить оружие! – крикнул Дэн, а затем, подойдя на шаг ближе и застыв на месте, увидел и самого Матвея. – Матвей?! Что здесь происходит? Почему этот убийца детей не за решёткой?

– Дэн...

– Вели ему положить оружие на пол, собиратель, – приказал сержант.

Сзади к ним подошла Надя, держа Дэна на прицеле.

– Томми? – не спуская глаз с мушки, обратился Дэн к помощнику, сидящему у стены. – Ты как, парень?

– Эти мерзавцы пришли за исландцем, шериф! И этот взрыв – их рук дело! Шериф, они...

Миша одной рукой схватил парня, как щенка, за шкуру, бросил на пол и перевёл ствол винтовки на голову Томми.

– Бросай револьвер, или пацан сдохнет. Богом клянусь, я этого не хочу, но если потребуется...

– Дэн, опусти оружие, – поспешил вмешаться Матвей, выйдя вперёд с поднятыми руками.

Американец тяжело дышал носом. Револьвер в его руках не дрожал, а глаз уверенно смотрел в мушку. Но всё же чувствовался в нём некий зачаток страха, который ещё не успел пустить корни внутри.

– Это правда? – спросил Дэн, голос его слегка дёрнулся. – Вы взорвали пожарную станцию? Ради вот этой мрази?

У Матвея будто язык онемел. Он хотел сказать ему правду, но боялся последствий, которые за этим могут последовать.

– Просто дай нам пройти, Дэн, – попросил его Матвей, с трудом проигнорировав вопрос.

– Вы ещё и заодно с мятежниками.

– Что? – Матвей недоумевал. – Я не понимаю, о чём ты...

– Матвей, клянусь Богом, ещё одна ложь из твоего рта, и я пристрелю тебя здесь и сейчас, и плевать на последствия.

– У него есть пять секунд! – грозно произнёс сержант.

– Через пять секунд он убьёт парня. Дэн, прошу тебя, брось оружие.

– Ну, и скользкий же ты ублюдок, Матвей. Воспользовался моим доверием...

– Четыре секунды!

– ...нашей дружбой.

– Дэн, поверь мне, если бы ты знал...

– Три секунды!

– Я знаю одно! – закричал шериф. – Куча головорезов прямо сейчас кошмарит всю станцию, и всё из-за тебя и твоей кучки...

– Две секунды!

– ...ублюдков, которых я впустил на станцию!

– Время вышло!

– Дэн!

Шериф опустил оружие и бросил его на пол.

– И ты за это заплатишь, Матвей. Ты и твои дружки, все до единого заплатите за каждую каплю крови, пролитую жителями моей станции.

Матвей почувствовал, как внутри у него всё опустело. По спине пробежали мурашки от слов друга... Друга, который теперь ненавидел его.

Миша вышел вперёд, взял шерифа под руку и повёл его в сторону камеры.

– И ты вставай! Живо!

Сержант в очередной раз пнул мальчишку, тот встал следом за Дэном, морщась от боли.

Лейгур стоял рядом неподвижно, молча наблюдая за происходящим. Он напоминал ледяную скульптуру, такую же неподвижную и холодную.

Сержант толкнул парня следом за шерифом, и он, споткнувшись, упал тому прямо на руки.

– Всё, мы и так порядком задержались здесь. Уходим, – Миша захлопнул дверь и запер её на засов.

Очередная автоматная очередь, раздавшаяся снаружи, вывела Матвея из оцепенения, охватившего его после слов Дэна.

Он подобрал револьвер шерифа.

– Мне нужно идти, – просипел Матвей, будучи не в силах отделаться от возникшего перед глазами страшного образа. – Встретимся на суде.

– Эй, куда это ты собрался? – крикнул сержант убегающему в дальний конец коридора Матвею. – Вернись!

Но тот уже со всех ног бежал по лестнице, перепрыгивая по пять ступеней за раз.

Про себя Матвей молился только об одном:

«Пожалуйста, пускай с Ариной всё будет хорошо...»

Снаружи разило пороховой гарью.

Со всех сторон щёлкали выстрелы, эхом проносясь по станции. Неразборчивые голоса орали вдалеке, не умолкая ни на секунду; отовсюду доносились крики до смерти перепуганных людей, как мужчин, так и женщин.

Облако дыма разросло настолько, что заслонило собой большую часть неба.

В «Мак-Мердо» царил хаос.

Матвей почувствовал, как в горле пересохло. Он облизнул губы, осмотрелся и рысцой побежал в сторону «Берлоги», используя путь, по которому они сюда добрались.

Собиратель думал только об Арине. Посылал ей мысленный наказ, чтобы она сидела в комнате, где он её оставил, и не смела выходить. Не замечая, стал бормотать себе под нос, пытаясь успокоиться:

– Не выходи, дурёха, сиди там. Сиди, не выходи.

Впереди Матвей увидел тело, лежащее на снегу в луже собственной крови. Мертвец крепко сжимал рукоять пистолета.

Затрещала автоматная очередь. Казалось, пули просвистели у самого носа. Матвей упал, закрыл голову руками, затем выждал секунд десять, поднял голову и увидел держащегося за живот охранника, дёргающего дверную ручку в попытке проникнуть внутрь здания.

Раздался металлический звон, пули попали в дверь, прошив охранника насквозь. Он сложился пополам и свалился со ступенек.

Из-за угла здания появился убийца с автоматом наперевес.

– погоди! погоди! Не стреляй, не надо! – завопил охранник, умоляюще протягивая руки.

Убийца, выглядевший как ходячий скелет, подошёл к хватающему последние глотки воздуха охраннику и, без всяких церемоний, всадил ему очередь прямо в голову, превратив её в месиво из мозгов, плоти и осколков черепа.

– Получай, жадная свинья, получай! – с ненавистью вопил он. – Не переживай, в аду для тебя заготовили номер с полным обогревом, мразь!

Хладнокровно и жестоко убив охранника, мятежник, как ни в чём не бывало, помчался обратно, за угол, где, не прекращаясь, звучала канонада выстрелов.

Туда, где находилась «Берлога».

Матвей крепче сжал револьвер и, собравшись с силами, побежал.

Через минуту он оказался на заполненной десятками обычных макмердовцев улице возле старой больницы. Каждый сжимал в руках прихваченные с собой молоток, нож или топор – одним словом, всё, что могло использоваться в качестве оружия. Их лица сияли радостными, но одновременно безумными улыбками.

– Сука мертва! Эта сука мертва! Взлетела на воздух!

– Надеюсь, она хорошенько зажарилась!

– Пускай мёрзнет в аду!

На всякий случай Матвей решил не пересекаться с ними и, обойдя здание больницы, снова вышел на улицу, но уже в стороне от того места, где кучковался отряд из вооружённых мятежников. Собиратель успел лишь краем уха уловить:

– ...свиньи заперлись в здании почты. Выкурим их, ребята!

И отряд, под предводительством старика с длинной бородой, направился в северную часть поселения.

Вдруг по всей станции раздался звук громкоговорителя. Властный голос незнакомки произнёс:

– Мойра Мерфи мертва. Любой, кто воспротивится справедливому суду, будет казнён на месте. Все свиньи, которые всё это время отбирали наши ватты и пищу, будут казнены. Свинья – у тебя нет выхода. Сдавайся и сдохни, ибо нас больше. Тебе не суждено стать свидетелем того, как наша прекрасная станция снова будет процветать!

Голос показался знакомым, но времени на рассуждения о том, кому он принадлежит, не было. Убедившись, что путь чист, Матвей пригнулся и побежал к «Берлоге».

Теперь она была совсем близко.

Как только он оказался рядом с баром, внутри гостиницы раздалось несколько выстрелов. Жёлтые вспышки на мгновение мелькнули в чёрных окнах, половина из которых была разбита.

Матвей, едва переводя дыхание от подступившего к горлу ужаса, теперь без всякой осторожности побежал ко входу.

Оказавшись внутри, он застал полную разруху. От уютного бара, в котором сидел ещё пару часов назад, живого места не осталось: сломанные столы и стулья разбросаны по разным углам, под ногами хрустело стекло.

На лестнице, ведущей на второй этаж, лежал труп, чья рука свисла в лестничный пролёт. Ручей крови стекал по ступеням.

Быстро обойдя тело, Матвей заметил, что в самом баре лежали, по крайней мере, ещё пятеро убитых.

Собиратель взвёл курок револьвера и вошёл в коридор второго этажа.

Почти сразу он увидел спину присевшего на одно колено макмердовца, обшаривающего карманы умирающего, который всё ещё дышал. Был ли мародёр охранником или повстанцем, не разобрать.

Тем не менее, незнакомец услышал его шаги и резко развернулся с пистолетом в руках.

Матвей, не думая ни секунды, нажал на спусковой крючок.

Пуля вонзилась тому в грудь, вынудив отступить на шаг назад, споткнуться о тело, которое он только что обыскивал, и грохнуться на пол.

Секунду спустя в дальнем конце коридора раздался девичий вопль, от которого по спине Матвея побежали мурашки.

Арина.

Она не замолкала. Слышались звуки борьбы. Она сопротивлялась.

Матвей рванул с места, приблизился к двери, открыл её и увидел, как на Арину пытается залезть какой-то ублюдок. Насильник пытался содрать с неё куртку. Девушка кричала, колотила его что есть мочи, но эти удары, судя по отсутствующей реакции, совершенно ему не вредили.

– Ну, ты закончил с той свиньёй? Давай сюда, помоги мне с этой...

Договорить мужчина не успел. Матвей дёрнул его за плечо и огрел рукояткой по лбу. Стрелять он не решился – боялся задеть Арину.

А затем жуткая пелена встала перед глазами Матвея. От вида сестры, которую этот ублюдок успел раздеть, оголив её грудь, в сознании у собирателя что-то щёлкнуло. Он с рёвом накинулся на обидчика, колотя рукояткой револьвера по его лицу, которое на секунду обрело выражение озадаченности, а затем, как только над ним нависла рука с пистолетом, – ужаса.

Матвей бил машинально, как робот, не испытывая ни усталости, ни отвращения, ничего, кроме животной ненависти. На это мгновение тело перестало подчиняться разуму, руки двигались сами по себе.

Кровь оросила его лицо, испачкала бороду, попала в глаза. Но он, не переставая, бил и бил, пока не почувствовал, как его потянули назад.

Арина, рыдая, крепко вцепилась в него и умоляюще просила:

– Хватит, хватит, хватит.

И лишь её перепуганный голос заставил овладевшего им демона затихнуть. Не сразу, постепенно, с каждым её задыхающимся от рыдания вздохом.

Рука, держащая револьвер, ослабевала, пока и вовсе не отпустила оружие убийства.

– Не смей меня больше оставлять! Слышишь? – говорила она, уткнувшись ему в плечо. – Не смей!

Он ещё крепче прижал её к себе.

– Ни за что, никогда.

Собиратель с трудом отстранил её от себя и твёрдо произнёс:

– Нам надо идти. У нас очень мало времени.

Девушка кивнула, смахнув слёзы.

Матвей снял с себя куртку, укутал сестру потеплее и поднял револьвер. Он прижал Арину к себе и направился к выходу. Чтобы она не увидела того, что стало с лицом убитого мародёра, собиратель перевернул его тело на живот, затем они вышли наружу.

Стрельба постепенно затихала. Теперь идти по улицам, не опасаясь быть подстреленным, было чуточку легче.

Судя по ликующим возгласам макмердовцев, радующихся смерти мэра, повстанцы одерживали, а возможно, уже и одержали верх.

Проходя мимо старой больницы, где Матвей на пути к «Берлоге» видел группу людей, вооружённых холодным оружием, он заметил, что те же самые люди теперь казнили пойманных охранников. Бедолаги стояли на коленях, умоляли о пощаде, но мятежники поочерёдно хладнокровно вонзали им ножи в грудь или перерезали глотки.

– Что они творят, Матвей? Что они... – голос Арины дрогнул.

– Не смотри.

Вдруг позади раздался голос одного из палачей:

– Эй, вы! А ну, стоять!

У Матвея сердце ушло в пятки. Они же почти добрались... Господи, они почти добрались.

К ним подошёл худой мужичок с жилистым лицом и редкой бородой. Он с подозрением оглядел их, задержав взгляд на окровавленной парке, в которую была укутана Арина.

– Брось оружие, – велел макмердовец, указывая взглядом на револьвер в руке Матвея.

Собиратель понял, что будет лучше, если он подчинится. Да и десятки палачей, стоящих неподалеку, не оставляли выбора.

Он отбросил оружие в сторону.

– Не местные?

– Нет, – тихо ответил Матвей.

Макмердовец ещё раз окинул их, не предвещавшим ничего хорошего, взглядом и, сморщив нос, строго велел:

– Идите за мной.

Собиратель посмотрел на Арину, затем в сторону порта.

– Мы торопимся.

– Да мне насрать! – мужчина коснулся рукоятки ножа, торчащего у него за поясом. – Сказано тебе, двигай за мной!

– Эй, придурок, а ну-ка, отойди от них! – послышался хриловатый и знакомый женский голос.

Точно такой же голос Матвей слышал в громкоговорителе не более десяти минут назад.

Внезапно из толпы появилась Кейт. На её худом плече висел автомат Калашникова. Рукава светлой куртки были испачканы по локоть в крови.

– Ты что, совсем ослеп? Это одни из тех русских ребят, что помогли нам.

Собиратель опешил от её слов. Помогли? О чём это она?!

– Но, босс, я просто следовал правилам...

– Я тебе сейчас такое правило пропишу – мало не покажется. Иди отсюда.

– Да, босс, – покорно выдал макмердовец и вернулся к толпе линчевателей.

Наконец Кейт обратилась к ним с привычной для местных приветливой улыбкой, при виде которой, учитывая происходящий вокруг хаос, становилось жутковато.

– Извини за это недоразумение, Матвей, – она кивнула в сторону уходящего макмердовца. – Этот идиот порой собственный указательный палец от среднего отличить не может, –

затем её, обратившееся в сторону Арины, лицо обрело черты сострадания, и она ласково сказала: – Ты в порядке, бедняжка? Выглядишь ужасно.

Её жилистая рука потянулась к девушке, но Матвей, уведя Арину в сторону, сделал шаг вперёд и твёрдо проговорил:

– Ты сказала, что мы помогли вам...

– Помогли – не то слово! Одним только взрывом прикончили эту суку мэра и половину армии её шестёрок-силовигов. Уверена, что к концу дня мы полностью очистим «Мак-Мердо» от всех свиней и вернём былую славу нашей станции, – она сложила руки на груди и посмотрела в сторону догорающей пожарной станции, от которой остались одни только почерневшие от копоти сваи и стальные поручни. – Жаль, конечно, что пришлось уничтожить здание. Уж чего не отнять у нашего, теперь уже бывшего, мэра, так это чувства вкуса – она там внутри выстроила себе целый дворец на наши ватты, – после чего шёпотом злобно добавила: – Ну, теперь погреешься в аду, сука.

Постепенно в голове Матвея начала складываться общая картина случившегося, хоть и оставалось ещё огромное количество вопросов.

– Кстати, где Миша? Я хотела бы поблагодарить его от лица свободных макмердовцев, – женщина указала рукой на людей позади неё.

– Он... – Матвей старался осторожно подбирать слова, скрывая свою неосведомлённость о происходящем. – Должно быть, в порту. Мы как раз шли туда.

– А, стало быть, вызволили того исландца? Поосторожнее с ним, у этого дикаря не всё в порядке с головой... – она взглянула в сторону порта. – Жаль! Я проводила бы вас, но у меня, как видишь, дел ещё по горло. И это только начало...

Неожиданно в толпе позади послышался нарастающий гул. Все зашевелились, заёрзали и стали ликовать.

– Эй, босс, только поглядите, кого мы нашли!

К собственному ужасу, Матвей увидел Дэна вместе с Томми, у обоих были связаны за спиной руки.

Шериф пытался успокоить до смерти перепуганного помощника:

– Всё будет хорошо, Томми! Ты просто...

– Захлопни пасть! – рявкнул мятежник и ударил шерифа локтем в спину.

Обоих бросили лицом в снег рядом с телами казнённых товарищей. Томми сразу стал пятиться, а Дэн, не переставая, успокаивал его, веля прекратить брыкаться.

Арина крепко стиснула руку друга.

– Матвей, это же...

– Я знаю, – прошептал он, едва дыша.

– А вот и наш доблестный шериф, – глаза Кейт блеснули злобной искрой. – А я-то думаю, где прячется этот хитрый сукин сын...

На голове одного из макмердовцев Матвей заметил шляпу шерифа.

– Глядите сюда, народ, теперь я шериф станции! А эта свинья... – он со всей силы ударил ногой в ребра Дэна, заставив того свернуться калачиком. – Теперь просто большой кусок мяса, нуждающийся в разделке!

– И про пацана не забудь! Этот не хуже! – поддакнул кто-то.

– Резать их! Обоих!

Толпа озверевших палачей зазвенела ножами и топорами, ещё ближе придвигаясь к беспомощному Дэну.

Матвея парализовало. Всё происходило совсем как тогда, год назад, но вместо не испытывающих жалости мерзляков были люди. Люди!

Собиратель поднял с земли брошенный им револьвер и нажал на спуск. Эхо выстрела разнеслось вокруг, заставив мятежников отступить на шаг, а Дэна, наверняка, узнавшего звук родного оружия, повернуться в сторону стрелка.

Матвей заметил, как его друг смотрит на него с неприкрытым осуждением.

– Какого чёрта ты делаешь... – сказала Кейт, даже не шелохнувшись от выстрела.

Матвей, желая продемонстрировать добрые намерения, бросил оружие на землю и обратился к Кейт:

– Отпусти их.

Та прыснула.

– Отпустить? Ни за что. Оба получают то же, что и их побратимы.

– Тогда... – Матвей понимал, что в переговорах с ослеплённой жаждой мести толпой и её предводительницей важно не медлить. – Тогда хотя бы не убивай их.

Лицо Кейт приобрело черты озадаченности:

– Чего это ты так печёшься о них?

Матвей, облизнув губы, произнёс:

– Шериф – мой друг.

Она натянуто улыбнулась и, словно не поверив своим ушам, переспросила:

– Эта свинья – твой друг?

– Он прежде был собирателем. Мы с ним не раз отправлялись на вылазки, многое пережили вместе... – он указал на Дэна, прежде заметив его полный безразличия взгляд. – Чёрт, да благодаря ему, я сейчас говорю с тобой на твоём языке!

Кейт задумчиво двигала челюстями, дав тем самым Матвею надежду на то, что его друга хотя бы не зарежут здесь, как недобитого тюленя.

– Нет, – твердо заявила ирландка. – Прости, Матвей, но эти двое должны умереть.

Она обернулась к толпе, собираясь отдать приказ о страшном наказании, как вдруг её схватила за руку Арина.

– Прошу вас, хватит крови, – хриплым, едва слышным голосом сказала девушка. Её глаза блестели от назревающих слёз.

И не то жалостливый вид, не то остатки человечности, не то что-то ещё, что известно одной только Кейт, заставили её, женщину, которую Матвей всегда знал как самую обыкновенную владелицу бара «Берлога», тяжело выдохнуть и произнести:

– Отведите шерифа и пацана обратно за решётку. Найдём им применение получше.

– Что? Но... Босс!

Готовая к расправе над беззащитным человеком толпа, подобно псу, у которого из пасти вытащили кость, ошетинилась.

– Делайте, что говорят! – грозным и одновременно командирским голосом закричала Кейт.

Недовольный макмердовец, плюнув под ноги шерифу, заручившись помощью товарища, поднял под руки Дэна и Томми.

– Это ничего не меняет, Матвей, – пригрозил Дэн злобным голосом, а затем, когда его стали уводить, крикнул вслед: – Ни хрена не меняет, понял ты меня?!

От слов друга, теперь уже точно бывшего, Матвей почувствовал невероятное чувство стыда, словно его окатили ледяной водой.

Проводив взглядом пленника, Кейт выдала:

– Друг, говоришь? Что-то не слишком заметно.

Матвею нечего было ответить. На минуту он как будто бы лишился дара речи.

– Они будут жить... – мрачно произнесла она. – Но с жизнью их будет связывать лишь возможность дышать, поскольку всё остальное время они будут только страдать и проклинять тот день, когда у них была возможность сдохнуть.

Женщина повернулась к нему спиной и направилась к негодующей толпе, но потом остановилась и ещё раз проговорила собирателю:

– Напомни Мише о нашей сделке. Тот исландец должен вернуться на «Мак-Мердо»: живым или мёртвым – мне всё равно. Он всё ещё заключённый станции, и уж с чем в одном я согласна с бывшим мэром, так это с решением о казни этого существа.

Через десять минут Матвей и Арина оказались в порту. Там они наткнулись на несколько трупов не то охранников, не то обыкновенных жителей.

Траулер исландца вместе с погруженным на его борт вездеходом стоял у причала и, судя по сброшенным швартовым и едва слышному гудению электрической силовой установки, был готов к отплытию.

Казалось, «Титан» едва помещался на палубе, занимая собой довольно весомое пространство. Издалека создавалось впечатление, что он был ещё одной надстройкой на колёсах в дополнение к той, что находилась в передней части корабля.

Само же судно выглядело довольно изношенным: металлическая обшивка выцвела от солнца и соли морской воды, синяя краска на большей части корпуса почти полностью облупилась, обнажая видневшуюся под ней серую сталь. На передней части борта была нанесена потёртая надпись, исходя из национальности хозяина судна, – на исландском.

Матвей сильно сомневался, что на подобной рухляди они достигнут хотя бы пролива Дрейка.

На палубе показался Йован. Заметив их, здоровяк сообщил об этом команде и поспешил покинуть судно, направившись навстречу друзьям.

Затем на борту появились и все остальные: Вадим Георгиевич, Надя, Ясир, исландец и... Миша.

Матвей уже твёрдо решил прикончить этого сукина сына сразу, как только они отчалият от станции.

Жить этому ублюдку оставалось недолго.

Глава 12. Убить сержанта

Малозкипажные суда стали возможны, благодаря инновационным решениям в сфере навигации и управления плавсредствами. Так, наиболее передовые модели судов теперь оснащаются интеллектуальными системами управления, что упрощает весь процесс и позволяет реализовать его всего одним квалифицированным человеком на мостике.

Важно отметить, что необходимый уровень подготовки такого капитана должен быть значительно выше, чем у традиционных членов экипажа. Этот моряк становится своего рода «человеком-оркестром», способным заменить целую команду.

Однако проблема состоит в том, что таких высококвалифицированных специалистов на рынке труда сегодня недостаточно. И этот фактор ставит перед нами вопрос о необходимости дополнительного образования и подготовки специалистов для работы с новыми технологиями в части технического обеспечения.

Также стоит подчеркнуть, что данная модель работает не только для новых траулеров со специализированными ледокольными устройствами, позволяющими плавать даже в экстремальных арктических условиях, но и для малых судов старой постройки. Однако траулеры класса В и старше, по-прежнему, требуют наличия экипажа. И всё же, по мере развития технологий, можно предположить, что в скором времени этот барьер будет преодолен.

Из отрывка научной статьи «Революция одиночества: автоматизация и судоправление будущего» за 17 июля 2053 года, со смартфона, найденного в 2112 году в городе Нью-Йорк собирателем Молли Браун со станции «Мак-Мердо».

25 января 2093 года

На пролив, по которому плыло судно, обрушился обильный снегопад. Пухлые хлопья основательно застилали обзор прямо по курсу, из-за чего пришлось сбавить скорость траулера во избежание столкновения с небольшими айсбергами.

В окружающем безмолвии слышалось лишь постукивание дрейфующих льдин о борт и отдалённый всплеск от ныряющих в воду тюленей, застигнутых врасплох большим механическим зверем из алюминия и стали.

Матвей и Йован стояли в задней части судна и, оперевшись на фальшборт, наблюдали за скрывающейся за горизонтом горой Эребус.

Обменявшись впечатлениями о своих похождениях этой ночью, ставшей, без сомнения, одной из самых сумасшедших в их жизни, они вот уже несколько минут молчали в раздумье.

В голове у Матвея, подобно эху, до сих пор отражался сдавленный голос Йована, которым он рассказывал о том, что случилось несколько часов назад:

«...он просто взял и сбил того охранника, Матвей. Этот хренов коротышка-прогрессист нажал на газ и проехался по нему, как ни в чём не бывало! И знаешь, что? Когда мы погружали вездеход на борт, я увидел болтающиеся кишки на колёсах! Того, сука, макмердовца! Они, наверняка, до сих пор там».

Было и ещё кое-что:

«...в порту завязалась перестрелка. Там было всего трое охранников. Этот араб и... Домкрат, чтоб ему пусто было. Так вот, они застрелили этих макмердовцев, не выходя из вездехода. Ты, наверное, видел возле иллюминаторов такие странные, узкие ящички? Я ещё пытался их открыть, когда мы были в пути, но не получилось. Хотел понять, что это такое. Оказывается, это не ящички, а дверцы, которые открывают такие узкие, горизонтальные щели наружу.

Просовываешь туда ствол винтовки и стреляешь, посматривая в иллюминатор. Вот они, таким образом, и перестреляли ту троицу».

Затем, следуя рассказу Йована, они с помощью опущенного пандуса въехали на борт и стали закреплять вездеход цепями, пока не объявился тот самый исландец в сопровождении Нади и сержанта.

«Не знаю, как у тебя, Матвей, а у меня от этого капитана кровь в жилах стынет. Рожа у него... ну, прирождённая мразь».

«Когда я не увидел тебя среди них, то сразу стал допытываться, куда ты делся. Потом сам допёр, что ты побежал выручать Арину, учитывая всё это сумасшествие. Собрался уже было бежать на выручку, а ты тут как тут, вместе с мелкой... слава Богу».

При упоминании Арины у Матвея внутри всё похолодело. С тех самых пор, как они оказались на борту, она не проронила ни слова – просто легла на койку в кубрике и молчала, отвернувшись к стене. О чём она размышляла, даже подумать было страшно.

Сегодня он чуть не потерял её.

Настал черёд Матвея рассказывать о произошедших с ним событиях. Он подробно описал всё содеянное сержантом, и какие это имело последствия. Также упомянул случай с Дэном, которого вместе с помощником чуть не зарезали у него на глазах. После чего Йован крепко сжал кулаки и, едва сдерживая гнев, произнёс:

– Хочешь сказать, этот вот усатый... это он устроил взрыв? И что он причастен ко всему этому мятежу?

– Получается, что так, – ответил Матвей и вынул из кармана револьвер Дэна. Открыв барабан, пересчитал патроны: пять из шести. Защёлкнул его обратно. – Он знал, что будет взрыв, Йован. Знал, что начнётся хаос и перестрелка. Он знал... и ничего не сказал мне, когда мы покидали «Берлогу».

Собиратель повернулся к здоровяку, лицо которого побагровело от ярости:

– Знал, когда я оставлял Арину там совсем одну.

– Ты думаешь о том же, о чём и я? – спросил Йован, нахмутив брови.

– Да, старина. И я надеюсь на твою помощь.

– Ох, ты её получишь, дружище, в трехкратном размере. Мне этот прогрессист сразу пришёлся не по нраву. Я даже буду рад разделаться с ним.

Выяснив, что мыслят они в одном направлении, двое мужчин проследовали к капитанскому мостику в надстройке, где собрались все остальные. По пути Йован заглянул в вездеход и прихватил там одну из винтовок, предварительно проверив наличие патронов в её магазине.

Приближаясь к мостику, они слышали словесную перепалку. Начальник прогрессистов рвал и метал:

– Учинить такое! О чём ты вообще думал, сержант?! Ясир, ты знал о взрыве?

– Нет, – уверенно ответил араб, с опаской поглядывая на сержанта. – Я знал только про оружие.

– Я не стал ему ничего говорить. Не хотел вмешивать во всё это.

Матвей осторожно выглянул из-за шлюзовой двери, чтобы лучше оценить обстановку на мостике. Вадим Георгиевич ходил из стороны в сторону и отчитывал сержанта, тот прислонился к стене со сложенными на груди руками. Надя сидела на самом крайнем сиденье и пустым, лишённым какой бы то ни было мысли, взглядом смотрела в пол.

Капитан-исландец стоял за штурвалом и наблюдал через панорамные окна за морем впереди по курсу; на запястьях его что-то блеснуло. Приглядевшись, собиратель заметил, что убийцу заковали в наручники.

Там же, рядом, стоял Ясир с оружием в руках, явно поставленный следить за каждым движением капитана.

Домкрата среди присутствующих не было видно. После рассказа Йована о том, как тот хладнокровно переехал макмердовца, уважения к этому тихоне, даже с учётом спасения команды из расщелины, у Матвея заметно поубавилось.

– Я лишь думал над тем, как выполнить поставленную передо мной задачу, начальник, – с ноткой упрёка в голосе заметил сержант. – Учитывая то «несчастное» количество времени, что было у меня в запасе, я не нашёл варианта лучше, чем диверсия для отвлечения внимания противника и дальнейшего освобождения капитана из тюрьмы.

– Диверсия?! Вот это ни хрена себе диверсия: взорвать пожарную станцию с чёртовым мэрмом «Мак-Мердо» внутри! – вдруг голос прогрессиста затих, и он растерянно спросил: – Минутку, а где ты достал взрывчатку?

– Да, чёртов ублюдок, расскажи всем, где ты достал взрывчатку, – грозно произнёс Матвей, выйдя одновременно с Йованом на мостик с оружием наперевес.

Исландец лишь украдкой оглянулся через правое плечо на вошедших, сохраняя абсолютную невозмутимость. Надя инстинктивно потянулась к кобуре, но в последний момент остановилась, осознав, что не успеет ничего сделать. Либо она попросту передумала и решила не вмешиваться. А вот Ясир всё же намеревался оказать сопротивление и направил винтовку в их сторону.

– Что ты хочешь этим сказать? – обратился Вадим Георгиевич к Матвею так, словно бы и не заметил, что он вместе с Йованом вломился на мостик с оружием в руках.

– Он не просто организовал диверсию, а помог повстанцам устроить всю эту резню в обмен на исландца, – собиратель револьвером указал на капитана.

– Что? – глаза старика метались от Матвея к сержанту.

– Это правда, – твёрдо ответил Миша. – Я помог им. У нас с той ирландкой была сделка: я помогаю им с установкой взрывчатки и её подрывом в нужное время, а взамен мы забираем исландца и траулер.

– Ирландка? – с недоумением спросил Вадим Георгиевич.

– Кейт, – подсказал Матвей. – Хозяйка «Берлоги». Мы встречались с ней прошлым вечером в баре.

– Она лидер сопротивления, – добавил Миша.

– Вы с Ясиром были на станции всего три дня, – с недоумением произнёс Вадим Георгиевич. – Как тебе удалось за столь короткое время стать частью бунтовщиков?!

– Это произошло случайно, – Миша с приподнятыми руками сделал шаг в сторону под прицелом восточников и, с их молчаливого позволения, сел в одно из кресел около навигационной панели судна. – Как только мы прибыли в «Мак-Мердо», то сразу отыскивали капитана, – сержант глазами указал на Лейгура, не сводящего взгляда с синего моря прямо по курсу. – Мы договорились на следующее утро осмотреть траулер, узнать, не соврал ли он о его вместимости, когда мы связывались с ним по рации. Как видите, не соврал. Ясир подтвердит мои слова, он был переводчиком.

На мгновение все повернулись в сторону араба.

– Да, всё так и было, – согласился тот.

Миша продолжил:

– Однако, утром мы узнали, что Эйгирсон, спустя пару часов после нашей встречи, прикончил ту семью на окраине станции и за совершённое преступление сидит за решёткой в здании, охраняемом десятками вооружённых охранников. Освободить его ради нашей экспедиции, само собой, никто не намеревался. Более того, по истечении трёх дней его собирались бросить за борт в ледяную воду, предварительно всадив пулю в затылок. Узнав об этом, я сразу стал искать ему замену. Обошёл с Ясиром в качестве переводчика всю станцию, расспрашивая, не остался ли в этот сезон на «Мак-Мердо» какой-нибудь капитан, но, как упоминал ранее, это ни к чему не привело. Все капитаны уплыли вместе с собирателями. Время истекало, надо

было что-то придумать, и я решил, как минимум, обзавестись оружием на случай непредвиденного решения сложившейся проблемы. Но как найти оружие на станции, где его наличие строго запрещено? Ответ на этот вопрос мог знать только тот, через кого каждый день проходят сотни жителей «Мак-Мердо», и чьи пьяные разговоры за стаканом бормотухи иногда перестают быть секретом.

– Кейт, – предположил Вадим Георгиевич.

Сержант кивнул и продолжил:

– Я встретился с ней у стойки, шепнул что надо, и она дала мне наводку на одного торговца на окраине станции, который ещё и говорил по-русски. Строго велела приходить одному, так что Ясира пришлось оставить.

– Угу, – подтвердил араб.

Матвей почувствовал, что держащая револьвер рука начала уставать.

– Когда я очутился на окраине станции, ох, и насмотрелся же я там... – рассказывал Миша, нарочито делая свой голос более драматичным, как казалось Матвею. – Все эти замёрзшие трупы, запах дерьма, холодрыга внутри контейнеров. Такой жизни никому не пожелаешь.

– Мы проходили мимо этих контейнеров, когда прибыли на станцию, – добавил шёпотом Вадим Георгиевич. – Злачное местечко.

– Торговца я нашёл достаточно быстро. Он, как и говорила Кейт, оказался русским, имени своего не назвал. Показал мне оружие, поинтересовался, для чего оно мне. Я не ответил. Затем он спросил: «Уж не для освобождения ли того исландского капитана из тюрьмы?» Я говорю: «Как ты узнал?», а сам уже приготовился, в случае чего, разобраться с ним.

«Просто сложил один плюс один, – ответил торговец, – ты вместе со своим смуглым другом нынче искал капитана на замену этому исландцу, верно?»

«Ну».

«Капитана ты не нашёл. Я это знаю, поскольку сам когда-то участвовал в рейдах. С ноября по март найти здесь капитана – всё равно, что отыскать куст сирени в этих краях. А тебе капитан, видать, позарез нужен. Вот ты и решил силой вызволить того исландца, несмотря на его преступление, судя по нашей встрече».

«Ты вот всё это говоришь, а не боишься, что я могу прямо сейчас прострелить тебе башку из твоей же собственной винтовки?»

«Ежели бы боялся, то и не говорил бы. Я, может, тебе, наоборот, помочь хочу».

«Вот как? С чего это?»

«С чего? Да хотя бы потому, что на парочку свиней, а может, и не на одну, станет меньше. Если ты не заметил, мы, простые макмердовцы, этих мразей на дух не переносим. Я про мэра и её свиту. Думаешь, будь всё хорошо, я бы сейчас толкал тебе это оружие? Да хрен там! Плавал бы себе и дальше в рейды, перевозил собирателей. Да вот только, чтобы выжить, мне пришлось продать моё судёнышко китайцам. Видишь ли, наш мэр удосужилась ввести обязательную „плату за охрану судна“ её шестёрками, что по мне выглядит как полноценное вымогательство! Слышал про мафию, сынок? Их методы! И попробуй слово поперёк вставить – нашлёт своих бугаёв прямиком в контейнер и разберут тебя на части. Уж я-то знаю, у меня кучу знакомых уже облапошили, а парочку и вовсе прикончили. Вот так вот».

«Ты, вроде, говорил о помощи?»

«Да. Я тебе так скажу, сунешься туда с винтовкой, пускай и со своим дружком-арабом – далеко не пройдёшь. В той старой общаге охранников тьма-тьмушая, тихо ты там ничего не провернёшь. Но есть у меня к тебе одно предложение, благодаря которому ты сможешь гарантированно вызволить исландца, при этом почти не столкнувшись ни с одной свиньёй».

«Я слушаю».

Торговец вышел на минуту из комнаты и принёс небольшой прочный чемодан. Щёлкнув замком, он открыл его и показал содержимое – чёрные гранулы во влагозащитных упаковках.

«Знаешь, что это?»

«Да. Это нанотермитная взрывчатка, которую использовали во времена Вторжения в войне с мерзляками».

«Она самая. Мне её привёз один знакомый собиратель с большой земли. Умеешь ею пользоваться?»

«Это и есть твоя помощь? Предлагаешь взорвать всю станцию к чёртовой матери?»

«Просто ответь, умеешь ли ты ею пользоваться?»

«Думаю, что да».

«Думаешь или умеешь?!»

«Я изучал её применение только в теории. На практике не доводилось».

«Что ж, думаю, и теории будет достаточно».

После чего он вернулся обратно в соседнюю комнату и вышел оттуда уже не один, а с Кейт, которая и направила меня к этому русскому торговцу оружием.

– Как оказалось, вся эта встреча была чем-то вроде проверки, – продолжил сержант после пересказа диалога. – Она искала человека, способного установить взрывчатку на сваях жилого блока и подорвать её в чётко установленное время. Кейт была осведомлена о крайней опасности нанотермита и понимала, что его необдуманное использование может привести к масштабному взрыву: даже небольшое превышение допустимой дозы способно взорвать всю станцию. Среди её людей никто ранее не сталкивался с этим веществом. За помощь в установке взрывчатки она предложила мне временно освободить исландца и использовать его судно.

– И ты согласился, – выдохнул Вадим Георгиевич.

– Это был единственный способ продолжить нашу спасательную экспедицию, начальник. Возможно, будь у меня больше времени, я придумал бы план поизыщнее, но, увы... К тому же у меня не было выбора, – его голос сделался заметно спокойнее. – Это всего лишь догадка, но, откажи я тогда Кейт, и меня, возможно, прикончили бы прямо в том контейнере. Эта ирландка не просто бабёнка, которая держит бар, как вы уже поняли. С такими, как она, лучше не шутить.

– Почему ты не сказал об этом сразу, как только мы пришли? – с недоумением в голосе спросила Надя. – Почему просто не предупредил нас, чтобы мы были готовы?

– Разве это непонятно? – Миша поднялся с сиденья и посмотрел в глаза Матвею. – Вы привели с собой не одного, а целых трёх восточников. Это могло поставить всю запланированную диверсию под угрозу.

– Это каким же образом? – буркнул Йован, сморщив нос. – Я что, побежал бы стучать на тебя?

Сержант повернулся к здоровяку.

– Почему бы и нет? – подхватил он насмешливое предположение Йована вполне серьёзным тоном. – С той ненавистью, которую вы питаете к прогрессистам, я вполне могу себе представить нечто подобное. Чёрт, далеко ходить не надо: двое восточников прямо сейчас держат меня на мушке! Это ли не доказательство?

– Да, согласен, слишком долго мы тебя держим на мушке. Надо бы кончать уже, и дело с концом! – заявил Йован. – Ну, Матвей? Давай уже пристрелим сукина сына.

Но собиратель не ответил. Он продолжал пытливо и с ненавистью поглядывать на сержанта.

– Если бы ты сейчас заглянул в кубрик, сержант, – начал Матвей с явными нотками ненависти в голосе, – то увидел бы там испуганную до смерти девушку, которую сегодня чуть не изнасиловал и убил один из тех выроdkов, устроивших резню на станции.

Краем глаза он заметил, как Надя привстала с места и, тяжело выдохнув, негромко выругалась.

– Более того, – собиратель шагнул к сержанту, игнорируя целящегося в него Ясира, – из-за твоей лжи мой некогда хороший друг теперь хочет моей смерти. И это несмотря на то, что мне удалось уговорить Кейт сохранить ему жизнь. А теперь скажи мне, сержант...

Матвей приблизился к виновнику его бед почти вплотную.

– ...не будь я восточником, а, скажем, палмеровцем, мирняком или с «Кейси», разве у меня не было бы причин разнести твой гадский череп? Поднял руки, живо!

Миша лениво поднял руки вверх, при этом он продолжал сохранять удивительное хладнокровие и спокойствие, несмотря на прямую и явно нешуточную угрозу пристрелить его на месте. Выражение лица сержанта совершенно не изменилось, оставаясь каким-то каменным и, словно бы, лишённым всяких чувств. Это восхищало и пугало одновременно.

– Что ж, да, вынужден признать, у тебя есть причины разнести мне мой гадский череп, – вполне серьёзным тоном подтвердил он. – Поэтому, если ты считаешь, что так будет справедливо, собиратель, можешь сделать это.

– Не носи пургу! – Вадим Георгиевич вскочил с места и в растерянности смотрел на обоих. – Матвей, прошу.

– Только лучше сделать это снаружи, – не обращая внимания на начальника, продолжил сержант. – Иначе потом вам придётся оттирать от крови эту навигационную панель, вытаскивать пинцетом осколки черепа из щелей и разёмов.

– Матвей, бросьте оружие, – уверенно произнёс Ясир. – Выстрелите вы – выстрелю и я.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – предупредил его Йован, держащий того на прицеле.

– Мне нечего сказать в своё оправдание, – продолжил Миша, – я делал то, что было необходимо. И я сделал бы это снова, если бы потребовалось, даже зная о последствиях.

– Сволочь... – прошептал Матвей, чувствуя, как в груди у него всё жжёт от ненависти к этому человеку.

– Как тебе будет угодно, – ответил тот, пожав плечами.

– Так, на этом судне не будет никакой стрельбы, ясно вам?! – Вадим Георгиевич попытался сделать отчаянную попытку всё уладить. – Нам и так стоило больших усилий попасть на борт!

У входного шлюза на мостик послышался резкий свист и передёргивание затвора.

– Да что б тебя! – послышался раздосадованный голос Йована. – Откуда ты взялся?

– Что такое, Йован? – не спуская глаз с сержанта, спросил собиратель.

– Твоего друга взял на прицел Домкрат, – ответил ему сержант, видевший всё, что творилось за спиной у Матвея. – И хоть прямо сейчас он не может говорить жестами, поскольку руки его держат мою любимую SRG-53, подозреваю, что он хочет, чтобы ты опустил револьвер, – а затем полушёпотом добавил: – Иначе один из твоих друзей сегодня точно умрёт.

В очередной раз вспомнив рассказ Йована про Домкрата и раздавленного макмердовца, Матвей понял, что этот тихоня вполне способен нажать на курок.

И правду говорят: в тихом омуте черти водятся.

Матвей отступил на шаг, снял палец с курка и положил револьвер на стол. Он обернулся и увидел стоящего на коленях Йована с руками на затылке.

– Надя, вели Домкрату убрать оружие, – велел Вадим Георгиевич.

Прогрессистка незамедлительно сделала несколько жестов, с волнением поглядывая на Йована.

В конце концов, Домкрат убрал винтовку в сторону и даже протянул здоровяку руку помощи, но тот, буркнув себе что-то под нос, отказался.

– Ясир, ты тоже опусти оружие, – приказал начальник.

Мужчина подчинился.

– А теперь я настоятельно рекомендую всем разойтись, чтобы остыть. Будет ещё время разобраться... – Вадим Георгиевич оглянулся в сторону сержанта. – С каждым, – эти слова он

адресовал лично ему. – Нам всем пришлось нелегко за последние сутки. Советую отдохнуть и прочистить голову.

– Слишком много жертв ради спасения одного человека, – Матвей произнёс вслух то, о чём думал с момента поднятия на борт траулера. – Слишком много жертв, – затем он обратился напрямую к Вадиму Георгиевичу, выглядевшему, несмотря на свои попытки сохранять спокойствие и рассудительность, страшно растерянным: – Рано или поздно я получу от вас ответ, ради чего на самом деле вы затеяли эту экспедицию.

Не желая более находиться в одном помещении с прогрессистами, Матвей незамедлительно покинул мостик. Йован молча отправился вслед за ним.

Нужно было проверить, как там Арина.

Кубрик траулера представлял собой довольно обширное помещение с десятью койками, застеленными кусками шкур и серого меха. Подушек не было вовсе, их заменяло разное тряпье, связанное в кучу толстой бечёвкой.

Рядом с койками стояли совершенно разные по цвету и форме тумбы, принесённые сюда с захваченных земель. Над каждой из них был прикреплён морской фонарь на китовом жире, освещавший жёлтым дрожащим огоньком небольшое пространство вокруг.

В самом центре кубрика находился прибитый к полу толстыми гвоздями круглый стол, на котором лежало множество книг и журналов времён до Вторжения. Вокруг него были не самые удобные с виду стулья и потрёпанные временем кресла с мягкой обивкой.

Среди моряков ходило поверье: корабль – это лицо капитана, его сущность. Когда Матвей впервые увидел траулер, такой старый и ободранный, лишённый всякого изящества, он не мог не согласиться с этим. Судно лишь подтвердило его представление об убийце-исландце.

Но когда собиратель вошёл в кубрик, весь этот сложившийся образ дал трещину. Несмотря на свою скромность и простоту, интерьер был так наполнен уютом и теплом, что Матвей даже почувствовал странную неловкость. Невозможно было представить, что такой уютный и тёплый траулер принадлежит тому, кто без малейшего колебания лишил жизни маленькую девочку и её отца.

Он заметил Арину в дальнем конце помещения. Девушка рассматривала большую карту мира, висевшую на стене между двумя койками. Услышав, как под его ногой скрипнула половица, она обернулась через плечо.

– Матвей, – тихо прошептала сестрёнка и вновь принялась изучать карту.

Собиратель безмолвно подошёл к ней и встал рядом, на мгновение задержав внимание на её плотной повязке, испачканной кровью. Возможно, кровью того самого хмыря...

«Нужно поменять её, когда будет возможность», – решил для себя Матвей.

Затем перевёл взгляд на карту, где виднелась парочка дыр. Изображение местами выцвело, но всё же было вполне пригодно для общего ознакомления.

Выждав немного, он осторожно обратился к девушке:

– Арин, послушай...

– Матвей, я... – Она немного склонила голову, потом вновь взглянула ему прямо в глаза. – Прошу, мы можем не говорить о том, что произошло? Я не хочу это вспоминать.

Он услышал в её голосе непоколебимую уверенность, заставившую его уступить.

– Как скажешь.

Арина крепко вцепилась в него и обняла.

– Спасибо тебе, спасибо... – она тяжело дышала, но не плакала.

Собиратель погладил девушку по спине, чувствуя, как у самого по всему телу бегут мурашки. Матвей хотел ей ответить, утешить в очередной раз, но у него словно дыхание перехватило, когда он осознал, что за минувшие сутки чуть не потерял её дважды.

И это они ещё даже не покинули Антарктиду.

Матвей почувствовал, как груз ответственности с этой самой минуты стал ещё тяжелее. Теперь обратного пути не было – его сестрёнка отправляется с ним в захваченные земли. И он должен сделать всё, чтобы вернуть её обратно живой и невредимой.

В это мгновение в кубрик пожаловали Йован и Надя. Их лица выглядели немного растерянными. Оба, словно зрители, опоздавшие на представление, тихо выдвинули стулья и сели рядом.

Перестав обниматься, Матвей заметил, как Арина украдкой смахнула всё же набежавшую одинокую слезинку и улыбкой встретила вошедших.

– Эй, – подмигнула ей Надя.

Та улыбнулась в ответ.

– Ну, что, мелкая, – подошёл Йован к девушке и приобнял её. – Уже обустроилась тут? – здоровяк окинул взглядом кубрик. – С виду, вроде, ничего. Чур, моя койка у иллюминатора!

Здоровяк поспешил занять койку, освещаемую бледным полярным солнцем.

– Не поможешь мне? – обратилась Арина к Матвею, кивнув в сторону карты. – Хочу отыскать место, где жила мама.

– Попробую, – согласился он.

– Берлин я нашла быстро, отец столько раз его показывал на нашей небольшой карте. А вот Архангельска там не было. Может, на этой карте он будет?

– Ну, это не трудно.

Матвей ткнул пальцем в верхний участок карты.

Арина долго смотрела на едва заметное название города, будто пытаясь вообразить, как он выглядит.

– Ты же был там, верно?

– Да, и не я один, – ответил Матвей, оглянувшись на обживающегося в кубрике приятеля. – Нам с Йованом довелось побывать там во время эвакуации. Архангельск был одним из немногих прибрежных северных городов, из которых вывозили людей.

– Ну, откровенно говоря, я там был и не был одновременно, – заявил здоровяк, – поскольку находился в животе моей матери. Так вот. Но это считается!

– Я тоже там была, – сообщила Надя. – Как и Вадим Георгиевич. Почти всё старшее поколение прогрессистов и впоследствии восточников прибыло на одном корабле напрямую оттуда.

– Верно, – подметил Матвей.

– погоди, погоди... – Йован повернулся к Наде, в его глазах читалось недоумение: – Сколько тебе было лет, когда началась эвакуация?

– Шесть.

– Шесть?! То есть... – он неотрывно смотрел на неё с чувством неловкости и удивления, одновременно что-то считая шёпотом, а потом спросил: – Получается, тебе сейчас тридцать девять?

– Ух ты, не думала, что ты способен делать в своей голове такие сложные вычисления. А что, выгляжу намного старше?

– Да нет же, как раз наоборот...

Надя потупила взгляд.

– Спасибо, – тихо поблагодарила она.

– А ты помнишь, как выглядел город? – спросила её Арина.

Прогрессистка увела задумчивый взгляд в сторону.

– Я запомнила только церковь на берегу, возле которой собирались люди в ожидании контейнеровоза. Внутри неё обустроили нечто вроде убежища, раздавали пищу, тёплую одежду, оказывали медицинскую помощь и всё в таком духе. Возможно, я даже видела Матвея.

– Да, я тоже помню эту церквушку, – подхватил собиратель и тяжело вздохнул. – Людей внутри было как сельди в бочке. Ты была там с родителями?

– С матерью и маленькой сестрёнкой. Отец скончался от Черни ещё за полгода до Вторжения.

Все присутствующие слегка склонили головы, как бы выражая свои соболезнования.

– Ты помнишь, что случилось тогда, Матвей? – настороженно задала вопрос Надя.

Собиратель понимающе кивнул и опустил голову.

– Лишь урывками, – ответил он.

– А что тогда случилось? – спросила Арина, смотря то на Матвея, то на Надю в ожидании ответа одного из них.

– Мерзляки, – выдала, наконец, прогрессистка. – Они появились как раз в то утро, когда прибыл контейнеровоз и началась погрузка выживших на борт.

– Постой... – перебила её Арина. – Но ведь эвакуация из Архангельска происходила в декабре, верно? – она посмотрела на Матвея, и тот кивком подтвердил её слова. – Как же тогда мерзляки очутились там? Ведь стояла зима...

– Всё из-за ветра, – сказал собиратель, – он принёс с собой тёплый фронт¹⁵ из северной Атлантики и обрушил на город нагретый воздух, дав возможность зайти пришельцам. Мы, собиратели, зовём это явление «Зубами», потому что его изображение на картах очень похоже на острые зубы.

– Да, я знаю, как они изображаются. Я, если ты вдруг забыл, настраивала тот самый метеодатчик, который показывала тебе... сколько, неделю назад? Господи, кажется, прошла вечность.

– М-да, не говори, мелкая, – глубоко вздохнув, согласился Йован.

– И что было дальше? – поинтересовалась Арина.

Матвей продолжил:

– Нам с отцом повезло, мы были на борту ещё до появления пришельцев. Я запомнил только страшную суету, происходившую тогда на корабле: экипаж напоминал муравьёв, в панике перемещающихся по тоннелям огромного муравейника. Это всё, что я запомнил.

На мгновение в кубрике повисла тревожная тишина.

– А ты, Надя, помнишь что-нибудь?

Все увидели, как прогрессистка стала нервно потирать руки, сильно сжимая пальцы.

– Да, – проговорила она так, будто выплюнула это «да».

– Ты тоже была на борту в момент нападения? – поинтересовался Матвей.

Прогрессистка покачала головой.

– Мы были внутри церкви, как раз перед самым нападением, – полушёпотом начала она, не поднимая взгляда от пола. – Вся эта толпа ринулась наружу, к контейнеровозу. Человек сто, может, больше... И мы в их числе, – её голос дрогнул, девушка сжимала пальцы всё сильнее. – Мама держала на одной руке Таню, мою сестрёнку, а другой тащила меня за собой. Я то и дело спотыкалась, она останавливалась, чтобы меня поднять... До сих пор помню, как мама кричала матом, прежде она никогда так не ругалась. А потом во всей этой своре людей стали раздаваться крики, вопли и... этот звук, похожий на щёлканье.

От одного только упоминания о «щёлканье» у Матвея сжалось сердце. Обыкновенно мерзляки издают его, когда готовы напасть на обнаруженную ими жертву. Услышав этот жуткий звук, собиратель рискует лишиться головы в любую секунду.

¹⁵ **Теплый фронт** – это граница между теплой и холодной воздушной массой, где теплый воздух замещает холодный. При приходе теплого фронта температура повышается, могут возникнуть облака и осадки, а также измениться направление ветра.

– Они раздирали отстающих на части. Началась паника, люди падали, давили друг друга, сбивали с ног... А затем раздались выстрелы. Солдаты на борту контейнеровоза открыли огонь по пришельцам, но из-за возникшей неразберихи стреляли не только по ним...

Надя вдруг прервала свой рассказ, шмыгнула носом и исподлобья посмотрела на остальных, словно борясь с желанием закончить повествование.

Но всё же она продолжила:

– Мама внезапно ослабила хватку и упала: одна из пуль попала ей в лоб, убив на месте. Я не сразу догадалась, что случилось. Сперва пыталась тянуть её за собой, умоляла подняться и освободить Таню, которую она придавила своим телом. Таня так сильно плакала, что у меня кровь стыла в жилах. Когда же поняла, что мама не встанет, то стала вытаскивать сестру за руку, опёршись ногами о мамины плечи. В этот момент, среди пронсящей мимо толпы, я впервые увидела одного из мерзляков: уродливую тварь с шестью длинными конечностями и белыми глазами, похожими на фонари. Он набросился на какого-то парнишку и разодрал его на куски, разбрасывая в стороны окровавленные останки. Я...

Её тело охватила дрожь. Надя резко встала, повернувшись ко всем спиной, и сделала глубокий вдох носом.

Арина подошла к ней и протянула руку.

– Надя, прости, я не думала...

Но прогрессистка, несмотря на вмешательство Арины, продолжила рассказывать дальше:

– Я просто представила, что эта тварь так же рвёт на части мою сестру, и это придало мне сил. Я вытащила её из-под тела матери, взяла на руки и смогла добежать с ней до пандуса контейнеровоза в самый последний момент.

Выслушав её страшный рассказ, Матвей почувствовал укол стыда, осознав, что не знал все подробности того страшного дня. Ведь он в это время находился в относительной безопасности на борту контейнеровоза.

Арина всё же отважилась приблизиться к Наде и обнять её.

– М-да, – тихо произнёс Йован, поглядывая на ледяную стену ледника Росса через иллюминатор.

В кубрик зашёл Вадим Георгиевич и рассеял своим появлением некоторую меланхолию, витавшую здесь до его прихода. Он быстро осмотрел присутствующих, присел на свободную койку и устало выдал:

– Миша и Ясир остались следить за исландцем. Кто-нибудь должен будет подменить их через пару часов, им тоже нужно отдохнуть. Договоритесь там между собой. А в середине дня соберёмся все на мостике и переговорим с нашим капитаном, обсудим предстоящий путь.

После чего лёг на койку и уже через минуту тихо похрапывал.

– Нам всем нужно поспать, – посоветовал Матвей.

– Согласен, денёк был тот ещё... – подтвердил Йован, разглядывая подушку из тряпья.

– Нам всем нужно поспать, – посоветовал Матвей.

– Согласен, денек был тот ещё... – подтвердил Йован, разглядывая подушку из тряпья.

Глава 13. Начало пути

Новые данные, разоблачающие истинные намерения России и США в Антарктиде, вызвали всемирное негодование. Оказывается, российская станция «Звёздная», позиционируемая прежде как научная, на самом деле является военной базой, в задачи которой входит мониторинг и урегулирование потенциальных конфликтов на антарктической территории. Она была построена в ответ на тайное развёртывание американской военной базы «Сент-Форест», которое грубо нарушает Договор об Антарктике 1959 года, декларирующий континент как демилитаризованную зону, предназначенную исключительно для мирных целей и научных исследований.

Напомним, что об истинном назначении американской станции стало известно в июне 2056 года, когда анонимный источник передал несколько сотен документов ведущим мировым СМИ. Утечка содержала подробную информацию о секретных военных операциях США в Антарктиде, в частности, о военной базе «Сент-Форест». Среди документов были планы построек, персональные данные руководящего состава, а также информация о военном оборудовании и технологиях, используемых на базе. Однако в Белом Доме до сих пор утверждают, что слитые документы не более чем «фейк», и Соединенные Штаты не нарушали никаких договорённостей.

Это и немудрено, потому что в центре конфликта находятся обширные залежи кобальта, обнаруженные в Антарктиде в начале пятидесятых. Кобальту придаётся такое большое значение в развитии экономики государств, что подогревает их военный интерес к матерiku. Существует опасение, что противостояние двух сверхдержав может перейти в горячую фазу ради контроля над этим важным ресурсом, что перечеркнёт все усилия по сохранению Антарктиды как зоны мира и науки.

Международное сообщество призывает к прозрачности и соблюдению Договора об Антарктике, в то время, как мир с тревогой наблюдает за дальнейшим развитием событий.

Отрывок из статьи «Холодная Война в Антарктиде» за 23 июня 2058 года на неизвестном новостном портале, со смартфона, найденного в 2101 году в городе Рейкьявик собирателем Геннадием Носовым со станции «Прогресс».

25 января 2093 года

Очередной кошмар вынудил Матвея пробудиться раньше обычного. Первые полчаса он тщетно пытался заставить себя снова уснуть, прогоняя прочь мелькающие перед глазами образы увиденных во сне покойников. Однако вскоре сдался, сел на край койки и осмотрелся. Вся команда мирно спала. Иллюминаторы кубрика заблаговременно были задёрнуты плотными занавесками от яркого полярного солнца, отчего в помещении было темно, хоть глаз выколи.

Собиратель на ощупь взял с тумбочки свой ваттбраслет и, стараясь не шуметь, закрепил его на левой кисти при помощи ремня, после чего проверил время: без пяти минут шесть утра. Затем он включил фонарик на ваттбраслете, заранее убавив яркость до минимума, отыскал с его помощью дверь и вышел наружу.

Оказавшись в коридоре, Матвей стал подниматься к мостику, пока не заметил на палубе Ясира, чем-то занятого на корме. Араб снял с себя обувь, разложил на полу коврик и шагнул на него. Несколько секунд постоял неподвижно, после чего поднял выпяченные ладони, большими пальцами коснулся мочек ушей и начал молиться.

Матвей почувствовал некоторую неловкость от того, что подглядывал. Ему показалось неуместным становиться частью некоего таинства, и он продолжил подниматься по металлических ступеням. Зайдя на мостик, собиратель застал там сержанта, сидевшего в кресле. Прогрессист вертел между пальцами патрон от револьвера, лежавшего на столике, там, куда последний раз и положил его Матвей после минувшей разборки.

Когда Миша заметил вошедшего собирателя, то лишь на мгновение окинул его взглядом, а затем продолжил играть с патроном.

– Пришёл на замену Ясира, собиратель? – с безразличием в голосе спросил сержант. – Не стоит, иди спать. Я справлюсь.

Стоявший у штурвала исландец повернул голову, лениво посмотрел в его сторону и вернулся к управлению судном. Казалось, он так и не сдвинулся с места с самого их отхода из бухты «Мак-Мердо».

Не считая нужным отвечать прогрессисту, Матвей сел напротив него и молча смотрел на развернувшееся водное пространство. Море было относительно спокойным, айсбергов не видно, и лишь окружающие траулер льдины мешали набрать ему максимальную скорость.

Время от времени негромкий монотонный гул работающих механизмов разрывал стук металла откуда-то из недр судна.

– Так не пойдёт, – раздался голос сержанта.

Собиратель бросил в его сторону вопросительный взгляд.

– Заступать на дежурство со мной, не будучи вооружённым. Кто знает, на что способен наш новый исландский друг? – Миша цокнул языком и кивнул на Лейгура. – Мне нужен кто-то, на кого я могу положиться, если капитан вдруг решит выхватить у меня оружие.

– Тогда настало время вернуть мне мой револьвер, – Матвей взглядом указал на оружие, лежавшее на столике рядом с сержантом. Собиратель, разумеется, соврал, револьвер не принадлежал ему, но он дал себе зарок обязательно вернуть его хозяину, как только снова пересечётся с Дэном.

Матвей верил, что обязательно встретит его ещё раз.

В ответ на просьбу Миша ухмыльнулся.

– Видишь ли, – начал он, – в том-то и проблема, что я не хочу отдавать тебе этот револьвер. Кто знает, может, как только я это сделаю, исландец станет моей наименьшей проблемой на этом мостике?

– Не исключаю этого, – честно и со всей серьёзностью ответил собиратель.

Сержант улыбнулся. Его пышные усы смахивали на распростёртые крылья орла. Он потянулся к револьверу, откинул барабан и вставил туда патрон. После чего лёгким и решительным движением руки вернул его в корпус.

Матвей заметил, как исландец покосился на сержанта и некоторое время держал взгляд на блестящей от яркого света мушке револьвера. Сам же собиратель даже не шелохнулся, пытаясь показать этому выскочке, что ни капли его не боится.

– Бывал когда-нибудь на станции «Звёздная»? – спросил внезапно сержант.

Собиратель отрицательно покачал головой.

– Я прожил на ней почти половину своей жизни. Меня и ещё с десятков прогрессистов отправили туда обучаться военному ремеслу, когда мне было десять. Если ты не в курсе, то во время Вторжения на эту станцию эвакуировали, в основном, высший военный состав с их семьями, так что опытных солдат там было хоть отбавляй. Так вот, к концу обучения остался только я и Ваня Новиков, остальные либо не выдержали и вернулись на «Прогресс», либо... – Миша щёлкнул пальцами и натянул улыбку на лицо.

– И что, думаешь, это должно как-то заставить меня бояться тебя? – до сих пор не понимая, к чему тот клонит, спросил его Матвей.

– Вовсе нет. Я лишь хочу донести до тебя одну маленькую мысль, собиратель. Всё, чего я прошу, это выслушать меня до конца.

– Ну, попробуй, – вяло бросил ему собиратель.

Миша встал с кресла, сжимая револьвер в руке.

– Я не зря спросил тебя про «Звёздную», – начал он. – Видишь ли, побывав там, тебе было бы проще понять. Эта станция нечто больше, чем просто убежище. «Звёздная» – это последняя надежда всего человечества, оплот благоразумия и единственное место на Земле, которое действительно может называться цивилизацией.

Матвея рассмешили его слова.

– Если всё, что ты говоришь, правда, то почему я почти ничего не слышал об этой станции?

– В этом-то и вся суть, собиратель. Жители «Звёздной» ведут, если можно так выразиться, почти затворнический образ жизни. Они редко заявляют о себе, контактируют с другими лишь в целях торговли и почти никогда не пускают к себе чужаков. На станции проживает около двух тысяч человек, но уровень их жизни ничуть не хуже, чем у людей до Вторжения.

– Чушь, – собиратель отказывался верить.

– Поэтому я и говорю: тебе было бы проще понять, оказавшись там и увидев станцию воочию. Никаких убийств, отсутствие краж, голода – как электрического, так и пищевого. Всё на «Звёздной» работает как часы, с каждым годом делая эту станцию всё лучше и лучше. И знаешь, благодаря чему им удалось достигнуть такого успеха?

Сержант щёлкнул курком револьвера. Матвей почувствовал холодок, пробежавший по спине.

– Благодаря кровавой чистке, – закончил Миша.

Его голос балансировал на грани безумного возбуждения и мрачного спокойствия.

– Во время Адаптации за главного там был генерал-полковник Железнов – суровый мужик. На «Звёздной» он устроил настоящую чистку, избавляясь от тех, кто был ему не по душе, кто не мог или не хотел следовать его строгим правилам. Но это всё было необходимо. В новом мире, который нас ждал, только жесткая дисциплина и строгий порядок помогли этой станции стать такой, какая она есть сейчас. Не сделай он этого, и со временем «Звёздная» стала бы вторым «Мак-Мердо» с его голодом и смертями.

– Значит, этот Железнов – что-то вроде твоего кумира, а? – издевательски подметил Матвей. – Ну, теперь-то всё встало на свои места.

– Генерал был моим военным инструктором, – словно не услышав издёвки в свою сторону, ответил Миша, – и, помимо военного ремесла, научил меня многому, например, кровопусканию.

Он замолчал на мгновение, словно хотел убедиться, что Матвей его слушает.

– Видишь ли, в медицине существует такая процедура, как кровопускание. Это метод лечения, при котором из пациента забирают определённое количество крови. Его использовали в древние времена, когда врачи верили, что таким образом можно избавиться от «плохой» крови и тем самым вылечить болезнь. Раньше этот способ применяли, когда в крови пациента было слишком много железа или эритроцитов, тогда кровопускание могло спасти его жизнь.

Миша замолчал и почему-то посмотрел на исландца.

– Мы наносим определённую дозированную боль, чтобы избавиться от ещё большего страдания. Вот и всё. Именно это я и сделал на «Мак-Мердо»: взорвал десятки людей, чтобы спасти сотни, а может, и тысячи жизней. Понимаю, как это звучит, но в той реальности, в которой мы теперь живём, нет места для жалости. Теперь наш мир – это огромное поле боя, где подойдут любые способы для выживания.

Сержант сделал шаг к Матвею и поднял револьвер.

– Это всё, что я хотел сказать.

Он подбросил оружие и развернул его рукояткой к собирателю.

Матвей осторожно взял револьвер.

– Знаешь, всё же мне не помешает немного вздремнуть, – зевая, произнёс Миша, – я позову кого-нибудь тебе за компанию. Есть предпочтения?

– Нет, – буркнул Матвей.

– Тогда разбужу Домкрата. С ним не соскучишься, это точно.

Сержант взял с собой винтовку и молча направился вниз, в кубрик.

Матвей взвесил револьвер в руке, почувствовав его тяжесть (и где только Дэн его откопал?), а затем задумался над словами, сказанными Мишей.

Неужели, и впрямь, существует такая станция? Странно, что он ничего про неё не слышал. Возможно, этот прогрессист ему нагло врёт, желая оправдать свой чудовищный поступок.

Но даже если это было правдой, и сержант, действительно, руководствовался мотивом «кровопускания», то на кой чёрт ему сдался «Мак-Мердо»? Станция, на которой он находился первый раз в жизни, и до которой ему, в сущности, не было никакого дела.

Либо этот Миша – убедительный лжец, способный запудрить голову, либо за этим поступком скрывается нечто большее.

Но что именно?

Внезапно Матвей увидел, как исландец отошёл от штурвала и грузным шагом направился к небольшому дивану.

– Эй, – собиратель взвёл курок. – Далеко собрался?

Капитан бросил на него ленивый взгляд.

– Передохну немного, – ответил он на английском и, не дожидаясь разрешения, лёг на диван, отвернулся и немедленно заснул.

Матвей не возразил. Даже таким, как этот, нужен отдых, чтобы управлять посудиною в одиночку.

Поздним утром на мостик зашла Арина с чашкой кипятка и несколькими кусками сушёного мяса. Выглядела она совершенно иначе: бодрой, даже немного весёлой, несмотря на случившееся. От девушки веяло домашним теплом, в которое хотелось окунуться с головой.

– Там все проснулись, завтракают. А я вот к тебе заскочить решила. Ты, наверное, голодный.

Она поставила кипяток и мясо на ближний столик.

– Спасибо, – ответил Матвей с тёплой улыбкой.

Арина украдкой посмотрела на вновь застывшего на пост Лейгура, подремавшего от силы час, если не меньше.

– Слушай, – прошептала таинственно она, – а мы точно плывём в нужном направлении? А то вдруг он нас куда-то заведёт.

– Не переживай, – успокоил её собиратель, – я много раз плавал в этих водах, мы держимся правильного курса.

– Надеюсь, – осторожно произнесла Арина, не спуская глаз с исландца. – Он... пугает меня.

– Не бойся, – Матвей положил руку на её хрупкое плечо.

Они ещё немного поболтали о скромном завтраке, вспомнили «Восток», который, по ощущениям, покинули лет десять назад, а затем на мостик пожаловала почти вся команда во главе с Вадимом Георгиевичем.

– Всем полярного дня, – сказал он, зевая, и обратился к Матвею. – Ну, как обстановка?

– Нормально, – ровно ответил собиратель.

– Это хорошо, хорошо. Я вот что думаю, надо бы всем нам сесть за вот этот стол и поговорить с капитаном. Поскольку вчера у нас не было ни сил, ни времени, полагаю, сейчас настал такой момент. Матвей, можешь перевести ему мою просьбу?

Собиратель кивнул и обратился к исландцу:

– Лейгур, надо поговорить.

Капитан послушно кивнул, дёрнул один из рычагов и заглушил двигатель траулера. Теперь был слышен лишь плеск воды за бортом и размеренное дыхание собравшихся.

Исландец подошёл к столу (Арина, оказавшаяся у него на пути, осторожно попятилась и отошла к Наде) и встал у самого его края. Его тяжёлый взгляд медленно прошёлся по всем собравшимся.

– Шайтан, – прошептал под нос стоявший рядом с Матвеем Ясир.

– Ну? – обратился исландец, опёршись своими волосатыми руками на стол.

– Я хочу знать все детали предстоящего путешествия, – Матвей дословно перевёл ему слова прогрессиста.

Вместо ответа Лейгур направился в сторону приборной панели судна, дотянулся до небольшого шкафчика, закреплённого на стене, и достал оттуда пожелтевший рулон.

Под настороженные взоры присутствующих (сержант так и вовсе держал руку на винтовке, готовясь, в случае чего, в любую секунду пустить её в дело) исландец вернулся к столу и рулоном, будто это указка, показал на Матвея.

– Ты ведь собиратель?

– Да, – немного опешив, ответил тот.

– Какая по счёту вылазка?

– Двадцать третья.

Лейгур одобрительно хмыкнул и отдал рулон ему в руки.

– Тогда ты и сам можешь им всё рассказать. Если этот старик хочет, чтобы мы добрались до его дочери как можно скорее, я вернусь за штурвал.

Пробормотав что-то на исландском, Лейгур, как и сказал, вернулся к панели управления, повернул рычаг, и траулер снова пришёл в движение.

– Не понял, это как понимать? – растерянно произнёс Вадим Георгиевич.

Сержант взял винтовку и направился к капитану, но Матвей вытянул руку, веля ему остановиться.

– Всё нормально. Брифинг на мне.

Он осторожно развернул рулон. Это была довольно старая карта мира, немного меньше той, что висела в кубрике. Но главное её отличие заключалось в том, что она вдоль и поперёк была изрисована метками, по всей видимости, нанесёнными непосредственно капитаном. По крайней мере, так думал Матвей, поскольку большинство надписей были сделаны на исландском.

На карте имелись отмеченные жирными точками безопасные прибрежные города, доступные в зимний период времени. А также обозначены опасные участки Атлантического океана, где могли повстречаться мерзляки, и ещё множество непонятных отметок крестиком и кружочками, о предназначении которых знал лишь владелец карты.

– Что это? – спросил Йован с любопытством в голосе.

– Это называется карта, – подтрунила над ним Надя.

– Да знаю я, что это карта. Просто такую, расписанную всяким, прежде не видел.

– Ну, прямо карта сокровищ, – вставил своё Вадим Георгиевич.

– Так, сейчас мы находимся здесь, в море Росса, – выдохнул Матвей.

Он ткнул пальцем в синий участок внизу карты:

– Мы будем двигаться на северо-восток, пока не достигнем пролива Дрейка, а уже оттуда выйдем в Атлантический океан.

– И сколько это займёт? – задал вопрос Вадим Георгиевич. В его голосе ощущалось нетерпение.

– До пролива дня три, может, четыре. Плыть быстрее пока не получится. Для начала нам нужно покинуть Антарктику. Когда выйдем в Атлантические воды, ускоримся до тридцати, а может, и до всех тридцати пяти узлов.

– И сколько дней мы будем плыть до порта?

Матвей задумался, проводя расчёты в голове. Он взглядом прочертил маршрут далеко на север, – единственный, который вёл их к порту Санкт-Петербурга. Вот они достигают северной части Атлантического океана, после проходят через пролив Ла-Манш, оттуда – в Северное море, затем – в Балтийское...

– Недели две, может, больше, – заключил собиратель. – Если, конечно, не возникнет никаких трудностей на пути.

Вадим Георгиевич набрал воздуха в грудь и медленно выдохнул, плюхнувшись на стул.

– Вы же не думали, что мы доберёмся туда за пару дней? – вполне серьёзно спросил его Матвей.

– Нет, не думал. Более того, я знал, что это займёт приблизительно столько времени, просто... просто услышать это вслух от кого-то куда тяжелее, нежели знать у себя в голове.

Казалось, от указанного срока путешествия даже воздух стал плотнее.

Несколько секунд все молчали, пока вперёд не вышел сержант и не поинтересовался:

– Ты упомянул про трудности на пути.

Матвей кивнул.

– Какого рода трудности?

– Да, например, неисправность судна, шторм, мерзляки.

Все всполошились.

– Стоп, ты сказал мерзляки? – переспросила Надя.

– Да.

– Но ведь... мы будем на воде, а они... Разве они перемещаются по воде?

– Нет, не перемещаются. Они летают над ней.

Лицо Нади побледнело, как, впрочем, и лица остальных участников экспедиции.

Матвей пальцем указал на карте область океана между Африкой и Южной Америкой, заштрихованную исландцем ровными косыми линиями. Эта отметка немного приободрила его: по крайней мере, их капитан знает, с чем имеет дело, раз пометил эту зону.

– Видите этот участок? Он находится в субэкваториальном поясе¹⁶, между пятью и пятнадцатью градусами северной и южной широты, – собиратель обвёл границу озвученной им территории. – Температура воздуха в этом регионе всегда держится между двадцатью пятью и тридцатью градусами Цельсия, что является прекрасным условием для мерзляков. Поэтому здесь, между Южной Америкой и Африкой, иногда встречаются Летуны – один из видов пришельцев. Они летают между континентами каждую зиму.

– Как перелётные птицы? – предположила Арина.

– Вроде того, – отчасти согласился с ней Матвей.

– Только птицы не такие огромные и не хотят тебя сожрать, – буркнул Йован.

Матвей почувствовал, как среди собравшихся нарастает напряжение.

– Послушайте, территория субэкваториального пояса огромна, и вероятность того, что мы столкнёмся с мерзляками, не настолько велика. Но, даже если это и произойдёт, нам не о чем беспокоиться: летуны, хоть и опасные, но, в отличие от своих побратимов, крайне тупые твари. Они могут пролететь мимо траулера и даже не обратить на него никакого внимания. Да

¹⁶ **Субэкваториальный пояс** – это зона, расположенная вблизи экватора Земли. В этом районе климат обычно характеризуется высокими температурами круглый год, небольшими колебаниями температур в течение года и высокой влажностью.

и, в конце концов, будь этот путь настолько опасен, по нему не отважился бы плыть ни один капитан, а уж тем более с собирателями на борту.

– Ты прежде проплывал этот... пояс? Как там его? – уточнил Йован.

– Несколько раз. В основном все свои рейды я совершал через Тихий океан, там более безопасно.

– Звучит многообещающе, – с нескрываемой иронией произнесла Надя.

– Я и не знал, что среди них есть те, которые летают, – прошептал задумчиво Вадим Георгиевич, а затем с опаской в голосе спросил: – А они... обитают в местах, куда мы направляемся?

– В европейской части России их нет, – поспешил заверить его собиратель. – Я не учёный, но с уверенностью могу сообщить: насколько мне известно, ни один собиратель не встречал летуна за пределами экваториального или субэкваториального поясов. В основном, именно там обитают самые опасные виды мерзляков, о которых ходят легенды.

– Например? – Арина подалась вперёд.

– Ты и впрямь хочешь это знать? – нехотя спросил у неё Йован.

– Почему нет? Я люблю легенды.

Но тут вмешался Вадим Георгиевич:

– Я тоже, но давайте оставим их на потом. У нас впереди и так долгая дорога, будет ещё время на легенды, – затем он снова обратился к собирателю: – Как нам остаться незамеченными для этих летунов?

– Пока мы будем проплывать пояс дальше на север, – продолжал Матвей, – все должны находиться в кубрике и ни в коем случае его не покидать. Как я уже упомянул, мерзляку корабль может быть совсем не интересен, но если он заметит на борту человека... Полагаю, многие из вас не понаслышке знают, что за этим последует.

– И сколько нам нужно будет сидеть взаперти? – задал вопрос сержант.

– Дня два, может, три. За это время мы покинем пояс и окажемся в безопасной зоне.

На лицах участников экспедиции возникла тень тревоги. Молчание на мостике становилось давящим. Все внимательно смотрели на карту, отмеченную косыми линиями, словно пытаясь увидеть сквозь неё самое сердце опасности.

– Даже любопытно, были всё же случаи нападения этих самых летунов на корабли или нет? – спросил Йован.

– Если и были, – честно ответил Матвей, – мы этого никогда не узнаем. Каждый год одно судно с собирателями, а то и несколько, не возвращаются из рейда. Возможно, до них добрались летуны, или мерзляки убили на захваченных землях. Не исключено, что у них просто сдох аккумулятор. Причин могут быть тысячи.

– Главное, не стать тысяча первой причиной, – сообщил всем Йован.

– Как ты думаешь, – обратился Вадим Георгиевич к Матвею и кивнул в сторону капитана, – на него можно положиться? Проведёт он нас через этот пояс?

Собиратель взглянул на затылок исландца, словно пытаясь понять, что же именно творится у того в голове. Можно ли ему доверять? Нет. Конечно же, нет. Но вот в том, что он был матёрым капитаном, сомнений не было. Исписанная вдоль и поперёк карта являлась хоть и маленьким, но наглядным тому доказательством.

– Да, в этом деле, думаю, на него можно положиться, – честно ответил он.

В полдень Матвей по старой привычке решил, на всякий случай, как следует изучить отсеки траулера.

Сначала он посетил машинное отделение. Аккумулятор – сердце судна – тихо гудел и слегка подрагивал. Рядом лежали ящики с заряженными батареями на случай подзарядки. Те самые, что он видел ещё на «Титане» во время поездки в «Мак-Мердо». Такое судно будет

жрать две, а то и три батареи в сутки, однако имеющегося количества более чем достаточно, не только чтобы добраться до намеченного пункта, но и на обратный путь.

Прогрессисты, и впрямь, не жалели ресурсов для этой экспедиции.

Убедившись, что машинное отделение в порядке, собиратель проследовал к трюму в центральной части судна. Помещение оказалось гораздо меньше, чем он ожидал: набитое всяческим хламом и тесное, оно, тем не менее, создавало небольшое упорядоченное пространство. На глаза попадалось множество барахла с захваченных земель, по всей видимости, выменянного у собирателей. Здесь была и старая мебель, и сломанные аккумуляторы машин, и пластиковые коробки с разной мелочью, и огромное множество электрических приборов: фены, бритвы, планшеты, системные блоки. Все эти вещи можно было дорого продать на рынках станций, но, судя по толстому слою пыли на них, хозяин судна не торопился этого делать.

После складских помещений были морозильные камеры, в которых когда-то хранили замороженную рыбу. Теперь из всего множества холодильников работала лишь парочка, под завязку набитая всем имеющимся у них запасом пеммикана, рыбы и прочего мяса.

Завершив разведку, Матвей поднялся на палубу и заметил Домкрата с сапёрной лопатой в руках. Прогрессист подошёл к «Титану» и начал соскребать примёрзшие к переднему колесу куски плоти и внутренностей. Всё это он делал с таким спокойным выражением лица, что Матвею сделалось дурно.

«Хорошо, что Арина этого не видит», – подумал он и проследовал в заднюю часть судна. Там, облокотившись на фальшборт и наблюдая за нескончаемой кромкой ледника Росса, собиратель предался размышлениям о сложившейся ситуации.

Судно было в порядке, хоть изначально и произвело на него неприятное впечатление своим заброшенным видом. Лейгур, несмотря на его прошлое, виделся ему хорошим капитаном, по крайней мере, опытным.

А вот команда... С командой ему ещё предстоит поработать. Да и с сержантом он точно не закончил.

Но всему своё время, впереди долгая дорога.

Матвей до сих пор не мог свыкнуться с тем, что он снова вернулся на опасную дорожку собирателя.

Глава 14. Братство

Антарктический полуостров не всегда был пристанищем бандитов и пиратов. В эпоху до Вторжения эти земли не вызывали особого интереса у большинства стран. Отсутствие кобальтовых залежей делало полуостров непривлекательным для инвестиций, поэтому он стал территорией крохотных научных и туристических станций.

В отличие от восточной и центральной Антарктиды, где открытие залежей кобальта привело к установке долговременных ветряков и продвинутых жилых комплексов для полярников, полуостров оставался отсталым и изолированным. Годы спустя его жители были вынуждены, помимо рыболовного промысла, заняться пиратством и стали совершать набеги на суда собирателей ради ценных ресурсов, добытых в захваченных землях.

Полуостров, лишённый крупных промышленных объектов и оборудования, стал своего рода «ничейной землёй», где закон и порядок, даже моральные устои, со временем перестали иметь какое-либо значение.

Из доклада профессора Лукаша Новака об истории Антарктического полуострова, 2140 год.

29 января 2093 года

Долгий полярный день завершился на четвёртые сутки путешествия команды на борту траулера, когда они прошли вдоль берегов Земли Королевы Мэри и оказались в водах антарктического полуострова.

К одиннадцати часам вечера солнце решило спрятаться за горизонтом. Возвышающиеся на материке, справа по борту, горы превратились в громадные силуэты, меж которых просвечивал блеклый оранжевый свет, пока вскоре всё вокруг не погрузилось в мягкую тьму.

Стоял полный штиль. Траулер слегка покачивался на спокойной поверхности воды, создавая призрачные ряби. К счастью, погода была благосклонна к путникам, и за все эти дни они столкнулись лишь с незначительным штормом и большим куском дрейфующего льда, который пришлось обходить, потеряв несколько часов.

Но более всего притягивали внимание тысячи звёзд, одна за другой появляющихся из-под занавеса угасающего солнца. Они пленили своей красотой, заставив пассажиров траулера, несмотря на царивший снаружи холод, выйти на палубу и, задрав вверх головы, любоваться созвездиями.

– Забавно, – прошептал Йован, сверкнув глазами в ночном сиянии.

Он стоял на палубе рядом с остальными и размышлял вслух:

– На «Востоке» звёзды всегда предвещали приход полярных ночей: холодных, долгих и смертельных. Я боялся засыпать, мечтая о тепле, выглядывал в окно и молился, чтобы ночь не пришла. А тут она совершенно не страшная.

– Молись – не молись, а ночь и зима всегда приходят в одно и то же время, – подметила Арина, её голос звучал немного осуждающе.

– Да знаю я, – отрезал Йован, в его речи прозвучали нотки горечи, – Просто... Просто я надеялся... Да, не важно, в общем-то.

– На чудо, возможно? – осторожно добавила Надя.

Йован посмотрел на неё, его взгляд стал мягче, и он согласно кивнул.

– Повезло же станциям на полуострове, – завистливо вздохнула Арина, – у них полярной ночи практически нет. И выход к океану значительно ближе.

– У них и без полярных ночей хватает проблем, – сообщил ей Матвей, украдкой поглядывая на океан, в котором плавали ледяные глыбы. – Мне довелось побывать на нескольких станциях полуострова ещё несколько лет назад. Там всем заправляют банды, пираты и прочие рейдеры. Кошмарят все станции в округе. Дэн говорил... – при мысли о друге внутри у него всё сжалось и стянулось в узел. Он выдохнул и продолжил: – Дэн говорил, что с тех самых пор там стало ещё хуже.

Вадим Георгиевич заметил:

– Несколько наших отправились на станцию «Палмер» года два тому назад. Помнишь, Миш? Крылов и этот... как его.

– Евсеев, – подсказал сержант.

– Да, точно, Евсеев, – Вадим Георгиевич обратился к остальным: – Мой брат отправил их туда на поиски учёных-биологов, которые работали там ещё до Вторжения. Хотели предложить им сотрудничество.

– Учёных-биологов? – Йован нахмурил брови. – На кой чёрт вам сдались учёные? Помоему, от них никакого толку.

– Напротив. У нас, на «Прогрессе», имеется лаборатория, где мы ведём некоторые исследования, которые, возможно, помогут нам в будущем.

– Это какие такие исследования?

– Всякие, – вмешался в разговор Миша. – Меньше знаешь – крепче спишь.

Здоровяк сжал кулаки и поджал губы, но промолчал.

– И? – спросила Арина у Вадима Георгиевича.

– Что «и»?

– Они нашли этих учёных?

Вадим Георгиевич спешно ответил:

– Нет, не нашли. Более того, с тех самых пор мы про них ничего не слышали. Мы отправляли небольшой отряд на «Палмер», выяснить, что произошло... – Матвей уловил, как Вадим Георгиевич смотрит на сержанта, по всей видимости, намекая на то, кого именно он послал на далёкую станцию. – ... Но они как сквозь лёд провалились. Никаких следов.

– У них было при себе много батарей с ваттами? – поинтересовался собиратель.

– Ящик. Рассчитанный на дорогу туда и обратно, плюс небольшие затраты на самой станции.

– Значит, эти ваши двое уже давно на дне океана, в этих вот водах. Должно быть, много трепались, вот и сболтнули лишнее, – Матвей почувствовал горечь во рту и сплюнул за борт. – Приходя на эти станции, нужно казаться нищим. В противном случае, укокошат за парочку ватт, про батареи так вообще молчу.

– Ты упомянул пиратов, – нахмурившись, заметил сержант, озабоченно вглядываясь в морскую даль. – Нам следует их опасаться?

– Это вряд ли, – уверенно ответил Матвей, своим тоном успокаивая остальных. – Обычно они совершают набеги на суда с собирателями во второй половине марта, когда трюмы доверху набиты добычей с захваченных земель. Пираты могут быть жестокими и беспощадными, но не тупыми. Тратить ватты на бестолковое плавание просто так не будут.

– Довелось с ними сталкиваться? – спросил Миша.

– Было дело... Те ещё отморозки, еле отбились, – Матвей ухмыльнулся, но его глаза остались холодными. – У каждого моряка и собирателя пираты по шкале ненависти стоят сразу после мерзляков. Нет ничего унижительнее, чем отдавать грабителям всё, что было собрано потом и кровью, когда проживал каждый день как последний и молился, чтобы не достаться мерзлякам. И вот что действительно забавно: они обычно не причиняют вреда нам, собирателям. Знают, гады, что мы в следующем году продолжим нашу работу, вернёмся на захваченные

земли – жить-то надо как-то, и снова будут нас ждать, чтобы ограбить. Они даже придумали для нас прозвище: «ишаки».

– Мерзавцы... – возмутилась Арина.

– Да, представляю, – согласился Йован, – я бы лучше сдох, но ни винтика, ни гаечки этой сволочи не отдал.

– Верим, верим, – иронично улыбнулась Надя, чем вызвала у него заметное смущение.

Дежурить на мостике выпало Матвею и Йовану.

Едва заступив на пост, здоровяк уже тихонько кемарил, сидя в кресле и свесив подбородок на плечо. Холодный свет лампы падал на его щетинистое и местами грубое лицо. Кудрявые волосы выглядывали из-под тёплой кепки с «ушами», которую тот начал носить с тех пор, как ступил на борт.

Матвей не стал тревожить сон товарища: он и в одиночку вполне справлялся с надзором за их капитаном. Да и не было сна ни в одном глазу. Впрочем, как и во все другие ночи...

Ко всему прочему, приходило постепенное понимание, что исландец вряд ли пойдёт на какую-либо глупость. На борту куда больше людей, которые точно смогут дать ему отпор. Да и вёл он себя все эти дни тихо, не придраться. Хотя, с другой стороны, это можно было расценивать не иначе, как отвлечение внимания. Кто его знает, на что ещё способен этот человек?

Матвей заметил, что капитан, равно как и он сам, практически не спит, почти всё время находясь за штурвалом. Лишь пару раз за сутки отходил, оставляя управление судном и позволяя себе подремать в кресле часа полтора, от силы два. Затем, как штык, возвращался на пост.

Одним словом, Лейгур Эйгирсон был не то психопатом, не то человеком суровой закалки, а может, и самим воплощением дьявола, которому человеческие потребности чужды.

Матвей почувствовал, как его ноги стали затекать от долгого сидения на одном месте. Он подошёл к переднему окну и начал всматриваться в ночной океан, держа руку на револьвере.

– Ты сын Славы Беляева?

Поначалу ему показалось, что услышанное на русском языке померещилось. Собиратель даже посмотрел в сторону Йована, вдруг тот решил подшутить? Нет, лежит, как лежал, даже не шелохнулся.

И только потом Матвей понял, что вопрос ему задал именно исландец.

– Ты... Ты... – он чувствовал себя растерянным. – Ты говоришь по-русски?

– Немного.

Матвей побледнел. Перед ним словно возникло привидение.

– Почему раньше не сказал?!

Не отрывая взгляда от курса впереди, тот спокойно выдал:

– Хотел узнать, кто вы есть на самом деле, – он кивнул через плечо, указывая на кресла.

Последние три дня в них сидели те, кому довелось следить за капитаном. Они говорили за спиной исландца много всякого, даже не подозревая, что на самом деле их подслушивают.

– То есть ты шпионил за всеми нами.

– Можно и так сказать, шпионил в открытую, – на его лице мелькнула издевательская ухмылка.

Излагал мужчина свои мысли очень даже на хорошем русском, почти без акцента.

– Говоришь, знаешь русский немного? Так и не скажешь.

– Я переправлял очень много русскоговорящих собирателей с разных станций, вот и нахватался от них, – спокойным, даже немного успокаивающим голосом сказал Лейгур. – Но спасибо. Сочту твои слова за комплимент.

Матвей взглянул на Йована, тот всхрипнул и положил голову на другое плечо.

– Так это ты? Его сын? – повторил свой вопрос Лейгур.

– Откуда ты знаешь его? – вопросом на вопрос ответил Матвей, всё ещё находясь в некоторой растерянности от внезапного открытия.

Лейгур открыл было рот, чтобы что-то сказать, но вдруг их обоих отвлек мелькнувший справа по курсу свет прожектора.

– *Þjóful sjávarinn!*¹⁷ – сквозь зубы прошипел на родном языке исландец и быстро нажал несколько кнопок на приборной панели.

– Это ещё что? – с недоумением произнёс Матвей.

– А ты как думаешь?

«Пираты», – прозвенело у собирателя в голове.

– Но... ведь...

– Да, в это время года они сидят у себя в норах. Но, видать, кто-то в «Мак-Мердо» слил им информацию, что сюда движется траулер, набитый под завязку батареями, навороченным вездеходом и кучей оружия в придачу. Видимо, за нехилый такой процентик.

– Чёрт... – Матвей схватился за голову, понимая, что и ему следовало бы догадаться о подобном раскладе. – Йован! Просыпайся!

Здоровяк всполошился, резко вскочил и схватился за винтовку:

– Что? Кого? Куда?!

Но Матвей не ответил ему. Он взял рацию, чтобы связаться с кубриком.

– Приём? – через минуту ответил сержант. Судя по уверенному и твёрдому голосу, он тоже не спал всю ночь.

– У нас проблемы, к нам приближается судно пиратов.

Услышав причину сумятицы, Йован поспешил к окну, вглядываясь в ночь.

– Принял. Отбой, – ответ сержанта был чётким, без лишних расспросов.

– Где они? Не вижу... – здоровяк приложил ладонь ко лбу, словно это могло рассеять мрак ночи.

– Вон там, восточнее, – указал пальцем исландец.

– Да где? Я не... – затем глаза Йована округлились, пришло понимание, что ему ответил Лейгур. – погоди, ты... ты на нашем говоришь?

– Йован, потом, – Матвей понимал, что сейчас дорога каждая секунда, и обратился к капитану: – Сможешь уйти от них?

– Нет. Слишком много льда, ещё и айсберг может попасться. На такой скорости разобьёмся.

– И что будем делать? – здоровяк выглядел растерянным.

– А что мы обычно делаем с паразитами, желающими покуситься на наше добро? – Лейгур ударил ногой по нижней панели под штурвалом, открыв дверцу тайника с широкой полкой. Внутри лежало помповое ружьё и металлический ящичек из-под конфет, видимо, там хранились патроны. – Мы их истребляем.

– Так, так, так, – Йован прицелился в исландца. – Отойди-ка от этой штуковины.

– Это мой корабль, – строгим голосом заявил капитан, обращаясь и к Йовану, и к Матвею одновременно. – И я имею законное право защищать каждый его сантиметр от всякой пиратской швали.

В голове собирателя гудело от размышлений. Слишком много важных решений нужно было принять за короткое время.

Исландец вытянул вперёд свои скованные наручниками руки:

– Можешь заковать меня в них в ту же минуту, когда всё это закончится. Я не буду возражать.

Йован встретился взглядом с товарищем и покачал головой, выражая свой протест:

¹⁷ Дьявол морской! (исл.).

– Не стоит...

– Время истекает, – требовательно сообщил Лейгур.

Принять решение – снять наручники с капитана – Матвею помог простой вывод: все эти три дня оружие было у исландца прямо под ногами. Несмотря на постоянное дежурство рядом с ним остальных членов экспедиции, всё же иногда выпадали минуты, когда он оставался на мостике совершенно один. Этого времени вполне хватило бы, чтобы вооружиться, да и наручники не стали бы большой помехой, вздумай Лейгур нажать на курок.

Матвей достал переданный ему сержантом ключ от наручников и освободил руки капитана.

– Зря ты это, Матюш. Зря.

Лейгур окинул здоровяка безразличным взглядом и нагнулся, чтобы взять ружьё. Однако Матвей взвёл курок и приставил револьвер к его виску, отчего исландец замер с вытянутой рукой.

– Я знаю, что ты сделал. Поэтому хочу заранее тебя предупредить: если ты рассчитываешь, что, после участия в этой заварушке, на тебя ниспадёт наше благоволение, и все вдруг резко забудут твоё преступление, можешь об этом даже не думать. Ты меня понял?

– Как скажешь, – произнёс тот в ответ.

Матвей убрал револьвер в сторону, дав капитану возможность взять ружьё, а затем нажал на кнопку вызова рации:

– Сержант, приём. Где вы?

В ответ раздался шорох рации и голос Нади:

– Матвей, это я, Надя. Мы в кубрике. Слышали какой-то странный удар по борту меньше минуты назад.

– Значит, они уже на корабле, – заключил Лейгур.

– Идём к вам, – спешно ответил собиратель и отключил рацию.

Втроем они покинули мостик и спустились по лестнице.

– Матюш! – громко прошептал Йован. – Гляди!

Здоровяк взглядом указал в иллюминатор, открывающий обзор на палубу. Там, в слабом свете прожекторов, осторожно двигались человеческие фигуры с оружием в руках. Несколько из них приблизились к «Титану» и обошли его сбоку, а остальные, человек десять, направились к надстройке с мостиком и кубриком.

– Надо найти сержанта и остальных, – прошептал Матвей, поймав себя на мысли, что рад присутствию на борту человека с военной подготовкой.

– А где исландец? – в недоумении спросил Йован.

И правда, стоявший прежде у них за спиной капитан как сквозь землю провалился, заставив Матвея немедленно пожалеть о своём решении и засомневаться: а не заодно ли он с пиратами.

– Вот же сволочь! – громко прошипел здоровяк.

– Идём, поищем наших. Разберёмся с ним потом.

Они спустились в кубрик, где были настороженно встречены членами команды. Прогрессисты направили было оружие на вошедших, однако, признав в них своих, расслабились и продолжили подготовку к схватке с пиратами.

Матвей обшарил взглядом кубрик и не обнаружил Вадима Георгиевича с Ариной.

– Я отправила её в складское помещение, – предугадав вопрос Матвея, ответила ему Надя. – Начальник вместе с ней. Велела им спрятаться и не высовываться.

Матвей посмотрел на неё с признательностью и поблагодарил:

– Спасибо, – а затем поспешил сообщить: – Они на палубе.

– Так быстро? – сержант присоединил магазин к винтовке.

– Боюсь, что да.

– Капитан на мостике?

Матвей почувствовал сковывающее его чувство вины:

– Не совсем.

– Что значит не совсем? – Миша сделал к нему шаг.

– Я освободил его.

– Освободил? На кой чёрт?

Внезапно снаружи раздался визг динамика, за которым последовал хриплый голос незнакомца, заставивший всех в кубрике задрать головы.

Говорили по-русски:

– Нам известно, что на борту девять человек: четверо с «Прогресса», трое с «Востока», один с «Тахадди» и капитан с «Мак-Мердо».

– Откуда он... – хотела задать вопрос Надя, но сержант шикнул на неё, не отводя взгляда с потолка.

– Также нам известно, что некоторые из вас обладают военной подготовкой, – продолжил голос. – И один из ваших в звании сержанта, наверняка, уже что-то затевает. Но должен предупредить, нас здесь значительно больше. Советую не делать глупостей и выйти на переговоры: только так нам удастся избежать кровопролития, – голос на секунду затих, а затем добавил: – Даю три минуты на размышления.

Сказанное пиратом лишь подтвердило предположение Лейгура: кто-то из «Мак-Мердо» сообщил на полуостров о том, что они будут проходить здесь. Но кто? И, главное, зачем?! Неужели только ради наживы?

В голове Матвея нарастал вихрь вопросов, который он с трудом заставил утихнуть ввиду сложившегося положения. По крайней мере, пока.

– Надя, – голос Миши звучал строго и злобно. – Там, возле входа на мостик, есть лестница, ведущая на крышу надстройки, откуда вся палуба как на ладони. Приказ поняла?

– О, да, сержант.

Она взяла винтовку, оснащённую небольшим оптическим прицелом, и направилась к выходу. Матвей вдруг вспомнил про её «Лапочку», но той при девушке прямо сейчас не было.

– Будешь нашими глазами, – сержант прикоснулся к своему уху, и только сейчас Матвей увидел небольшой наушник, от которого тянулся едва заметный проводок.

Надя кивнула и вышла в коридор.

Йован пошёл за ней, но остановился, как только услышал очередное распоряжение сержанта:

– Ты... Йохан?

– Йован, – строго поправил его здоровяк.

– Йован и ты, Ясир, попробуйте пробраться в заднюю часть судна. Пройдёте внизу через машинное отделение.

– Принято, сержант.

Йован колебался, и тогда Матвей, сочтя распоряжение сержанта дельным, одобрительно кивнул другу, чтобы тот послушаться приказа столь невыносимого его сердцу прогрессиста.

Здоровяк фыркнул, что-то гневно пробормотал и пошёл следом за Ясиром.

– Домкрат, – Миша показал армейский жест товарищу. – И ты, собиратель, пойдёте на палубу. Переговорим с нашим пиратом, потянем время, пока ребята занимают позиции.

– Собираешься устроить пальбу? – спросил у него Матвей.

– А ты что предлагаешь, собиратель? Сидеть и думать?

– Напротив, – честно ответил он. – Здесь я солидарен с твоими методами решения проблем. Эти сволочи другого языка не понимают.

Удивительно, но слова Матвея были встречены сержантом довольной улыбкой.

– Просто хочу тебя предупредить об осторожности, – заметил собиратель. – Этих головорезов не стоит недооценивать.

– Нас тоже, собиратель. Но, на всякий случай, пойдём-ка и прощупаем их. Посмотрим, что они из себя представляют.

Они покинули кубрик, поднялись по лестнице и встали возле шлюза, ведущего на палубу. Прижавшись к стене, приготовили винтовки.

Матвей и сержант по очереди заглянули в небольшой иллюминатор и разглядели в полутьме на палубе небольшое движение.

– Осталась минута! – вновь прохрипел голос в громкоговорителе.

– Надя, ты на месте? – шепнул себе в правую ключицу сержант.

Матвей услышал тихий ответ из наушника:

– Почти. Две минуты.

– Ясир? – Он ещё раз нажал на ключицу. – Где вы?

– Проходим через машинное отделение, – раздался мгновенный ответ.

– Будьте наготове.

– Принял, сержант.

Миша посмотрел на Матвея.

– Я, как ты уже понял, не силён в дипломатии, поэтому... – он кивнул в сторону палубы, давая понять, что передаёт ему инициативу ведения переговоров.

Собиратель недовольно вздохнул, подошёл ближе к иллюминатору и, как можно громче, произнёс:

– Почему бы вам не убраться на хрен с нашего корабля?

Затем взглянул на сержанта, пожал плечами и сообщил:

– Я тоже не слишком силён в дипломатии.

Голос пирата прозвучал через несколько секунд, на этот раз без громкоговорителя:

– Разумеется, но только вот с этим чудным вездеходом, – издали послышались глухие удары о стальную обшивку «Титана». – Поэтому предлагаю капитану направить судно прямо к берегу, где мы выгрузим эту махину, а вы продолжите плыть туда, куда плыли. И никакого кровопролития!

– Размечтался... – со злостью прошептал Миша.

– Сержант, я на позиции, – раздался в крохотном динамике шёпот Нади.

– Сколько их там? – спросил её командир.

Следом раздался вопрос главного пирата:

– Ну, что скажешь? Советую думать быстрее, моим ребятам становится холодно, а холод, как известно, делает людей злее и раздражительнее.

Матвей осторожно выглянул в окошко иллюминатора и заметил движение. Шайка бандитов сокращала дистанцию с надстройкой, приближаясь к ним.

– Они движутся к вам, – подтвердила его наблюдение Надя. – Я насчитала тринадцать... нет, четырнадцать человек. Ещё справа по борту вижу вражеское судно, немного меньше нашего, метров пятьдесят от нас. Там, на борту, тоже наблюдаю движение.

«Четырнадцать человек, – думал про себя Матвей, – чертовски много...»

– Сержант, приём! – раздался взволнованный голос Ясира в рации.

– Да, Ясир.

– Противник внутри судна, рядом с машинным отделением, – шептал араб. – Пять человек.

– Готовьтесь к бою, – приказал он.

– Принял.

– Надя?

– Готова, сержант. Они совсем близко от вас.

– Ну, что? – вновь прозвучал голос главаря пиратов. – Согласен на сделку? Время почти на исходе.

– По моей команде... – Миша поднял винтовку, передёрнул затвор.

Вдруг раздался тихий, почти незаметный гул, и всё вокруг погрузилось во тьму. На несколько секунд повисла звенящая тишина, которая прервалась недоумевающими голосами на палубе и шумом.

Матвей видел перед собой лишь половину лица сержанта, освещённую синевой ночного неба.

– Что за... – Миша связался с подчинённой: – Надя?

– Свет на палубе погас, – ответила она незамедлительно. – Ни черта не вижу, сержант.

Раздался плеск воды, словно кто-то упал за борт.

– Фонари на браслетах! Включите фонари! – зазвенел в воздухе встревоженный голос пирата, который на этот раз обратился ко всем на английском.

На палубе один за другим замелькали слабые огоньки света. Белые кружки металась по сторонам, словно потревоженные хищником зверьки.

Сумятицу на палубе усилил внезапно раздавшийся вопль. Так мог бы кричать тот, кого живьём резали на куски.

– Что за хрень там происходит? – Миша вглядывался в темноту палубы, пытаясь что-то там высмотреть.

Снаружи суетливо металась лучи фонариков. Слышалась английская и русская речь, голоса были взволнованы.

Матвей прислушался.

– Кого-то убили... – произнёс собиратель, весь превратившись в слух.

– Убили? В смысле?

– Они говорят, что зарезали какого-то Майка...

Снова отдалённый крик. На этот раз в задней части траулера.

– Надя, видишь что-нибудь?

– Не пойму, сержант. Видать, кто-то прикончил одного из них. Они собрались возле трупа, светят на него фонарями. Выглядят встревоженными. Ясир, твоя работа?

– Нет, мы всё ещё в машинном отделении, – немедленно ответил араб. – У нас здесь пятеро, как и говорил. Готовы вступить в бой с противником.

– Надя, можешь работать по ним? – спросил сержант.

– Думаю, смогу ориентироваться по фонарям. Только скажите.

– Огонь по готовности. Ясир – то же самое.

– Эй! – крикнул пират. – Мы предлагали всё решить мирным путём, а ты решил так, ублюдок? Мы от вас мокрого места не...

Раздался свист пули. Голос пирата резко перешёл в булькающий звук, а затем раздался глухой удар, словно на пол грохнулся мешок с картошкой.

– Этого завалила, – отчиталась Надя.

И тут началось.

Тихую ночь у берегов Антарктического полуострова разорвал грохот дробовика. Пираты закричали и начали стрелять в разные стороны.

Снова просвистела пуля из оружия Нади.

– Минус один, – сообщила она.

– Выходим, – приказал сержант и открыл дверь наружу.

Они сразу же заняли укрытие на палубе. Сержант осторожно поднял голову и, ориентируясь на луч света от ваттбраслета, прицелился в одного из пиратов, а затем выстрелил.

Винтовки прогрессистов были оснащены встроенными глушителями, Матвей заметил это, ещё когда впервые взял одну из таких в руки. Поэтому источник выстрела остался незамеченным, а вот его результат ещё больше всполошил мечущихся по судну пиратов:

– Бродяга! Они Бродягу грохнули!

– Откуда стреляют?!

– Чего вы встали? В укрытие, придурки! В укрытие!

Снова раздался грохот помпового ружья, и Матвей вдруг догадался, кто именно сорвал переговоры, вырубив электричество на всём судне.

Выстрелы звучали всё чаще. Пираты вели беспорядочный огонь в сторону надстройки, возле которой Матвей с остальными заняли позиции.

Звон вонзающихся в обшивку судна пуль раздражающим гулом отдавался в ушах. В воздухе, пронизывая холод и темноту, повис острый запах пороха и горящего металла. В небе мелькали светлые полосы от трассеров.

Матвей вдруг увидел корабль пиратов, о котором ранее упомянула Надя. Он, и правда, был небольшим, раза в два меньше. Удивительно, учитывая сколько человек в нём помещалось.

Прямо сейчас там происходила суeta. В слабом свете прожекторов, освещающих вражеское судно, собиратель заметил мечущиеся в разные стороны человеческие фигуры, которые готовили к спуску шлюпки.

– Надо добраться до вездехода, – спокойно заметил Миша, выглядывая из-за укрытия. – Надя, что скажешь?

– Они отходят назад на корму, сержант. Группируются.

– Отлично. Ясир, встретишь их там?

Ответа не последовало.

– Ясир?

Молчание.

– Чёрт... Ладно. Пошумим... – он повернулся к Домкрату и показал ему несколько жестов рукой. Тот положительно кивнул.

– Надя, – продолжил мужчина, – прикрывай нас с собирателем, мы попробуем подбраться к «Титану».

– Поняла, сержант.

Матвей хотел было спросить, на кой чёрт им двигаться к вездеходу, но не успел: Миша уже схватил его за плечо и громко велел:

– Шевелись!

Пуля пролетела у самого уха, едва не зацепив. Сердце готово было вот-вот выпрыгнуть из груди. Дыхание участилось. Всё тело, несмотря на холод, стало горячим и липким от пота.

Матвей отвечал огнём из револьвера вслепую по мелькающим впереди лучам света. Нашли пиратов или нет, оставалось только гадать. То же самое делал и сержант.

Вскоре они окунулись в относительную безопасность укрытия в виде массивного тела вездехода. Несколько пуль ударились о металл «Титана», вызвав звон и искры.

Послышался шум мотора лодки. К врагу приближалось подкрепление, сопровождаемое громкими переговорами.

– Прикрой меня, – приказал сержант Матвею.

– Куда ты?

– Надо попасть внутрь «Титана». Прикрывай же!

Миша резко сдвинулся с места и побежал к двери вездехода, попутно отстреливаясь. Матвей продолжал вести ответный огонь, пока вдруг не почувствовал, что нажатие на спусковой крючок выдавало лишь механическое щёлканье.

Барaban был пуст, а патронов при себе у него не было.

– Кретин! – обозвал себя собиратель, понимая, как же это было глупо: вступить в бой с одним только револьвером.

Вдруг он почувствовал движение рядом. Огромный силуэт навис над ним, подобно горе, и в руках его было что-то острое и внушительное.

Матвей хотел было увернуться, но неизвестный схватил его за шкурку и откинул в сторону, спасая от появившегося из ниоткуда пирата. Затем спаситель ловко вонзил огромный нож в брюхо неприятеля, заставив того выронить автомат и тихо заскулить. Силуэт поднял обмякшее тело и бросил его в сторону побратимов. Лучи их фонариков сразу же упали на мёртвое тело.

– Суки! Твари! – раздалась ответная брань. – Вы трупы! Трупы!

Матвей уже успел включить собственный фонарик ваттбраслета и в блеклом свете увидел Лейгура. Торс исландца был обнажён, всё его тело украшало множество татуировок, которые собиратель не сумел разглядеть как следует за ту долю секунды, что свет фонаря успел осветить капитана.

В руках у исландца было мачете, за спиной на ремне висело то самое ружьё, а на голове, у самого лба, закреплено довольно массивного вида устройство.

От мужчины ужасно разило потом и металлическим привкусом крови.

– Погаси свет, – велел он, закрыв ладонью фонарик.

Матвей так и сделал, быстро ткнув пальцем в иконку на сенсорном экране, а затем обратился к исландцу:

– Где ты был?!

– Защищал своё судно, – Лейгур надвинул на глаза то самое устройство, которое, как оказалось, являлось прибором ночного видения. – И продолжаю его защищать.

Он подобрал с пола автомат пирата и протянул его Матвею.

Вдруг дверь вездехода открылась, и оттуда выскочил сержант. На плече он держал нечто, напоминающее трубу.

– Прикрывай, прикрывай меня! – орал Миша.

Матвей и Лейгур тут же прикрыли его огнём, благо теперь было из чего стрелять.

Сержант занял позицию возле столба подъёмного крана, присел на колени и из этой самой трубы прицелился в судно пиратов.

Тут-то до Матвея дошло, что это за труба.

Среди грохота пуль прозвучал новый шипящий звук. На мгновение палуба озарилась оранжевым светом, а затем выпущенная из РПГ ракета полетела напрямик в судно пиратов.

В следующий момент воздух разрезал оглушительный взрыв, сопровождаемый вспышкой, как будто в этот короткий отрезок времени там, на воде, разгорелось новое солнце. Металлические ошмётки корабля разлетелись в разные стороны, падая в воду дождём и образуя маленькие плавающие огоньки.

Затем гроыхнуло ещё раз, должно быть, взорвался двигатель, и корабль, словно смертельно раненый могучий зверь, издал мучительный металлический скрежет. Однако вражеское судно не торопилось идти ко дну.

Забыв обо всём, Матвей стоял на палубе, будучи не в силах оторвать взгляд от этого притягательного и одновременно ужасного зрелища. Сержант, воспользовавшись переполохом и образовавшимся среди ночи ярко-оранжевым светом, открыл огонь по пиратам в задней части судна.

– Надя, займись подкреплением на воде! – кричал он, отдавая приказ.

На крыше надстройки послышалось тихое «шлёп, шлёп». Пули, похожие на длинные искры в небе, пролетали над головой напрямик в сторону, где плыл катер с пиратами. Захватчики резко развернулись и поплыли обратно к берегу, минуя охваченный огнём корабль, в ярком свете которого были видны человеческие фигуры, прыгающие в ледяную воду.

Ясир и Йован появились в задней части траулера и обеспечили огневую поддержку сержанту, зажимая врагов с двух сторон. Остатки пиратов на палубе были окружены. Не прошло и минуты, как бандиты были перебиты, а их окровавленные тела, освещённые огнём, остались лежать на палубе.

Один из них, раненный в живот, пытался отползти под вездеход, но, к несчастью, его заметил исландец. Он резко вытащил пирата за ногу – им оказался лысый мужчина средних лет, одетый в чёрную куртку, – замахнулся machete и всадил лезвие прямо ему в лоб.

Лейгур с ненавистью произнёс что-то на исландском и харкнул в лицо труп. Теперь Матвей смог хорошо рассмотреть татуировки с рунами, надписями и прочими символами языческого происхождения, что украшали грудь и спину капитана.

– Да, понял тебя, можешь спускаться, – ответил в рацию сержант, не отрывая взгляда от исландца. – Надя говорит, что всё чисто. Те, что оставались в лодке, дали дёру.

К ним приблизились Ясир с Йованом. В глазах здоровяка играли отблески от пожара на корабле пиратов.

– Не много ли взрывов с пожарами за последние десять дней? – спросил он.

– Почему не отвечали? – обратился сержант к Ясиру.

Араб вытащил из кармана повреждённое устройство для переговоров с болтающимся на проводе наушником.

– Угодили прямо в рацию, сержант. Сантиметром левее...

Сержант хлопнул его по плечу, как бы снимая все претензии.

– В машинном отделении чисто? – спросил он.

– Если не считать пять трупов, чище некуда, – ответил за Ясира Йован и демонстративно выставил вперёд винтовку. – Показали мы этой сволоте, а?

– Ничего не задели? – уточнил Лейгур по-русски.

Прогрессисты лишились дара речи, только Ясир растерянно спросил:

– Погодите, я один услышал, что он...

– Да, он на нашем изъясняется, как на родном, – объяснил ему Матвей и, предвзяв следующий вопрос, поспешил добавить: – Я сам узнал об этом за две минуты до нападения. С меня взятки гладки.

– Нужно проверить, не задели вы что-нибудь ненароком. Если пуля угодит куда не надо, то, как только заведём двигатель, можем оказаться на их месте, – Лейгур указал на горящий корабль. – И никакие ракеты не понадобятся.

– Тебе не холодно без куртки-то? – поинтересовался Йован, осматривая его с ног до головы.

Исландец не ответил и направился в сторону машинного отделения.

– Я пойду к Арине, – сообщил Матвей. – Чёрт, ну и устроили вы тут... Я скоро.

– И начальника позови, – велел сержант.

Подходя к надстройке, Матвей встретился с Надей, которая тоже не могла оторвать взгляда от уходящего ко дну корабля, на мгновение превратившего эту тихую ночь в беспокойный день.

– Твой командир – настоящий пироманьяк, да? – он задал вопрос и, не дожидаясь ответа, зашёл внутрь.

Матвей спустился к кубрику, вышел в коридор и вскоре оказался в складских помещениях. Электричества здесь, как и на всём корабле, не было.

– Арина? – крикнул он в тёмное и холодное помещение, затем включил фонарик на ватт-браслете.

Ему никто не ответил.

Собиратель насторожился и потянулся к револьверу, но нащупал только пустоту. Он так и оставил его там, на палубе. Да и будь он при нём, всё равно патронов там не было.

Проклятье!

Он осторожно шагнул вперёд и круг света от фонаря упал на лежащее лицом в пол тело. Это был Вадим Георгиевич. Рядом с ним блестела лужа крови.

Сбоку раздался голос:

– Замри!

Матвей почувствовал, как в горле застрял ком. Стараясь особо не двигаться, он незаметно потянулся к ящику справа в надежде нащупать что-нибудь, что сгодилось бы в качестве оружия.

– Руки! Подними руки!

– Слушай...

– Подними руки, или я пристрелю тебя так же, как и этого старого хрыча! Понял меня?

Руки!

Голос был молодой, дрожащий, более того, испуганный. От такого можно ожидать чего угодно.

Собиратель послушно поднял руки в надежде, что за ним кто-нибудь последовал.

Голос тем временем чуть ли не с истерикой продолжал:

– Что это был за грохот, а? Почему больше не стреляют?

Матвей, не отвечая на его вопросы, заметил:

– Поверь мне, сейчас для тебя самым лучшим вариантом будет опустить оружие.

– Отвечай на вопрос! – истерично произнёс тот. – У тебя ровно три секунды, или я...

Вдруг послышался глухой металлический удар. Затем, уже ставший знакомым, звук упавшего пистолета, а за ним и его обладателя.

– Матвей! – раздался возглас Арины.

Собиратель навёл свет фонарика в сторону, где только что стоял неведомо как проникший сюда пират. Теперь на его месте находилась Арина со старой чугунной сковородкой в руках.

Возле её ног лежал, как и предполагал Матвей, совсем молодой парнишка, лет шестнадцати, может, и того моложе. Волосы кудрявые, лицо бледное, до ужаса худой.

Из его макушки текла кровь от удара сковородой.

– Теперь мы, вроде как, квиты, да? – дрожащим голосом произнесла девушка.

Глава 15. Пленник

30 января 2093 года

Понадобились усилия трёх человек, чтобы переместить Вадима Георгиевича в кубрик. Несли его, в основном, сержант и Надя, Ясир же на ходу осматривал пулевое ранение в живот.

Дорога была каждая секунда.

– Крепче держи, крепче!

– По ступенькам осторожнее.

– Под ноги, под ноги смотри!

Йован предложил заменить Надю, но та наотрез отказалась. Прогнала его и сказала, что всё сделает сама, чем вогнала здоровяка в ступор.

Сопровождавший их до палубы Матвей отметил, что за троицей тянется кровавый след, наводящий на неприятные мысли об участии начальника прогрессистов.

– Он пытался защитить меня, – провожая их взглядом, тихо сказала Арина. – Когда этот парень оказался внутри, Вадим Георгиевич велел мне спрятаться, а сам попытался разобраться с ним, обойти его сзади, но... Тот как-то услышал его и выстрелил.

Матвей захотел прижать её к себе, но она отпрянула, скрестив руки на груди.

– Надеюсь, с ним всё будет в порядке.

– Я тоже, – ответил собиратель, хоть и мало в это верил.

Арина опустила голову и увидела, что стоит в ручейке крови, испачкавшей её обувь. Она обернулась и осмотрела палубу, заваленную трупами, а затем перевела взгляд на догорающий корабль пиратов.

– Не спрашивай, – заранее предугадав её вопрос, произнёс Матвей.

Со стороны задней части судна к ним шёл Лейгур, по-прежнему обнажённый до пояса. Его борода покрылась небольшим инеем, тело было красным от холода и измазанным кровью.

Девушка невольно попятилась от исландца.

– Плывём дальше, – обронил он, проходя мимо.

Арина проводила его ошарашенным взглядом и шепнула:

– Он?..

– Да, говорит по-русски, – Матвей увидел Йована, бредущего в их сторону. – Потом расскажу.

Собиратель обратился к товарищу:

– Ну, жив он?

– Жив, жив, – ответил тот и заметил Арине: – Ты того парня хорошенько по голове огрела. До сих пор в себя прийти не может, лежит без сознания.

– Это я ещё вполсилы... – снисходительным тоном ответила она.

Здоровяк встретил её слова ухмылкой:

– Связал его на всякий случай, только вот, что делать с ним, не знаю. С виду совсем ребёнок, а в детей стрелять я не собираюсь.

– Ребёнок... – фыркнул Матвей. – Знавал я пацанов и помладше, которые исподтишка резали сухожилия на ногах собирателей, не согласных добровольно отдавать собранное с захваченных земель.

– Ты что, предлагаешь его того?.. – осторожно предположил Йован.

Матвей задумался.

При всей своей ненависти к пиратам, он всё же и мысли не мог допустить о хладнокровном убийстве пацана.

– Пускай очнётся, поговорим с ним, а там и решим...

Здоровяк согласно кивнул и обвёл взглядом палубу, усеянную трупами:
– А ведь у нас, на минуточку, спасательная экспедиция.

С самого утра в кубрике велась операция по спасению Вадима Георгиевича силами Ясира и сержанта, участвующего в качестве помощника. Заходить внутрь кому-либо было строго запрещено, поскольку это могло отвлечь внимание врача, и без того делающего невозможное.

Больше всего за состояние прогрессиста беспокоилась Арина, объясняя это тем, что старик получил пулю, пытаясь её уберечь. Переживала и Надя. Стоя вместе с остальными на палубе возле вездехода, она призналась, что Вадим Георгиевич был для неё куда больше, чем просто «начальник».

– Он и Валентина Игоревна, его жена, первыми приютили нас с сестрой после эвакуации из Архангельска, – рассказывала она. – Накормили, напоили, обогрели... не бросили, одним словом. Когда мы уже прибыли в Антарктиду, они заботились о нас, справлялись о наших нуждах, подкидывали еды, хоть и у самих было мало. Потом, правда, Валентина Игоревна оказалась в положении и вскоре родила. Нам с сестрой они стали меньше уделять внимания, но всё равно не забывали про нас.

– Странно, чего ты его тогда «начальником» зовёшь? – поинтересовался Йован.

Надя пожала плечами:

– Да не знаю, субординация, наверное, какая-никакая.

– Субо... что?

У неё зашипела рация.

– Да, сержант? – быстро ответила девушка.

– Кровь, принеси крови. Двух хватит.

– Приняла.

Надя сорвалась с места и юркнула внутрь вездехода, оставив дверь нараспашку. Матвей с остальными увидели, как она набрала код на панели небольшой дверцы в задней части «Титана» и открыла её, выпустив потоки ледяного пара. Оказывается, это был холодильник, внутри которого на крючках висели пакетики с кровью, и на каждом из них было написано имя одного из прогрессистов.

– Вот оно как, – охнул Йован, наблюдая за тем, как Надя взяла два пакета и закрыла холодильник. – А если кто из нас помирать будет, не найдётся один такой?

Надя ничего ему не ответила и, проскользнув мимо, поспешила к надстройке.

– Видать, для восточников кровушки не найдётся, – с горечью выдохнул здоровяк.

Тем временем Домкрат в одиночку начал перетаскивать трупы пиратов и выкидывать их за борт.

– Пошли, поможем нашему глухонемому приятелю, пока они все не примёрзли к палубе, – предложил собиратель Йовану.

– Я тоже помогу, – вызвалась Арина, уже сделав шаг вперёд.

– Нет, лучше иди, посиди в вездеходе.

– Матвей, я...

– Арина, пожалуйста.

Девушка не стала дальше спорить.

В полдень Миша и Ясир, наконец, появились на палубе. Оба выглядели страшно измотанными, от них разило едким запахом антисептика вперемешку с потом.

Первой к ним подошла Надя и осторожно спросила:

– Ну?

Сержант взглянул на врача, как бы передавая тому все полномочия говорить.

– Пулю я извлёк, рану зашил, обработал, но крови он, конечно, потерял много. Переливание мы сделали, этого должно хватить.

– Жить-то будет? – прямо уточнил Йован.

Ясир пожал плечами:

– Трудно сказать. Ему нужен отдых, много отдыха и покоя, а там на всё воля Всевышнего.

– У нас впереди, как минимум, полторы недели в море, – произнёс Матвей. – Он сможет встать на ноги к тому времени, когда мы доберёмся до захваченных земель?

Араб вновь пожал плечами:

– На всё воля Всевышнего. Я сделал всё, что было в моих силах.

На минуту в собравшейся компании повисла тишина, нарушаемая лишь тихим плеском воды.

– Нам ещё нужно разобраться с тем парнем, что его подстрелил, – сообщил Йован. – Он сейчас там же, на складе, связанный.

– Ты его не прикончил? – с едва слышным упрёком обратилась к нему Надя.

От услышанного здоровяк невольно дёрнулся и ответил:

– Нет.

– Почему?

– Так... – Йован посмотрел на остальных, словно ища поддержки. – Мальчишка же совсем.

Миша тяжело вздохнул, словно готовясь к очередному испытанию, уготованному ему сегодня:

– Ладно, пойдём, поворкуем с ним.

– Давайте без меня, мне надо отдохнуть, – выдал Ясир. – Если что, я в кубрике, рядом с начальником.

– Конечно, дружище. Отдыхай, ты это заслужил, – сказал ему сержант, хлопнув того по плечу.

Они спустились вниз и открыли ключом дверь в складское помещение, заполненное тусклым светом единственной лампочки. К одной из массивных стальных балок был привязан молодой человек. Его худощавое тело крепко обвивал грубый корабельный трос.

Приглядевшись, Матвей заметил, что их пленник выглядел намного моложе, чем ему показалось вначале: молочные щёки, покрытые юношеским пушком; голубые выразительные глаза, невинно смотревшие на посетителей. Всё это как-то не вязалось с тяжестью совершённого им поступка. Волосы на затылке парнишки пропитались кровью и слегка сбились в комья, а свежая рана на коже выглядела как бесформенный контур с тёмными краями.

Юный пират был одет в куртку из тюленьей кожи, усеянную заплатами. Два разных ботинка, тоже выдавшие виды, придавали ему комичный вид.

Заметив вошедших, незнакомец слегка напрягся. Его взгляд прошёлся по лицам, пока не остановился на Арине. В глазах мелькнула непонятная тень, которая тут же сменилась решимостью. Видимо, присутствие девушки, близкой ему по возрасту, придало пленнику долю уверенности.

– По-русски говоришь? – строго спросил его Миша.

– Да, – подтвердил тот твёрдым голосом, хотя в нём чувствовалось некое смятение.

Молодой человек явно нервничал, хоть и пытался не показать виду.

– Звать как?

– Где мои братья? – уверенно задал вопрос парень, голос его звучал решительно.

– На вопрос отвечай! – рявкнул сержант, делая шаг в его сторону.

Несмотря на грозный вид прогрессиста, мальчишка не дрогнул.

– Тихон, – гордо произнёс он.

– Как?! Громче, мать твою!

– Тихон! – повторил он, с ненавистью глядя на сержанта.

Вид упрямого мальчишки, пускай и пирата, вызвал у Матвея уважение. Он подался вперёд и взглядом попросил Мишу отступить. На удивление, тот не имел ничего против и отошёл. По всей видимости, сказала усталость, которая накопилась за то время, что он помогал Ясиру оперировать.

Собиратель заметил неподалёку ящик, неторопливо подвинул его к себе и сел напротив пленника.

– Тихон, значит... – про себя Матвей отметил, сколь необычно это имя. – С какой ты станции, Тихон?

Парень поднял голову:

– С «Горизонта», – его слова были твёрдыми и уверенными, а глаза полны решимости.

– «Горизонт»? Первый раз слышу.

– Это станция на острове Тринити, – с чувством достоинства сообщил Тихон.

– Тринити? Насколько я знаю, на том острове, кроме пингвинов и их гнездовий, никогда не было никаких станций.

Мальчик молчал.

– Обманываешь меня?

– Если не веришь, возьми курс на восток, и сам убедишься.

– Дерзишь? – шикнул в сторону молодого пирата Йован. – Ну, дерзи-дерзи и просидишь здесь ещё чёрт знает сколько.

Матвей прочистил горло и наклонился к парню поближе.

– Ладно, давай так, родители у тебя есть?

Юнец склонил голову, и храбрости на его лице сразу поубавилось.

– Нет.

– Хорошо, а сестра? Брат?

Он покачал головой.

– Ну, а вообще, семья у тебя есть? Родственники там, дяди, тёти, друзья, в конце концов.

Мальчишка понурил взгляд, но затем гордо вскинул голову и произнёс:

– Братство Моргана – моя семья.

– Кто-кто? – переспросил Йован, ставший непрошеным участником допроса.

– Братство Уильяма Моргана, нашего вождя и отца, – юнец расправил плечи, пытаясь казаться внушительнее. Его голос звучал фанатично.

– Матвей, ты знаешь, кто это? – спросил здоровяк.

Собиратель покачал головой. Все остальные тоже ответили молчанием.

– Это вы пока не знаете, – продолжил мальчик свою бурную речь, – ещё пару лет назад выжившие на полуострове тоже ничего не знали о Братстве, а теперь боятся его и уважают. Придёт время, и все остальные люди за пределами архипелага будут знать о нас и нашем вожде, чьё имя будет вызывать у них уважение и трепет.

Он говорил так, словно повторял слово в слово видимую лишь ему надпись на стене. Сказанное им, однако, совершенно не заботило Матвея. Кем бы ни был этот Уильям Морган, для него он был всего лишь бандитом, предводителем шайки пиратов, который ещё и запудрил мозги этому несчастному.

В любом случае, тратить время на расспросы об этом человеке сейчас не было ни сил, ни желания. Впрочем, разобраться в случившемся собиратель был обязан:

– Ладно, поговорим об этом потом. Ответь мне вот на какой вопрос: кто вам сообщил о том, что мы будем плыть в этих водах?

И сразу же повысил голос, предупреждая мальчика:

– Не пытайся солгать мне, пацан. Я знаю, что вы сделали налёт на это судно по наводке. Рейдеры и прочее отребье ни за что не сунутся в море в эти месяцы, только если будет большая нужда. Так что лучше скажи-ка всё начистоту.

Тихон презрительно скривил губы:

– Много ты знаешь. Небось, ишак, а?

Матвей встретил дерзкий ответ парня ухмылкой, но не поддался на провокацию:

– Отвечай на вопрос.

– Задача ишака – тащить вещички с захваченных земель, а не вопросы задавать.

Йован вышел вперёд со сжатыми кулаками и рявкнул:

– Нет, ну ты посмотри на него... сопля зелёная.

Матвей вытянул руку в его сторону, призывая товарища утихомириться, и пристально посмотрел в глаза мальчишке:

– Не хочешь, значит, говорить, да?

– Странное дело, ишак, да ещё и глухой! Как же ты на вылазках щелкачи мерзляков слушаешь, ишак? Сказано тебе, ничего не скажу!

Сержант принялся разминать кулаки:

– Ладно, собиратель, посюсюкался и хватит. Теперь я с ним говорить буду.

– Да, пожалуй, – согласился Матвей, вставая с ящика. – Видимо, по-хорошему ему не хочется. Тогда будет по-плохому.

Хоть и старался Тихон выглядеть храбрым, но по его лицу было видно, что он боится. При виде идущего на него сержанта страх этот стал ещё сильнее.

– Да ничего я не знаю! Ясно?! – выкрикнул он. Миша остановился, но не перестал разминать кулаки. – Я младший в Братстве, нас в курс дела почти никогда не вводят. Если кто и знал, откуда наводка, то это Хриплый, он с вами переговоры пытался вести. Вот его и спросите. Только он вам ничего не скажет, и я ничего не скажу.

– Хриплый? – сержант взглянул на Надю, припоминая её первый хороший выстрел в начале потасовки этой ночью. – Ясно.

– Что ясно-то? – парнишка опять начал дерзить.

– Да на дне твой Хриплый, вместе с остальными «братьями», – ответила за сержанта Надя. – А некоторых до сих пор с палубы соскребаем.

Тихон в растерянности посмотрел на всех, а затем рявкнул:

– Врёшь!

– Ну, будь иначе, не стояли бы мы сейчас здесь, перед тобой, верно?

– Ах ты... Ведьма! – у пацана ком застрял в горле, а через секунду он, как заводной, стал осыпать всех проклятиями, каких Матвею, впрочем, как и всем собравшимся, ещё не доводилось слышать.

Было видно, что сказанное задело мальчишку, и он дёрнулся в сторону прогрессистки, напрочь позабыв про трос, не давший ему и шагу ступить.

Для себя собиратель решил, что парень не врёт: он, и правда, выглядел совсем юным. Да и кровь в нём сейчас кипела от злости не на шутку. Лучше было оставить его в покое.

Он подошёл вплотную к сержанту и отвёл его в сторону:

– Без толку, не знает он ничего.

– С чего это ты взял? – спросил тот с неуверенностью.

– Да ты посмотри на него, – Матвей кивнул в сторону пленника. – Молоко на губах не обсохло, откуда ему знать о наводке? Да и на кой чёрт он нам здесь, на судне, сдался?

Миша хмыкнул:

– Говоришь так, будто хочешь его освободить.

Собиратель согласно кивнул:

– Да, я бы так и сделал, но, боюсь, теперь уже поздно. Все ближайшие станции могут быть подконтрольны рейдерам, поэтому причаливать у них рискованно. К тому же в полдень мы выйдем к проливу Дрейка, а повернув назад, только время потеряем.

– Ни за что, – вмешалась в их разговор Надя, всё это время стоявшая рядом в качестве слушателя. – Этот мелкий гадёныш чуть не убил Вадима Георгиевича, а ты его отпустить хочешь?

Тихий протест Нади вызвал у Матвея противоречивое чувство. Уж от кого, а от неё он не ожидал услышать подобного. Только потом припомнил про её отношение к «начальнику», как к отцу, и махнул рукой:

– Решайте сами, я всё сказал. Но, как по мне... – собиратель бросил взгляд на Тихона, который, выбившись из сил, упал на колени и тяжело дышал. Арина стояла к нему ближе всех, скрестив руки на груди и стараясь не смотреть на пленника. – Как по мне, убивать его не стоит, – затем он посмотрел на прогрессистов: – Глупый он ещё, ребёнок.

– Вот что, – предложил сержант, – пускай начальник и решит, что с ним делать. По мне, так будет честно.

– Согласен, – ответил Матвей, сочтя это разумным решением.

– Если начальник, вообще, очнётся, – бросила Надя и направилась к выходу.

Зайдя на мостик, Матвей сразу заметил на полу следы крови, ведущие напрямик к дивану, на который исландец обычно ложился вздремнуть. На столике рядом с ним находились окровавленные тряпки, пинцет и бутылка с прозрачной жидкостью. Всё помещение пропиталось жгучим запахом спирта.

– Через пару часов достигнем пролива Дрейка, – произнёс стоявший за штурвалом капитан и прочистил горло.

Вошедшие следом члены команды настороженно переглянулись. Подойдя ближе к пульту управления, Матвей обратил внимание, что на шерстяной кофте исландца виднеется едва заметный кровавый след, а из рукава выглядывает конец пожелтевшего бинта.

Видимо, не вся кровь на теле Лейгура принадлежала пиратам.

– Ты ранен? – спросил собиратель.

Тот ответил не сразу:

– Был.

Сержант подошёл к столу, взглянул на испачканное кровью тряпье, а затем на исландца.

– Позвать доктора? – предложил он.

Лейгур едва заметно покачал головой:

– Не стоит.

– Судно вести сможешь?

– Смогу.

– Отлично.

После чего Миша обратился к Матвею:

– Собиратель, ключ от наручников при тебе?

Тот опустил руку в карман и нащупал маленький ключ:

– Да.

– Бросай сюда.

Сержант ловко поймал ключик, взял с навигационной панели наручники, оставленные там Матвеем ещё во время нападения пиратов, и подошёл к Лейгуру.

Исландец покорно убрал руки со штурвала и вытянул их перед собой, однако сержант не спешил заковывать его в «браслеты».

– Со скованными руками управлять неудобно? – Миша кивнул в сторону штурвала.

– Догадайся, – бросил капитан.

Дерзкий ответ сержант встретил ухмылкой.

– Знаешь, ты хорошо управился с этим отребьем, – произнёс он. – Из тебя вышел бы хороший солдат...

На комплимент исландец ответил молчанием.

Вдруг сержант нанёс резкий удар ему в живот, отчего тот согнулся пополам и едва удержался на ногах, издав лишь тихое фырканье.

Все находившиеся на мостике вздрогнули. Надя потянулась к пистолету.

– Только вот с дисциплиной были бы проблемы! – спокойно ответил Миша, встряхнув кулак. – А не дисциплинированный солдат – всё равно, что кусок мяса.

Сержант приподнял скорчившегося от боли капитана за шиворот:

– Теперь слушай сюда, грёбаный убийца детей. Ещё одна подобная выходка с твоей стороны или хоть малейшее неподчинение, и после экспедиции вернёшься на «Мак-Мердо» без рук. Потому что я тебе отрублю их на хрен. Ты меня понял?

Исландец молчал, хмуро поглядывая на Мишу.

– Ну? Ты же понимаешь по-нашему, – а затем сержант рявкнул: – Отвечай!

– Да, понял, – тихо выдал исландец.

– Отлично, – прогрессист издевательски хлопнул его по плечу. – И, кстати...

Теперь Лейгур получил коленом по лицу, из-за чего упал на пол. Его нос покраснел, из ноздрей брызнула кровь.

– Это тебе за то, что подслушивал нас всё это время.

Сержант подошёл к Наде и отдал ей наручники и ключи:

– Убедись, что наш капитан через десять минут придёт в себя и снова сможет управлять судном, как и прежде – с наручниками на его грязных лапах. А я пойду, отдохну.

Когда Миша покинул мостик, никто не стал помогать Лейгуру подняться. Все лишь молча и с некоторой неловкостью наблюдали за его очередной попыткой встать и взяться за штурвал.

Матвей не жаловал сержанта, куда уж там – он его почти ненавидел. Но всё же, до чего было приятно смотреть, как тот лупит этого сукина сына.

Да, исландец спас ему жизнь во время заварухи на палубе, и собиратель ни секунды не жалел о том, что освободил его. Однако даже это не могло искупить грех, который совершил этот человек.

И всё же, несмотря ни на что, Матвея одолевало любопытство касательно их неоконченного разговора перед самым нападением пиратов. Особенно его интересовала та часть, в которой Лейгур упомянул его отца...

Но собиратель не торопился возвращаться к этой беседе, будет ещё время. Впереди у них долгие две недели плавания.

Вечером они достигли пролива Дрейка, соединяющего Атлантический и Тихий океаны. Высокие горы и белоснежные айсберги Антарктиды редели, сменяясь океанской гладью.

Висевший в кубрике рядом с часами градусник показывал минус три градуса Цельсия за бортом. На какое-то время эта цифра приковала к себе внимание всех находившихся в каюте, словно пророческое послание.

Матвею нетрудно было понять, какие чувства овладевают командой, ведь и он сам когда-то испытывал нечто подобное много лет назад, во время своей первой вылазки. То самое волнительное предвкушение наряду со страхом неизвестности, которое заставило первобытного человека покинуть свою пещеру в остром желании узнать, что скрывается за горизонтом. Вот и сейчас разум с инстинктами подсказывали вернуться обратно, но сердце предательски шептало: хоть бы краем глаза увидеть то, что некогда принадлежало им, их предкам и всему человечеству.

Да, именно это и ощущала собравшаяся на палубе команда.

Собиратель почувствовал, как стоявшая рядом Арина взяла его за руку.

Сзади к ним подошёл Йован и обнял обоих:

– Вы только поглядите, трое восточников и так далеко от дома, плывём, хрен знает куда... – мечтательно произнёс здоровяк, а затем печально добавил: – Даже и мысли не было, что когда-нибудь покину родную станцию. Думал, раз там родился, там и помру, а тут вот оно как сложилось.

– Мир вдруг стал таким огромным, – прошептала девушка.

– М-да, слишком огромным... – согласился здоровяк.

Ещё с минуту они стояли молча, глядя на вечернее небо, пока Арина не нарушила тишину:

– Я рада, что смогла сбежать с «Востока».

От услышанного у Матвея на мгновение пропал дар речи.

– Арина...

– Да, да, я понимаю, впереди нас ждёт куча опасностей. Куда уж там, мы уже за эту неделю многое пережили: расщелина, «Мак-Мердо», потом эти пираты.

– Это всё ерунда, по сравнению с тем...

– Да, я понимаю, Матвей, – твёрдо прервала его Арина, посмотрела ему прямо в глаза и, предугадав его мысли, сказала: – Впереди нас ждёт ещё больше опасностей. Но... – она набрала воздуха в грудь. – Но впервые за всю свою жизнь я чувствую, что живу, а не выживаю. И если выйдет погибнуть там, куда мы отправляемся, то последнее, что будет у меня перед глазами, – эти дни, проведённые с вами, а не стены моего жилого блока.

– Не говори так, – отрезал Матвей. – Никто из вас не умрёт, понятно? Мы все вернёмся домой. И ты, Арина... – Он почувствовал некоторую обиду. – Всё, что ты говоришь, – это простая подростковая наивность.

– Я уже давно не подросток. Мне семнадцать. Уже этой зимой будет восемнадцать...

– Ещё какой подросток.

– Так, ну чего вы оба кипятитесь? – Йован попытался разрядить обстановку и снова прижал их к себе. – Мы здесь, втроём, и это главное, не правда ли? А пока мы есть друг у друга, нам никакие мерзляки не страшны. Верно же говорю, Матюш?

Матвей понял, что сейчас, и правда, лучше не портить столь приятный вечер, поэтому молча согласился с откровенной глупостью, сказанной его товарищем.

«Мерзляки страшны, друг мой, – подумал про себя собиратель, – ещё как страшны».

– Ну, вот, – взбодрился Йован, – а теперь давайте-ка постоим ещё немного и пойдём поедем. Я страсть как хочу кушать.

Глава 16. Эхо прошлого

4 февраля 2093 года

Прошло несколько дней, айсберг и льды остались за кормой траулера. Судя по колебаниям температуры между двенадцатью и пятнадцатью градусами Цельсия, путники достигли субтропиков¹⁸.

Как только судно покинуло территорию Антарктики и вышло в открытые воды, Лейгур оставил штурвал и доверил управление автопилоту, лишь иногда корректируя курс и отслеживая данные на бортовом компьютере. Однако по ночам он всегда возвращался за штурвал, хоть в этом и не было особой нужды. Возле капитана всегда находился кто-нибудь из команды, дежурили по очереди. За каждым шагом исландца продолжали следить, а его запястья по-прежнему сковывали наручники.

На второй день их выхода в океан, как только на палубе стало относительно теплее, Домкрат стал охаживать «Титан» как возлюбленную. Он то и дело пропадал внутри, наводя там порядок и ковыряясь в двигателе, а ещё закрашивал взятой невесть откуда краской царапины от пуль, оставленные во время налёта пиратов. Казалось, стальная машина была для него единственной отдушиной и любовью всей жизни – настолько долго и усердно он с ней возился.

Йован не находил себе места. Он стал часто упоминать «Восток», рассказывать, как сильно скучает по братьям и сёстрам, а в особенности по своему «Полярному Переполоху» и родной барной стойке, где с удовольствием кормил и поил восточников. Здоровяку не хватало столь любимой его сердцу суеты, благодарных улыбок товарищей, шума и разговоров толпы.

– Эта тишина убивает меня, Матюш, – признался он, стоя на палубе. – Такое ощущение, что я очутился в самой гуще какой-то тягучей пустоты, где не слышно ничего, кроме плеска этого океана и собственных мыслей.

В отличие от Йована, Арина чувствовала себя прекрасно. По крайней мере, так можно было понять по неугасающей искре любопытства в её глазах и неизменной полуулыбке, с которой она обязательно комментировала всё происходящее вокруг. Ей просто не сиделось без дела, и ещё в проливе Дрейка Арина вновь принялась возиться с метеодатчиком, превратив свою прикроватную тумбочку в небольшую мастерскую.

На третий день Матвей заметил обеих девушек на корме траулера. Прогрессистка учила свою новую подругу обращаться с пистолетом. Арина с вполне серьёзным лицом брала оружие в руки и под комментарии Нади училась прицеливаться, направляя ствол в облака. В тот день Матвея ушибило небольшое чувство ревности. Почему она не обратилась к нему?

Кроме того, он часто заставлял её рядом с Домкратом. Арина с присущим ей любопытством наблюдала за тем, как механик ковыряется в «Титане», изучала каждое его движение. Бывало, она звала Надю, если та была рядом, и просила её на время побыть переводчицей на язык жестов. Тогда на Домкрата обрушивался поток вопросов: «Как работает вот эта деталь?» или «За что отвечает вон то устройство?». Хоть и с неохотой, но тот всё же удовлетворял её любопытство.

Ясир почти не появлялся на палубе. Всё своё время он уделял Вадиму Георгиевичу, который с момента проведения операции так и не очнулся. С первого взгляда казалось, что старик мёртв, но тихое дыхание и посещающий его по ночам горячий бред говорили об обратном.

¹⁸ **Субтропики, или субтропические пояса**, – природные (географические) пояса и климатические зоны Земли, расположенные в Северном и Южном полушариях между находящимися у экватора тропиками и умеренными широтами, то есть примерно между 30° и 40° северной и южной широты.

Уставший врач то и дело вкалывал ему какие-то уколы и менял раствор в самодельной капельнице, сопровождая эти действия тяжёлыми вздохами.

Лишь в те часы, когда ему нужно было молиться, он просил кого-нибудь посидеть с начальником и позвать его в случае чего.

Реже всех Матвей видел сержанта. Прогрессист иногда появлялся на палубе, стоя на корме в молчаливом одиночестве, но чаще всего он просто спал в кубрике. Один раз собиратель застал его за чисткой оружия внутри «Титана»: Миша старательно протирал ствол винтовки и проверял боеприпасы.

За минувшие дни злость Матвея на сержанта успела подостыть, но не исчезла полностью.

Сам же собиратель все эти дни обдумывал план предстоящей вылазки в Москву из порта Санкт-Петербурга. Он досконально изучал данные ему прогрессистами карты этой области и перечитывал записи в своём дневнике погодных наблюдений, отмечая климатические особенности региона. Этот дневник он начал вести по настоянию отца ещё со времён своей первой вылазки, внося в него заметки из собственного опыта. Туда же Матвей записывал услышанное от других надёжных собирателей, делающих рейды в местности, где ему побывать не удалось. Порой эта информация очень помогала подготовиться к тому, чего следовало ожидать в том или ином городе.

В Москве, как и многие собиратели, он не был. Однако ему всё же удалось найти небольшой комментарий, сделанный карандашом. Матвей записал его семь лет назад со слов некоего собирателя Олега Троекурова.

Москва.

Время вылазки: декабрь-январь.

Шкала опасности: синий, зелёный, перетекающий в оранжевый; климат умеренный, возможны оттепели! Погода в сезон не устойчивая.

Мерзляки: потрошители, ищейки (возможно другие)

Потери: трое из пяти.

Добыча: много.

Общее: Пеший ход, на транспорте не пройти, много обломков, военной техники. Город большой, нужна карта!

Не рекомендуется к вылазке.

Написанное не вселяло оптимизма, да и слишком мало информации. Интересно, опираясь на какие данные туда отправилась дочь Вадима Георгиевича? Или они возложили надежду на опыт легендарного Шамана? Возможно, теперь уже мёртвого...

Да, и если так подумать, что именно заставило столь значимого собирателя сунуться в этот довольно небезопасный город? Неужели ему предложили столь огромную плату, что он решил рискнуть? Или за этим кроется нечто большее?

Возможно ещё, что заметки Матвея касательно столицы России приукрашены, и этот Троекуров преувеличивал опасность города для вылазок. Вероятно, ему просто не повезло, и он столкнулся с внезапным потеплением в зимний период времени.

Погрузившись в размышления, собиратель не сразу заметил, что внизу страницы есть ещё одна надпись, отозвавшаяся эхом не самых приятных воспоминаний в его сердце. Это был адрес родного дома:

Московская обл., пос. Ясная Поляна-2, д. 3.

Когда отец был жив, он часто вспоминал загородный дом, из которого их семья бежала во время Вторжения. Говорил тогда ещё молодому Матвею, что настанет день, когда он вместе

с ним обязательно вернётся туда, и жизнь для них, как и для всего человечества, начнётся заново.

– Засадим весь огород огурцами, помидорами и картошкой, конечно. Куда же без картошки? Будем с тобой ходить под знойным солнцем, красные, как раки, и никакого холода. Потом дом начнём восстанавливать, работы уйма будет! Там, наверное, за все эти годы столько пыли осело...

Речи отца в последние годы его жизни то и дело приобретали мечтательные нотки, соседствующие с полным безумием. Он всё чаще говорил о доме, о матери, о наивных надеждах, что вот уже совсем скоро с небес спустится Господь и покарает всех тварей, посягнувших на род человеческий. Потом он и вовсе стал бредить, нести всякую несуслаицу, среди которой нередко слышался адрес родного дома, со временем засевший в голове Матвея. Увы, в середине зимовки отца, помимо бреда, настиг ещё и страшный жар, за сутки сведший в могилу одного из лучших собирателей тех лет.

Порой Матвей задумывался: а не ждёт ли его та же участь, что и отца? Возможно, будет лучше быстро погибнуть от лап мерзляка, нежели утонуть глубоко в себе, испытывая мучительную боль, от которой нет лекарства.

И самое главное – что заставило сурового и крепкого мужчину, такого, как его отец, сдаться? Да, Вячеслав Беляев, определённо, сдался, погрузившись в собственные мечты, заставившие его сойти с ума. Но что способствовало этому? Неужели потеря надежды? Понадобилось всего несколько лет жизни, чтобы уничтожить этого железного человека изнутри.

Тогдашний юношеский максимализм, бурлящий в сердце Матвея, заставлял его ненавидеть отца за то, что тот опустил руки и перестал бороться, оставив сына совсем одного.

Но теперь, став старше, он уже не осуждал его, поскольку понял для себя одну простую вещь: жизнь его отца разделилась на ДО и ПОСЛЕ Вторжения. Старшее поколение знало, что значит жить, а не выживать. Знало, каково это – не ощущать холода двадцать четыре часа в сутки, при этом не мучаясь от голода. Его отец был ребёнком Земли, впитавшим в себя все её дары и воспринимающим их как должное, но сам Матвей, да и большинство собравшихся на этом корабле были детьми Антарктиды. Их жизнь неразрывно связана с арктическим холодом, где всякий день – как сражение, в котором они вынуждены бороться за каждую крошку пищи и тепла. Вместо воспоминаний о мире, полном изобилия и гармонии, а именно таким он виделся им до Вторжения, они знают только постоянное выживание, голод и холод. Этот опыт сделал их стойкими и решительными, готовыми преодолевать любые препятствия при любых условиях. Потому что это теперь их реальность, их мир, и ничто иное для них уже не существует.

Краем глаза Матвей заметил, как лежавший напротив Вадим Георгиевич дёрнулся во сне. На минуту показалось, что сейчас он очнётся, но этого так и не произошло.

Собиратель отложил записную книжку в сторону и решил выйти на палубу, подышать воздухом.

Внезапно возникшие в голове мысли об отце ещё долго не покидали его.

В полдень вся команда спустилась в кубрик и расселась за обеденным столом. Меню не отличалось разнообразием и ограничивалось пеммиканом из тюленьего и пингвиного мяса, сушёной рыбой и кипятком.

– Знавал я одного парня-англичанина, – начал беседу Ясир, – который настолько обесценил вкус еды, что был способен питаться одной только рыбой, и она ему совершенно не надоедала.

– Это как так? – с неподдельным любопытством спросил Йован.

– А вот так, – продолжил араб, чавкая и пережёвывая пищу. – Он говорил, что во время еды внушает своим вкусовым рецепторам, будто ест не рыбу а, скажем, китовое мясо, или курицу, или говядину. Всё, что захочешь!

– Боже, убила бы сейчас за кусок говядины, – со вздохом заметила Арина, брезгливо бросив сушёное мясо на тарелку.

– А ты её хоть пробовала? – задал вопрос здоровяк.

– Нет. Но уверена, что она вкусная. У меня на «Востоке» есть старая кулинарная книжка на испанском языке с картинками. Открываешь её, и желудок с ума сходит от вида блюд. Я дальше десяти страниц не смогла осилить.

Внезапно Йован закрыл глаза и, бросив кусок пеммикана в рот, стал тщательно его жевать.

– У тебя всё хорошо? – поинтересовалась Арина.

– Тихо! – шикнул он, пережёвывая. – Не мешай. Я внушаю своим вкусовым рецепторам, что жую всё, что угодно, кроме долбаного пеммикана, – через секунду, сморщившись, здоровяк проглотил кусок и заявил: – Нет, до сих пор долбаный пеммикан.

– Матвей, – обратилась Арина к собирателю. – Ты столько раз бывал на захваченных землях... Скажи, ты-то хоть пробовал говядину?

Тот намеренно подождал, пока все присутствующие за столом обернутся к нему с любопытными взглядами, и, не поднимая глаз от тарелки с обедом, с притворным равнодушием ответил:

– Да, и не только говядину.

Все загремели стульями, вилки и ложки были отложены на стол.

– Оленину, баранину, курицу пробовал, – продолжал собиратель, и каждое последующее упоминание дичи вызывало в глазах его слушателей яркий блеск. – Много чего.

– И каково всё это на вкус? – выждав немного, спросил Йован.

– Всё по-разному.

– Ну, хоть говядина, – не выдержала Арина. – Какая она?

Матвей подвинул тарелку, сложил руки и, глядя ей прямо в глаза, с улыбкой произнёс:

– Ничего лучше в жизни не пробовал. Особенно, если как следует поджарить на огне.

Девушка вымученно улыбнулась, и вернулась к тарелке.

– Да я и сырой кусок сожрать готова, лишь бы этим снова не давиться, – пожаловалась Надя.

– Так, всё, хватит ныть, – резко ответил Миша, доевший свой обед, даже не поморщившись. – Нашли мне тут ресторан.

– Да, ладно вам, сержант, – заступилась за всех Надя, – помечтали немного, только и всего.

В разговор вновь вступил Ясир.

– Секунду, – он обратился к Матвею, – ты говоришь, что пробовал на захваченных землях говядину и не только. Но ведь...

– Откуда там взяться животным, когда всё кишит мерзляками? – продолжил за него собиратель.

Араб кивком подтвердил его догадку.

Остальные тоже заинтересовались и обратили всё своё внимание на Матвея.

– Да вот так, – сообщил он спокойным голосом. – Молча сосуществуют себе с мерзляками. Пришельцы их не трогают, ни одну крохотную букашку.

Ясир хмыкнул:

– Странно...

– Помню, – начал Матвей, оторвавшись от трапезы, – как мне довелось увидеть лет семь тому назад небольшое стадо диких мустангов в прериях Аляски. До чего же красивые создания, наблюдать за ними – одно удовольствие, – собиратель попытался вспомнить этот хоть и небольшой, но крайне приятный отрезок из своей жизни. – Молодые жеребята вместе со взрослыми лошадьми скачут по полю и громко ржут. Чудные звери. И вот пришли они на водопой,

целое стадо стало пить воду из небольшой реки, а в полукилометре от них ползал дохляк – это один из видов мерзляков, такая жуткая тварь, похожая на паука, чуть более стойкая к холоду, нежели остальные. Так вот, ни дохляк, ни лошади даже не встrepенулись, не дёрнулись, словно вообще не замечали друг друга.

Все за столом с минуту молчали, будто пытаюсь представить себе это зрелище.

– Животных в захваченных землях много, и не все они безобидные. Хищников расплодилось за эти годы тьма, – продолжил Матвей. – И холода большинство из них не боятся. Поэтому даже если и будет минус двадцать по Цельсию – это не повод расслабляться. Учтите это, когда мы сойдём на берег.

– Интересно, почему так? – задумчиво спросила Арина, глядя в сторону. – Почему мерзляки животных не трогают?

Собиратель пожал плечами:

– Хотел бы и я это знать.

Скрежет вилок возобновился. Доев оставшееся, все принялись пить кипячёную воду.

– Кто-то должен сходить и накормить пацана, – сержант положил на стол ключ от складских помещений.

– Я схожу, – предложила свою кандидатуру Арина и уже стала перекладывать в тарелку пеммикан.

– Я помогу тебе, – отозвался Матвей, выходя из-за стола.

– Да я справлюсь, – недовольно выдохнув, ответила она.

– Я знаю, просто хочу ещё раз потрясти его, может, одумался за эти дни.

– Будь моя воля, я бы ему и крошки не дала, – Надя лениво скоблила вилок по мясу в тарелке, поглядывая в сторону лежащего без сознания начальника.

– Ты, кстати, будешь доедать? – поинтересовался Йован, взглядом указывая на остатки её порции. – Хочу потренировать эти самые вкусовые рецепторы.

Арина и Матвей встали из-за стола и направились к выходу из кубрика. Девушка прихватила тарелку с пеммиканом, а собиратель набрал полную чашку холодной воды. Какое-то время их шаги тихим эхом отдавались в пустынном душном коридоре, пока пара восточников не исчезла за металлической дверью.

– Как ты? – задал вопрос Матвей, когда они спускались по лестнице.

– Это обязательно? – с едва заметным раздражением спросила Арина.

– Что обязательно?

– Каждый раз интересоваться, как я? – девушка не выдержала и остановилась. Она взглянула на собирателя строгим взглядом: – Матвей, в который раз уже повторяю – мне семнадцать. Это десять плюс семь, понимаешь? Много лет!

«Глупышка ты, – подумал он про себя. – Разве же это возраст?».

Но вслух произнёс:

– Да мне просто любопытно.

– Ага, – бросила она и пошла вперёд.

– Заметил, что ты в последнее время часто общаешься с Надей, – продолжил он осторожно.

– И?

– О чём разговариваете?

– Да о всяком, девчачьем.

– Вот уж в ком угодно, а в Наде девчачьего, кроме внешности, мало чего, – пробормотал собиратель.

– Блин, Матвей, ты для этого за мной пошёл? Мозг мне выносить? – Арина снова повернулась к нему.

Матвей впервые услышал в её голосе прежде незнакомые ему нотки дерзости. Нет, конечно, иногда она дерзила ему, но звучало это весьма безобидно. Однако сейчас это было что-то иное – более решительное, на грани с агрессией.

– Нет, просто любопытно, о чём вы...

– Да ни о чём таком, просто болтаем. Вот ты заладил...

Она недовольно вздохнула и закатила глаза:

– Пойдём уже.

Открыв дверь ключом и зайдя внутрь, Матвей обратил внимание на то, что мальчишка дёргал верёвку, а заметив их, бросил её и отошёл в сторону – должно быть, пытался освободиться.

За минувшие пять дней лицо пленника успело покрыться сажей, от него самого разило потом и мочой. Поставленное рядом ведро нуждалось в замене.

От жалкого вида паренька у Матвея сжалось сердце. Он чувствовал себя чудовищем, насильно удерживающим пацана на привязи. Но иного выбора у них не было: развязать ему руки и дать свободно расхаживать по судну означало подвергнуть опасности кого-нибудь из команды.

Да и, кроме того, этот Тихон до сих пор представлял собой скорее не мальчишку, а враждебный комок неконтролируемой злобы. Все эти дни он только и делал, что покрывал матом приносивших еду и требовал отпустить его, швыряя тарелки с обедом или ужином в стену. Но с каждым заходом борзости в нём убавлялось, как и юношеской пылкости, из-за которой, казалось, тот мог бы орать и буяннить сутками напролёт.

Сейчас он уже выдохся, устал и, вполне вероятно, отчаялся. Последние пару дней юный пират предпочитал молча принимать еду и воду.

– Уйди отсюда, – с ходу велел Тихон приближающейся к нему Арине, а затем обратился к Матвею: – Ты, ишак, вели ей уйти.

Собиратель заметил, как мальчишка сделал шаг назад, насколько позволяла верёвка, чтобы перекрыть своим телом вид на ведро для справления нужды.

– Да не собираюсь я туда глядеть, – оценив неуклюжую попытку пленника, спокойно ответила девушка и поставила миску на ящик. – Вот.

Тихон посмотрел на содержимое тарелки и повёл носом.

– Снова эта дрянь? – возмутился он.

– Здесь тебе не таверна, – резко выдала Арина. – Радуйся, что вообще голодом не морят.

Снова Матвей услышал ту самую непривычную грубость в её голосе и словах.

Мальчишка поморщился в ответ, но всё же взял пальцами небольшой кусок пеммикана и сунул его в рот.

– Долго вы ещё меня будете здесь держать? – поинтересовался он, пережёвывая жилистое мясо. – Я же говорил, что ничего не знаю о нападении.

– Я тебе верю, – произнёс собиратель.

Челюсти мальчика перестали двигаться, глаза с удивлением уставились на него. Пацан выплюнул недожёванную мякоть и рывкнул:

– Так какого мороза я ещё здесь?!

Матвей не успел ответить, как в разговор вмешалась Арина:

– Ты подстрелил одного из наших.

– И что теперь, мне тут до конца дней сидеть? – пленник взглянул на Матвея, и на этот раз его глаза не бегали из стороны в сторону, как в случае с девушкой. – Дайте хоть воздухом подышать! Я здесь задыхаюсь уже! И почему тут так душно? С каждым днём всё жарче и жарче! Вы решили меня в пекле уморить?

– Нет, просто мы уже давно не в Антарктиде, – отрезала девушка.

– Арин! – попытался осадить её Матвей и даже привстал с ящика, на котором прежде сидел.

– Ч-что? – Тихон от услышанного попятился.

– Мы сейчас в Атлантическом океане, уже эдак в пяти тысячах километров от побережья Антарктиды, – она обернулась к Матвею: – Что? Он всё равно узнал бы, рано или поздно. Пускай уж лучше сейчас.

Мальчик испуганными глазами посмотрел на собирателя и спросил:

– Это правда?

– Да, – выдохнул Матвей и с упрёком взглянул на Арину.

Тихон опустил голову и прислонился спиной к столбу, к которому был прикован.

– Да как же так?.. – он задрожал.

Затем обратил свой до смерти перепуганный взгляд на них и заговорил заплетающимся языком:

– Там же эти твари, эти жуки! И вы прямо туда, к ним?

Матвей ответил:

– Да, прямо к ним. Заодно и узнаешь, каких усилий нам, собирателям, стоит добывать вещи, которые вы у нас крадёте в самом конце пути. Будет тебе уроком.

Ноздри мальчишки раздувались при каждом вздохе.

– Катись ты со своим уроком! – чуть ли не взвизгнул он. – Я член братства Моргана, а не упрямый ишак. Твоё дело – донести, моё – забрать! Выпусти меня щас же!

Арина ухмыльнулась:

– Паразит мелкий...

Тихон хоть и сдавленно, но проговорил:

– На себя посмотри! – он не мог удержать на ней взгляда дольше секунды, стеснительно его опуская. – Самой-то сколько?

– Хватит, чтобы ещё раз тебя той сковородкой по башке огреть.

– Так, всё, пойдём, – велел Матвей и коснулся плеча девушки.

– Куда это вы? Эй! Хоть воздухом дайте подышать! Я здесь задыхаюсь!

– Разговаривать научишься, тогда подумаю над тем, чтобы вывести тебя на палубу, – на полном серьёзе обратился к нему собиратель.

– Я щас хочу! Развяжите меня! Быстро!

– Я ещё приду вечером, – добавил тот напоследок, закрывая за собой дверь.

– Не буду я ждать, выпускай сейчас, или я...

Матвей запер дверь склада, и теперь оттуда слышался лишь приглушённый крик и звон оловянной обеденной тарелки, полетевшей в стенку.

– Может, Надя права? Нечего его кормить, – легкомысленно бросила ему Арина.

– Плевать, что говорит Надя, – не выдержал он и поймал на себе озадаченный взгляд сестры. – Своей головой думай.

– Матвей, да ты слышал, как он с тобой разговаривает?

– Он мальчишка, ясно? Глупый, да ещё, похоже, и с промытыми мозгами, но мальчишка, – последнее слово собиратель намеренно подчеркнул, сказав его медленно и чётко.

– А по мне так просто маленький говнюк, – ответила девушка и пошла прочь.

– Арин! – окликнул её Матвей, но она даже не обернулась.

Собиратель сплюнул, желая избавиться от горечи, подступившей к горлу, и, ещё раз взглянув на дверь, за которой не утихала очередная порция ругани, направился к выходу.

Поднявшись на палубу, он окончательно пришёл к выводу, что мальчишка точно ничего не знал об их экспедиции, иначе не удивился бы тому факту, что они плыли в захваченные земли.

Этой же ночью присматривать за капитаном выпало Матвею с Домкратом. Прогрессист не сводил взгляда с исландца, держа винтовку на коленях. Выглядел он при этом как застывшая статуя, а почти не моргающие глаза и жутковатый взгляд лишь укрепляли этот образ.

Матвей, воспользовавшись служебным рвением своего напарника, баловался с найденными в трюме игральными картами, раскладывая пасьянс. За этой игрой очень любил коротать время его отец в долгих и утомительных плаваниях.

Когда от узора на обратной стороне карт уже стало рябить в глазах, собиратель убрал колоду куда подальше и обратил взгляд на Лейгура. Вспомнив об отце, Матвей всё же решил спросить у исландца, откуда тот его знал.

Но не успел он и рта открыть, как вдруг капитан, как ни в чём не бывало, направился к выходу.

Домкрат, словно ждавший этого момента, резво поднялся с дивана и угрожающе передёрнул затвор.

Исландец сразу же остановился и недовольным тоном что-то прошептал на родном языке.

– Куда это ты собрался? – Матвей взял в руки револьвер, на этот раз заряженный. У прогрессистов нашёлся нужный калибр.

– У нас снизилась мощность. Нужно проверить двигательный отсек.

В голове у собирателя возникло сразу два предположения: либо то, что говорит капитан, – правда, либо всё это намеренно подстроено.

Прямо сейчас следовало быть осторожными вдвойне.

– Чего сразу не сказал, а вот так вот пошёл? – спросил Матвей.

– Всё никак не привыкну к парочке надзирателей.

– А пора бы...

Матвей кивнул Домкрату, который смотрел на него с вопросительным выражением лица, и прогрессист опустил винтовку, но по-прежнему был начеку.

– Ладно, пойдём, – велел собиратель.

Они втроем спустились вниз, миновали кубрик, где все уже спали, и двинулись дальше по коридору. Матвей держал в руке рацию на случай экстренной связи с остальными.

Проходя мимо двери на склад, Лейгур спросил:

– Я слышал, у меня на борту появился пленник, – и, обернувшись через плечо, уточнил: – Какой-то пацан из напавшей на нас шайки?

– Да, – ответил Матвей, решив, что нет смысла это скрывать. – Говорит, что состоит в каком-то Братстве.

Исландец вдруг остановился, заставив Домкрата настороженно вскинуть винтовку.

– Братство? Не Моргана случаем? – небольшое эхо от его грубого голоса прокатилось по коридору.

– Давай иди вперёд, – велел ему собиратель и добавил: – Да, Моргана.

Капитан послушно зашагал дальше.

– Ты знаешь что-то про них? – Матвею стало немного любопытно. – Я прежде никогда не слышал ни о каких братьях, хоть и не раз сталкивался с разными бандами.

– Оно и неудивительно, это Братство появилось совсем недавно.

Они дошли до небольшой шлюзовой двери. Лейгур взялся за маховик кремальерного замка, похожий на колесо со спицами, и стал его крутить, что было непросто делать в наручниках. Исландец налёг на маховик и, немного пыхтя, произнёс:

– Сумасшедшие фанатики и психи. Их главарь... Уильям Морган. Он у них там что-то вроде проповедника и мессии. Фух! Промывает адептам мозги на острове, где они обосновались.

Наконец тяжёлая дверь отошла в сторону, открывая проход в тёмное помещение.

– Остров Тринити? – уточнил собиратель.

– Да, он самый. Их там уже сотни человек, преданных фанатиков этого самого Моргана, готовых за него убить. Уж не знаю, что именно он там вкладывает им в головы, но получается это у него очень уж мастерски и, самое главное, быстро. У тебя есть фонарик на браслете? Посвети, нужно добраться до выключателя.

Матвей подал сигнал Домкрату следить за пленником, а сам пошёл вперёд, ко входу, и включил фонарик.

– Туда посвети, – указал капитан направо.

Луч света заскользил по стене молочного цвета, высветив пятна ржавчины и небольшой рычаг.

– Стоп, вот он.

Исландец подошёл к рычагу и резко потянул его вниз.

Через мгновение небольшое помещение озарилось ярким светом. В глубине отсека находился электрический двигатель. Он выглядел чистым и ухоженным, ничего лишнего: массивный корпус из матовой стали, спереди – панель с индикаторами и тумблерами.

– Так, посмотрим, – Лейгур шмыгнул носом и направился к агрегату. – Что-то мне не нравится этот шум.

Шум, действительно, был: со стороны двигателя слышались какие-то шлепки. Матвей немного расслабился. Видимо, исландец ничего не затевал, и спуск в этот отсек не грозит им неприятностями.

Капитан нажал на одну из кнопок, размещённую на панели двигателя, и тот сразу заглох.

– Так что насчёт Братства? Нам стоит их опасаться? – собирателя никак не отпускали мысли о бандитах.

– Ну, если из этой экспедиции будет кому возвращаться в Антарктиду, то после той бойни нам точно лучше не появляться в водах полуострова, – Лейгур подошёл к двигателю и осмотрел его со всех сторон. – В последнее время из-за этих проклятых пиратов многие капитаны и собиратели стали делать большой крюк через Индийский океан. Они тратят при этом кучу ватт, лишь бы не проплывать рядом с полуостровом.

Матвей задумался. Хватит ли им ватт для подобного крюка? Надо бы спросить у сержанта.

– Мне нужны свободные руки, – попросил капитан, указывая взглядом на наручники.

Не теряя бдительности, собиратель достал ключ из кармана и взглянул на Домкрата (тот одобрительно кивнул и нацелил винтовку), затем, подойдя к исландцу, отстегнул наручники.

Капитан потёр следы на запястьях, тяжело вздохнул и открыл металлическую крышку двигателя. Посмотрев внутрь, он прищурился:

– Ага, так я и знал. Ремень соскочил со шкива, – мужчина всунул руки в нутро механизма и что-то пощупал. – Надо бы заменить, совсем уж плохо выглядит, того и гляди порвётся. Кажется, был у меня здесь где-то запасной...

Лейгур подошёл к одному из железных шкафчиков возле стены, открыл его и стал перебирать внутри разные запчасти.

Действия исландца насторожили Домкрата. Он сделал шаг вперёд, при этом поглядывая на заглохший двигатель.

– Ты упомянул моего отца перед атакой этого Братства, – начал Матвей, решив переключить разговор на другую тему и, наконец, узнать ответ на интересующий его вопрос.

– Всё так, – кивнул капитан, бросив на пол гаечный ключ. – Мне довелось сопровождать его в пяти рейдах. Хороший мужик, надёжный собиратель. Ага, вот и он, змей!

Лейгур выудил из шкафчика покрытый пылью, но с виду совсем целёхонький ремень. Он пощупал его и дёрнул пару раз, проверяя прочность.

– Ты, наверное, и не помнишь совсем, – продолжил исландец и подошёл к двигателю, прихватив с пола гаечный ключ, – но нам с тобой даже довелось видеться, когда ты был ещё вот

таким мальцом, – ребром ладони он коснулся груди. – Отец сопровождал тебя в твоей самой первой вылазке. Какой же это был год... кажется, 2075-й. Точно, 2075-й! Тогда собирательство только набирало силу. И корабль у меня был другой, поменьше.

– Врёшь, – Матвей почувствовал, как у него по телу побежали мурашки.

– Как скажешь, а я тебя прекрасно помню. И узнал сразу, уж больно ты на отца похож внешне. Кстати, как он? Жив?

У собирателя от услышанного всё похолодело внутри, а в ушах зазвенело. Он стал копаться в собственной памяти, как в огромном архиве со множеством полок и ящиков. Вот они, датированные 2075-м годом, воспоминания его первой вылазки с отцом на захваченные земли.

Вдруг Матвей осознал, что всё это время совершенно не помнил капитана, переправлявшего их туда. В памяти сохранились лишь слабые очертания, да размытое лицо, которое теперь стало постепенно проявляться.

Лейгур Эйгирсон... Лейгур Эйгирсон...

Так вот почему это имя показалось ему знакомым, когда Вадим Георгиевич впервые упомянул о нём!

Неужели это правда? Неужели этот детоубийца и впрямь знал его отца и участвовал в самой первой в его жизни переправе на захваченные земли?

На душе сразу стало погано.

– Так что? – голос исландца вывел его из мимолётного ступора.

Собиратель взглянул на капитана и увидел, как тот орудует гаечным ключом, ослабляя натяжитель.

– Что? – до сих пор находясь в растерянности, переспросил Матвей.

– Отец твой? Жив он?

– Нет. Умер десять лет назад.

На мгновение рука Лейгура остановилась:

– Жаль.

Он продолжил крутить винт, но спустя пару минут отложил гаечный ключ в сторону и вынул из двигателя чёрную потрёпанную на вид полоску из синтетического материала. Затем взял найденный в шкафу ремень и осторожно установил его на шкив вместо прежнего.

– Мерзляки? – уточнил капитан.

– Нет, – возразил Матвей.

– А как?

Собиратель не отреагировал на вопрос и всем своим видом дал понять собеседнику, что не собирается обсуждать смерть своего отца.

К счастью, Лейгур правильно интерпретировал его молчание и принялся натягивать ремень без лишних расспросов.

Через несколько минут он хлопнул металлической дверцей и объявил:

– Так, готово. Сейчас проверим.

Капитан подошёл к панели управления и нажал на кнопку включения. Пол завибрировал, двигатель равномерно загудел и более не издавал того странного шлёпающего звука.

– Звук исправно работающего механизма лучше всякой музыки, – улыбнулся исландец.

Увидев его довольную улыбку, Матвей на мгновение поймал себя на мысли, что перед ним стоит словно бы другой, обычный человек, а не безжалостный детоубийца.

– Ну, что, пошли обратно, – капитан послушно вытянул перед собой руки, давая возможность снова заковать его в наручники.

Глава 17. Дьявол

6 февраля 2093 года

Жара наступила внезапно.

Невыносимая духота, царившая в кубрике, вынуждала членов команды подниматься на палубу в надежде поймать лёгкое дуновение ветерка, приятно ласкающее покрытые испариной лбы и слегка обгоревшие щёки. Поначалу, правда, все опасались выходить наружу и спрашивали у Матвея, не находятся ли они уже близко к тому самому субэкваториальному поясу с летающими мерзляками? Однако собиратель уверял их, что бояться нечего, поскольку на территории пояса судно будет лишь через пару дней, а до тех пор они в безопасности.

Термометр показывал плюс двадцать три градуса Цельсия. От этих цифр у Йована глаза на лоб полезли, впрочем, не у него одного.

Путники, всю жизнь закаливавшие свои тела в жгучем холоде, давно привыкли к Антарктиде, и сейчас они скучали по рыхлому снегу с ледяной бурей, пускай и опасной, но ставшей за все эти годы родной. А это палящее солнце, эти знойные лучи были для них чуждыми – являясь символами неминуемой смерти и гибели. Ведь, где жара, там и мерзляки.

Выйдя на палубу, Матвей застал сидевшую в тени надстройки полуобнаженную Надю. Её грудь была обмотана тонкой повязкой, а на ногах надеты короткие штаны, концы которых были небрежно отрезаны: похоже, она искромсала их совсем недавно. На кончиках коротких тёмных волос сверкали капли пота, падая на её мускулистые плечи.

При взгляде на прогрессистку собиратель испытал чувство неловкости, но, в то же время, ощутил внутри волну приятного возбуждения.

«Жаль, Йован сейчас дежурит возле капитана, – подумал он, – интересно, как бы съязвил здоровяк по этому поводу? И вообще, смог бы?»

– Доброе утро, – поздоровался Матвей, подходя к девушке.

– Лучше б оно было холодным, а не добрым, – ответила та устало.

Пытаясь подавить острое желание разглядывать её, собиратель отвёл взгляд в сторону и спросил:

– Не видела Арину?

– Она в вездеходе. Ясир хотел осмотреть её рану.

– Спасибо.

Он уже направился в сторону «Титана», когда Надя неожиданно окликнула его и подошла ближе:

– Матвей, погоди.

Тот остановился и обернулся, по-прежнему стараясь не пялиться на её тело. Однако отметил про себя её подтянутый живот с небольшими кубиками пресса:

– Да?

Самой Наде, по-видимому, было хоть бы хны:

– Я насчёт Арины. Просто хотела сказать... – она облизнула губы. – Не стоит нянчиться с ней.

– О чём это ты?

– Ты прекрасно знаешь, о чём я, – голос девушки стал чуточку жёстче. – Ей уже семнадцать лет. В наши времена это взрослый человек, который должен сам уметь постоять за себя, а уж тем более принимать решения. Иначе она не выживет, понимаешь?

Всё прежнее наваждение вдруг улетучилось, сменившись раздражением:

– Арина тебя подначила сказать мне это?

– Нет, – резко ответила Надя. – Просто я наблюдаю за вами с самой первой встречи. Ты постоянно её опекаешь, не даёшь и шагу ступить самостоятельно. Всё за неё делаешь. Дай ей возможность действовать самой. Она умная девочка.

Матвей сделал к ней шаг, чувствуя, как к сердцу подступает злость:

– Теперь ясно, о чём вы с ней постоянно воркуете.

– Что? Нет, я не...

– Её чуть не изнасиловали и не убили там, в «Мак-Мердо», – сквозь зубы прошипел собиратель. – И если бы не я...

– Да, верно, без твоей помощи, возможно, её теперь не было бы в живых, – согласилась Надя. – Но возьми ты её сразу с нами, как она хотела изначально, этого бы удалось избежать. Чёрт возьми, да научи ты её хотя бы как следует дать по яйцам тому ублюдку, что пытался залезть на неё, было бы больше пользы.

Несмотря на весь грозный вид Матвея, девушка уверенно приблизилась к нему вплотную, и он почувствовал приятный жар, исходящий от её тела.

– Ты не всегда будешь рядом с ней, вот что я хочу сказать. Пускай учится на своих ошибках, пускай получает синяки, ведь так у неё значительно повысятся шансы на выживание, – её голос стал тише: – Поверь мне, я знаю, о чём говорю.

– Ты закончила? – с нетерпением спросил собиратель.

– Я просто пытаюсь помочь.

– Тогда не лезь туда, где ни черта не смыслишь.

– Чего?

Он заметил, как между её нахмуренными бровями появилась морщинка. Но Матвея не испугала её злость, напротив, она придала ему решительности для жёсткого ответа:

– Захваченные земли – не место, где учатся на ошибках и получают синяки, ясно тебе? Мерзляки ошибок не прощают и синяков не оставляют тоже. Запомни это, когда мы высадимся на сушу.

Не желая разжигать назревающую ссору с прогрессисткой, собиратель молча развернулся и направился к вездеходу, чувствуя спиной её сверлящий взгляд.

Когда он поднялся по ступенькам и шагнул внутрь «Титана», то чуть не столкнулся с Ясиром. Тот снимал повязку с головы Арины, сидящей на кровати у самого входа.

На соседней койке из разложенных кресел лежал Вадим Георгиевич. Его перенесли из кубрика в вездеход ещё вчера по настоянию врача, поскольку раненый нуждался в оптимальной для его состояния температуре. В «Титане» были установлены небольшие кондиционеры, которые, хоть и потребляли драгоценные ватты, зато помогали сохранять жизнь старику, толком не приходившему в себя уже почти неделю.

Прохладный воздух приятно ласкал вспотевшее лицо Матвея, и на мгновение он даже забыл, зачем сюда пришёл:

– Арина...

– Минутку, – остановил его араб, призывая дождаться окончания процедур.

Под снятой повязкой на лбу Арины обнаружился небольшой аккуратный шрам. Тонкая, немного выпуклая полоска, чуть темнее кожи, начиналась выше правой брови, делала изящный изгиб, и уходила к темени.

Матвей заметил, что в том месте, где рубец встречался с волосами, не было привычных каштановых прядей. В этот момент девушка взглянула в висевшее напротив зеркало, и удивленное там её заметно обескуражило:

– А волосы... они?

– Боюсь, что нет, – холодно сообщил Ясир. – Рана была слишком глубокая, волосные фолликулы повредились.

Он взял со столика небольшую баночку, слегка зачерпнул из неё пальцем какую-то белую мазь и стал осторожно наносить её на шрам.

– Вот, это немного успокоит зуд. Мажь, если будет совсем тяжело. Хорошо?

Расстроенная Арина тихо кивнула и опустила взгляд.

– Эй, – ласково окликнул её Матвей.

Она растерянно обернулась.

– Ты всё равно прелесть.

Девушка натянуто улыбнулась и спросила:

– Ты чего хотел-то?

– Кажется, ты последней ходила на склад кормить нашего пленника?

– Да, – она вновь взглянула в зеркало.

– Ключ от двери по-прежнему у тебя? Дай его мне.

Арина вынула из кармана ключ и протянула Матвею:

– А тебе зачем? Я же покормила его.

– Хочу вывести бедолагу на палубу хоть ненадолго, иначе он там сварится заживо.

– Надо бы прежде спросить разрешения у сержанта, – предложил Ясир и ладонью коснулся лба Вадима Георгиевича.

– Угу, – нехотя бросил Матвей и, сжав ключ в кулаке, направился к надстройке.

Собиратель спустился вниз, прошёлся по коридору и добрался до склада. От жары ладони вспотели, и ключ едва не выскользнул из пальцев, когда он вставлял его в замочную скважину. Щёлкнул замок, Матвей почувствовал, как его окутало горячим воздухом и едким запахом пота.

Пытаясь спастись от нестерпимой духоты, пленник разделся догола и распластался на полу в форме звезды. У его ног стояла тарелка с недоеденными полосками пеммикана и пустая кружка.

Заметив вошедшего, мальчишка даже не попытался прикрыть причинное место. Он вскочил на ноги и, тяжело дыша, произнёс:

– Выведи меня отсюда.

Собиратель внимательно посмотрел на пацана, пытаясь понять, не затевает ли он чего:

– Хочешь на палубу?

Тихон рукою отёр со лба пот:

– Нет, можешь отвести меня куда-нибудь, где ещё жарче. Конечно, я хочу на палубу!

– Опять дерзишь. Ну, значит, посидишь здесь ещё...

Матвей развернулся, делая вид, что собирается уйти.

– Стой!

Что ж, это было вполне предсказуемо. Он медленно повернулся обратно.

Губы Тихона дрожали. Парень отвёл взгляд, тяжело выдохнул носом и с ужимкой сказал:

– Пожалуйста, уведи меня отсюда.

От пленника ужасно разлило потом и мочой, но собиратель подошёл к нему ближе, почти вплотную:

– Никаких фокусов?

– Никаких фокусов.

– Слово даёшь?

Ответа не последовало.

Матвей вновь стал разворачиваться на выход и сразу же услышал за спиной торопливое:

– Даю, даю.

– Ну, смотри...

Он достал из-за пояса нож и перерезал веревку. Тихон поспешил избавиться от остатков пут, словно те были змеями, при этом на его лице быстро промелькнула нехорошая улыбка.

– Я скажу только один раз, – собиратель коснулся рукоятки револьвера так, чтобы мальчишка это заметил. – Будешь вести себя как нормальный человек, а не бешеный зверь, сюда больше не вернёшься. В противном же случае снова запру тебя здесь, надолго и без возможности выйти наружу. Понял меня?

– Угу, – промямлил пленник.

– Пацан...

– Да понял я, понял.

– Хорошо. Дальше, – Матвей указал на дверь, ведущую к заветному выходу наружу. – Если в твоей наивной и бестолковой голове зреют планы мести, или ты затеваешь какую-нибудь гадость, советую всё это дерьмо оставить здесь и не выносить за пределы этого помещения. Мы сейчас посреди Атлантического океана и бежать тебе некуда. С тобой на борту ещё девять человек, трое из которых без труда расправились с толпой твоих дружков, поэтому какой-то сопляк, вроде тебя, для них точно не будет проблемой.

– Хорошо, можем мы уже выйти отсюда? – с жарким нетерпением спросил Тихон.

– Нет, я ещё не озвучил главное правило, нарушение которого сразу же вернёт тебя в эту дыру, – собиратель коснулся его плеча и сжал так крепко, что мальчишка пискнул, но сопротивляться не стал. – Ещё раз назовёшь меня «ишаком», и билет обратно тебе заказан. Это ясно?

Парень тяжело дышал носом, его глаза сверкали от злобы:

– Ясно.

– Надеюсь на это.

Матвей убрал руку с его плеча.

– Всё? Закончил? Можно идти?

– Повтори всё, что я тебе сказал.

– Серьёзно?!

– Выйти ещё хочешь?

Мальчишка опустил голову, прошептал что-то себе под нос и стал натянуто бубнить:

– Не мстить, не выкидывать фокусов, не обзывать тебя.

Собиратель утвердительно кивнул:

– Заруби это себе на носу.

Сильное желание покинуть склад просто переполняло Тихона, можно сказать, лилось через край, и он зашагал к выходу.

– Куда намылился в таком виде? – остановил Матвей, указывая на его наготу. – Там глазеть на твои причиндалы никому нет нужды. Оденься.

Оказавшись на палубе, пленник завертел головой, неустанно разглядывая безоблачное синее небо и окружающие их воды океана. Яркий солнечный свет заставил его зажмуриться и даже закрыть лицо рукой, после чего он громко чихнул.

Посторонний звук немедленно привлёк внимание Нади, которая всё так же сидела в тени и наблюдала за водной рябью. Она строго посмотрела на мальчишку, затем на Матвея и уже через пару секунд двигалась в их сторону.

Завидев её, Тихон присвистнул:

– А полуголенькая она не выглядит такой ведьмой, как прежде.

– Что я тебе говорил минуту назад? – строго обратился к нему собиратель.

– Чего? – парнишка придал своему лицу выражение озадаченности. – Это ж никакое не ругательство, а как раз напротив.

Ещё не успев подойти, Надя бросила упрёк Матвею:

– Какого хрена? Почему пацан не на своём месте?

– В трюме небезопасно: там слишком жарко и нечем дышать, – объяснил тот.

– Верно, верно, – влез со своим мнением Тихон. – Ты зайди туда сама, если не веришь. Там такая жара, что кожу содрать хочется.

– Ты мне не «тыкай» тут, сопляк, – грубо осадил его девушка. – И хватит пялиться на меня.

– Попробуй тут не пялиться... – малец развёл руками, на его лице возникла наглая ухмылка.

Матвей устало вздохнул и, взяв его за плечо, повернул к себе:

– Так, я же...

Но тут Надя резко развернула мальчишку и отвесила ему такую смачную оплеуху, что тот не устоял на ногах и упал. Его глаза сделались большими от удивления и в них сверкнули подступающие слёзы, которые Тихон поспешил вытереть тыльной стороной руки.

Пыхтя от злости, он впился осуждающим взглядом в свою обидчицу, и принялся её костерить:

– Ты поганая шлю...

– Закрой рот! – оборвал его Матвей. – Ещё хоть слово, и пулей отправишься обратно. Понял меня?

Парня так и распирало покрыть Надю первосортной руганью, которой славились жители полуострова, но он смог заставить себя держать рот закрытым. Страх оказаться в трюме был гораздо сильнее желания высказаться.

Вдруг воздух взорвал гудок траулера, заставив всех испуганно пригнуться. Он повторился ещё несколько раз, прежде чем умолк окончательно.

Из вездехода выскочил Ясир и крикнул:

– Надя, готовность номер один!

– О, чёрт... – выругалась она и побежала в надстройку.

Матвей перехватил рванувшего туда же араба и задал ему вопрос:

– Что происходит?

– Ещё не знаю, – на ходу ответил тот. – Сержант приказал быть готовыми и при оружии. Извини...

Ясир припустился в сторону надстройки.

– Эй, – окликнул Матвея стоящий рядом Тихон, голос его был взволнованным. – Это же не жуки, да? Не жуки?

– Были б жуки, нас уже не было бы в живых. Давай за мной, и что б ни на шаг от меня не отходил, понял?

– Да понял, понял.

Собиратель быстрым шагом направился к мостику и уже через минуту был на месте. Сержант стоял рядом с капитаном и наблюдал в бинокль что-то впереди по курсу. Арина и Йован находились у правого борта и тоже всматривались вдаль.

– Что там? – с нетерпением и переполняющим его волнением спросил Матвей.

Все разом обернулись в его сторону.

– А пацан что тут делает? – возмутился Миша, отложив бинокль.

– В трюме дышать нечем, ещё и жарко, – быстро проговорил собиратель и спешно подошёл к навигационной панели, дабы скорее разузнать, что же так всполошило весь экипаж.

На горизонте он разглядел судно небольшого размера, дрейфующее к ним боком. Отсутствие пены и исходящих волн от его корпуса наводило на мысль, что двигательная установка корабля не работает.

– Бинокль, – потребовал Матвей у сержанта и протянул руку, не отрывая взгляда от таинственного судна.

Миша нехотя исполнил его просьбу. Боковым зрением Матвей заметил, как тот с подозрением смотрит на стоящего у входа мальчишку.

Собиратель навёл окуляры бинокля в сторону неизвестного корабля и постарался разглядеть его получше. Первое, на что он обратил внимание, было его название «Devil»¹⁹ на борту в носовой части, нанесённое большими красными буквами.

В отличие от их траулера, данный корабль принадлежал к категории НИС²⁰, которых было предостаточно на территории Антарктиды ещё во время миграции на континент. Это были самые распространённые суда среди собирателей, сам Матвей не раз совершал вылазки на подобном корабле.

– На палубе никого, – подметил он, внимательно разглядывая верхнюю часть судна.

– Я поэтому и гудел, ждал ответа, – спокойно произнёс Лейгур. – Попытался выйти на связь, тоже молчат.

– Может, у них аккумулятор сдох? – предположил Йован. – Как с тем вездеходом возле «Востока», помните?

– Вполне возможно, – кивнул Матвей.

У Миши зашипела рация, и раздался голос Нади:

– Сержант, мы готовы.

– Ждите на палубе, – приказал он.

– Принято.

Вдруг Матвей увидел едва заметное пятно цвета морской тины на двухэтажной надстройке. Один лишь вид этого пятна заставил его сердце биться быстрее:

– Проклятье... – прошептал он.

– Что? Видишь кого-то? – с нетерпением спросил Миша.

Собиратель передал ему бинокль:

– Вон там, возле окна, зелёное пятно.

Сержант пригляделся внимательнее:

– Вижу. Что это?

– Это кровь.

Миша отпрянул от окуляров и вопросительно посмотрел на собирателя.

– Кровь мерзляка, – добавил тот.

Через десять минут на палубе стояло четверо бойцов в разгрузочных жилетах с карманами, набитыми запасными магазинами. Они положили стволы винтовок на планшир и заняли укрытие за фальшбортом в ожидании, когда судно подойдёт к одинокому кораблю.

Матвей стоял позади них, положив ладонь на рукоятку револьвера.

Из рации сержанта послышался голос капитана:

– Подходим, минуты две до контакта.

– Понял.

Вскоре траулер поравнялся с «Дьяволом», и в воздухе, наряду с солёным запахом океана, повис едкий смрад электрической гари, а к привычным уже звукам добавился странный металлический перезвон, идущий со стороны чужого корабля. На какое-то мгновение он затих, но стоило борту накрениться, как многочисленный лязг повторился вновь.

– Не нравится мне это, – прошептал Ясир.

– Тихо, – шикнул сержант и приказал подчинённым: – За мной.

Они встали на край фальшборта и взяли судно на абордаж. Матвей последовал за ними.

¹⁹ Дьявол (англ.).

²⁰ *Научно-исследовательское судно (НИС) или научно-экспедиционное судно (НЭС)* – морское, озёрное или речное судно, используемое для исследования земли, водных масс, биомасс, дна, атмосферы Земли и космического пространства.

Оказавшись на чужой палубе, все первым делом увидели источник странного звона: десятки, если не сотни использованных гильз перекатывались от левого борта к правому, напоминая рой насекомых. Здесь же валялся автомат с отсутствующим магазином и моток верёвки в бурой луже, жирный кровавый след от которой широкой полосой протянулся до самого борта.

Помимо человеческой крови, присутствовала и зелёная, мерзлячья, встречающаяся чуть реже.

Собиратель почувствовал, как сердце его заколотилось быстрее.

Тем временем Миша махнул рукой находящейся позади группе, и они цепочкой последовали за ним.

Отряд обошёл надстройку со следами зелёной крови и отверстиями от пуль, дошёл до боковой части и остановился. В стене, где должен был находиться входной люк, зияла большая дыра. Кусок надстройки словно выдернули зубами, оставив небрежное отверстие.

Сержант переглянулся с идущим позади Матвеем, как бы спрашивая его: «Это то самое?» На что собиратель ответил кивком головы.

Миша медленно выдохнул, а затем жестом послал Ясира вперёд. Тот приблизился к дыре и, держа винтовку наготове, заглянул внутрь, посмотрел по сторонам и вниз:

– Чисто, – доложил он вполголоса.

Матвей последовал с отрядом дальше. За дырой в стене оказался металлический трап, ведущий в темноту. Оттуда разило жуткой вонью, и собиратель еле удержал в желудке съеденный утром завтрак.

Бойцы всполошились и напряглись, вытирая вспотевшие ладони о штаны.

– Спокойно, – немного разрядил обстановку сержант. – Медленно и тихо идём за мной.

Все стали цепочкой спускаться по трапу. Достигнув тёмного участка, Миша включил фонарик ваттбраслета, за ним это же проделали и остальные.

Лучи света упали на искорёженный входной люк, лежащий в лестничном проходе. Сила, с которой его вырвали, никак не укладывалась в голове.

Тошнотворный запах становился невыносимее с каждым шагом, рисуя в голове самые ужасающие картины произошедшего. Спустившись ниже, группа оказалась в кубрике.

Матвеем удалось заметить в свете фонаря выключатель, и он, предупредив остальных, щёлкнул им. Однако ничего не произошло.

– Нет энергии, а может, и аккумулятор сдох, – высказал предположение собиратель. – Сейчас проверим. Ясир, посвети мне.

Кружок света от фонарика высветил на стене разъём для подключения. Матвей вытянул провод из ваттбраслета, вставил его в разъём и перевёл небольшое количество ватт, после чего вновь щёлкнул выключателем.

На потолке с треском зажглись светильники и, мигнув пару раз, залили тусклым светом всё помещение.

От увиденного у людей кровь застыла в жилах.

Среди разбитой мебели и перевернутых коек, в количестве трёх штук, в мерцающем свете электрических ламп темнели огромные лужи крови. Набитые тряпьем подушки и одеяла валялись на полу вперемешку с книгами, оружием, битым стеклом и обрывками ткани, бывшими некогда частью одежды. Возле закреплённого болтами стола лежала тухлая рыба и сушёное мясо не то пингвина, не то тюленя.

Электрическая гарь смешалась с неприятным металлическим запахом. Разложением не пахло, поскольку разлагаться было нечему: тела отсутствовали.

– Боже, – прошептала Надя.

– Идём дальше, – велел сержант.

Бойцы двинулись вперёд, внимательно осматривая под прицелом карабинов каждый угол.

– Чисто! – сообщил Ясир из крохотного камбуза.

– Чисто! – раздался голос Нади из отсека с двигателем.

Все немного расслабились и по приказу командира опустили оружие.

Прогрессисты молча и осторожно ходили по кубрику, ступая по лужам крови, как по болоту, в надежде, что их не засосёт.

– А где трупы? – спросил Ясир, продолжая разглядывать всё вокруг. В отличие от других, на его лице не было гримасы отвращения. По всей видимости, за свою практику врача он успел повидать многое.

– Мерзляки редко оставляют тела, – ответил собиратель, высматривая под ногами свободные от крови участки пола. – Они выжимают человека как влажную тряпку, прежде чем... – Он покосился на остальных. – Сожрать.

Матвей не видел останков несчастных и не знал их имён, но всё же почтил погибших недолгим молчанием. В конце концов, они были такими же собирателями, как и он.

– Как это произошло? – с недоумением в голосе задал вопрос сержант и взглянул на собирателя. – Ты говорил, что мы можем наткнуться на мерзляков только лишь в субэкваториальном поясе.

– Знаю, – согласился Матвей и задумался. – Я сейчас.

Он нашёл вход в двигательный отсек и зашёл внутрь. Электричества в помещении не было, поэтому пришлось вновь воспользоваться фонариком. Наведя луч света на аккумулятор, собиратель окончательно убедился в посетившей его догадке, о чём и сообщил остальным, вернувшись обратно:

– Всё верно, на них напали в субэкваториальном поясе, но даже после этого корабль продолжал плыть на автопилоте, пока запас ватт полностью не иссяк.

– Видимо, неделю назад, на брифинге ты солгал про небольшую вероятность столкновения с этими тварями, – высказал своё мнение сержант.

– Я никогда не сталкивался с подобным, – Матвей озадаченно почесал затылок.

По лестнице из трюма поднялась Надя:

– На складе тоже чисто, сержант, – сообщила она и поспешила добавить: – Но там есть кое-что по вашей части. Вам лучше взглянуть.

Миша кивнул и дал указание парням:

– Ясир, ступайте вместе с Домкратом обратно на судно, будем готовиться к отплытию.

– Понял, – ответил тот и жестом велел Домкрату следовать за ним.

– Веди, – приказал сержант Наде.

Они втроём спустились вниз. Надя, по примеру Матвея, подключила ваттбраслет к разъёму, и через несколько секунд помещение озарилось тёплым светом. Склад был настолько переполнен множеством вещей, что добраться до противоположной стены не представлялось возможным. Собиратель успел заметить аккумуляторы электромобилей, ящики с запчастями, огромное количество инструментов и ещё целую кучу дорогих и, вне всякого сомнения, полезных для выживания вещей. Те же смартфоны, например. Их основу использовали для изготовления или ремонта ваттбраслетов, а встроенные накопители памяти с перепиской пользователей, картинками или сохранёнными статьями очень ценились архивариусами на станции «Амундсен-Скотт».

Одним словом, знатный улов!

– Это всё объясняет, – сообщил вслух Матвей.

– Что объясняет? – поинтересовался сержант.

– Обычно рейды заканчивают в конце февраля, но в этом случае управились значительно раньше, – собиратель обвёл рукой забитый добром склад. – Вот они и отчалили домой, – затем ему в голову пришла ещё одна догадка, которую он поспешил озвучить: – А может, и для того, чтобы избежать встречи с пиратами.

Сержант без особого интереса воспринял эту информацию и обратился к Наде:

– Что ты хотела показать?

– Там, – указала она слева от себя. – В ящике.

Миша подошёл к указанному ящику и, увидев его содержимое, с удивлением поднял брови.

– Это оно? – уточнила Надя.

– Да, оно, – сержант осторожно достал оттуда нечто, похожее на пакет, с чёрными крохотными шариками внутри.

Матвею понадобилась доля секунды, чтобы вспомнить описание странного вещества, которое он слышал совсем недавно, и понять, что это такое:

– Это та самая взрывчатка?

– Да. Нанотермит, – Миша заглянул в ящик. – Его здесь хватит для подрыва десяти станций, если не больше.

В голосе сержанта слышалось сильное волнение.

– Интересно, где они нашли его? – не отрывая взгляда от пакета с гранулами, он обратился к собирателю: – Это можно как-то выяснить?

Тот с подозрением взглянул на прогрессиста:

– Для чего?

– Просто ответь на вопрос, – сухо велел сержант.

– Этой штуке не место в Антарктиде, – озвучил своё мнение Матвей. – Лучше всего будет взять это дерьмо и сбросить за борт.

– Давай-ка я сам решу, где этой штуке место, понятно? – Миша осторожно положил нанотермит обратно в ящик и строго взглянул на собирателя: – Последнее время ты много на себя берёшь: сначала самовольно освобождаешь этого детоубийцу, теперь вот пацана вытащил на палубу, даже не спросив моего разрешения.

– Что-то не припомню, в какую минуту с момента нашей встречи я поклялся быть твоей послушной собачкой.

Сержант сделал к нему шаг и ткнул пальцем в грудь:

– Ты наёмник, понял? А наёмник должен исполнять приказы.

– Я заключил сделку не с тобой, а с твоим начальником. И если уж на то пошло, то выслушивать какие-либо приказы буду только от него.

– В его отсутствие я за главного, ясно? И ты...

В их внезапно возникшую перепалку вмешалась Надя:

– Журнал капитана!

Заставив одной фразой немедленно обратить на неё внимание, Матвей разочарованно вздохнул, поскольку девушка правильно определила альтернативный источник информации, а на лице Миши образовалась довольная полуулыбка.

– Там точно будет запись, где именно они проводили рейд, – добавила она.

– Точно, – подметил сержант и приказал: – Поищи этот журнал. И ещё, сообщи Домкрату, чтобы он установил здесь, на борту, маячок. Когда вернёмся обратно на «Прогресс», нужно будет отыскать этот корабль.

– Сделаю, – ответила девушка и, бросив в сторону Матвея осуждающий взгляд, поднялась по лестнице.

– Ты делаешь большую ошибку, – сказал тот сержанту, и предпринял последнюю попытку его образумить: – Пока не поздно, выкинь это дерьмо за борт и забудь про этот корабль.

– То ли память у тебя отбило, собиратель, то ли ты так и не понял, о чём мы говорили тем вечером, когда я упоминал «Звёздную»... – Миша облокотился о стену. – Кровоопускание, помнишь? Так вот, содержимое этих ящиков может значительно ускорить процесс. Просто

представь, как облегчённо вздохнули бы собиратели и капитаны, если бы парочка таких пакетов взорвалась на станциях, где засели пираты.

Матвей подошёл к сержанту вплотную и посмотрел ему прямо в глаза:

– Пираты и рейдеры захватывают станции с мирными жителями, которые вынуждены потом жить с ними бок о бок и подчиняться, чтобы только не сдохнуть. Ты их тоже подорвёшь?

Миша промолчал.

Не желая больше находиться в одном помещении с прогрессистом, Матвей направился к лестнице. Чтобы избавиться от горечи, застрявшей в горле, он сплюнул на пол и бросил напоследок:

– Никакое это не кровопускание, а самое настоящее истребление.

– Необязательно подрывать, – крикнул ему вслед сержант. – Такое оружие всегда можно использовать как аргумент для защиты своего народа. И использовать долгие годы! Раньше это было ядерное оружие, собиратель! А теперь – содержимое этих ящиков.

Вернувшись с «Дьявола», Надя сообщила, что не смогла выполнить приказ командира. Она обыскала весь мостик, кубрик и несколько имеющихся кают, но журнал с отчётами капитана так и не нашла. Матвей почувствовал в этом некую справедливость – по крайней мере, большое количество страшного оружия не попадёт на шестой континент. Зато сержант злобно шикнул, раздосадованный этим известием, и с ненавистью глянул в сторону собирателя, будто обвиняя его в пропаже журнала.

В эту минуту к ним на палубу поднялся Домкрат, потирая руки.

– Поставил? – спросил его сержант.

Механик показал большой палец.

– Отлично, – подытожил Миша. – Мы ещё обязательно туда вернёмся. Такую находку нельзя отпускать.

Матвей хотел было сказать: «Для начала не помешает вернуться оттуда, куда мы плывём», но передумал. Если бы не Арина и Йован, присутствующие на борту, он бы даже пожелал провала этой экспедиции, лишь бы дорога к «Дьяволу» была окончательно забыта и похоронена в водах Атлантического океана.

Тот взрыв, на который, по словам сержанта, у него ушла горсть этих чёрных шариков, до сих пор стоял у собирателя перед глазами. Попади эта взрывчатка не в те руки, да хоть к тем же пиратам...

Добром это не кончится.

Размышления Матвея прервал звонкий голос Тихона, пытающегося вырваться из жёсткой хватки Йована, удерживающего пацана за руку:

– Тебе-то чего, громила? Тебя, вообще, волнует? Отпустил меня, живо!

– Я тебе щас так вмажу, что улетишь обратно на свой полуостров, понял меня?

– Так вмажь, образина! Чё, слабо, да?

Видно было, как хочется здоровяку замахнуться рукой и отвесить леща, но, в отличие от Нади, он себя сдерживал, хоть и с трудом. Зная вспыльчивую натуру приятеля, Матвей с удивлением наблюдал за происходящим:

– Йован, – окликнул он, спасая того от искушения.

– Матвей! Я сейчас этому паршивцу голову откручу!

Собиратель коснулся руки товарища, как бы прося его ослабить хватку, и перехватил парнишку за шкирку:

– И часа не прошло с тех пор, как мы заключили с тобой сделку, а ты уже получил оплеуху и нарываешься получить вторую.

Мальчишка запротестовал:

– Да я просто хотел глянуть, чего там, на этом корабле. А эта сволочь...

Здоровяк не стерпел:

– Ну, всё, говнюк...

Он потянулся к шее пацана, но тут сержант, молча наблюдавший со стороны, достал из-за пояса пистолет и хладнокровно выстрелил мальчишке под ноги. От неожиданности тот подскочил, как застигнутый врасплох заяц, и спрятался за могучей спиной Йована, поглядывая из-за его плеча большими испуганными глазами.

– Раз уж ты выпустил его, – обратился прогрессист к Матвею, убирая пистолет обратно в кобуру, – сделай так, чтобы этот зверёныш вёл себя подобающим образом. В противном случае я выстрелю чуть повыше, и его отстреленные яйца будут на твоей совести, собиратель. Ты же у нас из совестливых, верно?

Миша смачно харкнул в сторону и направился к надстройке.

– Чего это он? – проводил сержанта взглядом Йован.

– Потом расскажу, – ответил Матвей и взглянул на мальчишку. – Надеюсь, ты всё понял? На этот раз Тихон удержал рот на замке и лишь утвердительно кивнул.

– А где Арина? – спросил Матвей, не отыскав взглядом девушку.

– Вроде как, осталась на мостике.

Собиратель ещё раз осмотрел палубу, и до него вдруг дошло, что вся команда была здесь, а это значит...

– Стой, ты оставил её одну вместе с этим?..

Йован с беспомощным видом открыл рот и покосился на мальчишку:

– Проклятье, я даже как-то и не подумал...

Остальное он не договорил, поскольку быстро ринулся за перепуганным до смерти Матвеем. Тот набегу достал револьвер, уже взвёл курок и был почти уверен, что прямо сейчас пустит оружие в ход.

Поднявшись по лестнице, собиратель резко открыл люк на мостик. Сидевшая на диване Арина вздрогнула и посмотрела на него встревоженным взглядом. Затем её внимание переместилось на запыхавшегося здоровяка, ворвавшегося следом.

Стоявший за штурвалом Лейгур обернулся через плечо и тихо хмыкнул.

– Что случилось? – девушка приподнялась с места, и Матвей заметил у неё на шраме недавно нанесённую мазь.

Он молча переглянулся с Йованом, и беспокойство в их глазах постепенно угасло.

– Ну?! – потребовала Арина. – Чего молчите-то?

Теперь уже и капитан заинтересовался происходящим и обернулся в их сторону.

– Всё нормально, – выдохнув, ответил собиратель.

– Раз всё нормально, чего ввалились тогда, как бешеные? – девушка плюхнулась на диван и постаралась повернуть голову так, чтобы не было видно шрам. – Ну, нашли кого-нибудь? Есть кто живой на этом корабле? – спросила она через секунду, раздираемая любопытством.

Матвей покачал головой и подошёл ближе к дивану. Арина тихо кивнула и поджала губы, словно ожидала такой ответ заранее.

– Да, кстати, Матюш, расскажи хоть, что вы там нашли? – задал вопрос Йован. – Уж больно интересно знать, но ступать на борт этого судёнышка я жуть как не хочу. У меня от него мурашки по коже.

Собиратель коротко и без лишних подробностей описал им то, что, по его мнению, произошло на борту «Дьявола» несколько дней назад. Перепалку с Мишей касательно взрывчатки упоминать не стал, оставив это на потом.

– М-да, бедолаги. На обратном пути взять и... – Йован цокнул, не сумев подобрать слов.

– Ты часто встречался с подобным, Матвей? – помолчав с минуту, спросила Арина. – Чтобы мерзляки нападали на суда в этом субэкваториальном поясе?

– Нет, никогда, – ответил собиратель. – Но, откровенно говоря, большинство своих вылазок я совершал по Тихому океану. По Атлантическому мне доводилось плавать лишь несколько раз, много лет назад. Ещё с Дэном...

Внутри словно иглой кольнуло, когда он вновь вспомнил теперь уже бывшего товарища.

Вдруг в их разговор вмешался Лейгур, наблюдающий за «Дьяволом» через панорамное окно:

– Они умнеют.

– Что? – переспросил его Йован.

Исландец повернулся к ним лицом.

– Жуки умнеют. Раньше они действительно просто пролетали мимо, если на борту корабля никого не было. Экипажи без труда проплывали пояс, просто не появляясь снаружи и тихо сидя в кубриках и каютах. Но в последние годы нападения участились. Жуки, словно стали понимать, что их дурят, и всё больше кораблей теперь пропадают без вести и не возвращаются, – он взглянул на Матвея. – Спроси ты сейчас любого собирателя в «Мак-Мердо», они тебе хором это подтвердят. Последние пару лет по Атлантике рейды сократились в разы.

Йован запротестовал:

– Умные жуки? Бред.

– Это ты называешь их жуками, – отрезал исландец, – опираясь на внешнюю схожесть с земными насекомыми. Но на самом деле ты понятия не имеешь, как устроены эти твари, как они мыслят, как эволюционируют. Эти существа не из нашего мира, и мы не знаем о них абсолютно ничего. Помяни моё слово, возможно, пройдет несколько лет, и безопасная Антарктида, к которой мы так привыкли, перестанет быть таковой.

Здоровяк молчал, по всей видимости, признав правоту исландца.

– Если хотим выжить, следующие несколько дней нам нужно быть готовыми ко всему, – заключил Лейгур и вновь обратил свой взор в сторону болтающегося на волнах «Дьявола».

Глава 18. Ни звука

8 февраля 2093 года

Вадим Георгиевич очнулся на следующий день после встречи с «Дьяволом». Произошло это утром, когда вышедшая на палубу после завтрака команда заметила ковыляющего по палубе старика, который с удивлением на лице рассматривал океанскую гладь вокруг.

Ясир и Надя немедленно бросились к нему и подхватили его аккуратно, когда его ослабевшие ноги дали слабину, и он стал падать. Врач стал ругать пациента, упрекая за покинутую койку в подобном состоянии, в то время как Надя, сдержанно улыбаясь, выказывала свою радость и подбадривала выглядящего как привидение начальника.

Тем временем Тихон, хорошо помня, что последнее слово в отношении его судьбы принадлежит старику, которого он ранил, осторожно наблюдал за происходящим, укрывшись за спиной Матвея

– Ну че, сейчас? – нарочито ленивым, но в то же время взволнованным голосом спросил он.

– Нет, чуть позже, я скажу, – велел Матвей.

Мальчишка невольно выдохнул.

Еще прошлым вечером Матвей, словно в воду глядев, подозвал Тихона к себе и настоятельно посоветовал ему подготовить слова с извинениями.

– Чего-чего? – недовольно прыснул тогда пацан.

– Думай, как ты будешь извиняться перед Вадимом Георгиевичем, в которого всадил пулю, и которого чуть не свел в могилу. Советую тебе крепко подумать над тем, что ты ему скажешь. И учти сразу, я тебя защищать не стану – все будет так, как скажет он.

Матвей, само собой, лукавил и последнее предложение сказал, желая припугнуть мальчишку. Разумеется, он заступится за него, если прогрессист вдруг прикажет сбросить того за борт, постарается отстоять мальчишку, несмотря на его скверный характер.

К счастью, этого совершенно не понадобилось.

По истечении получаса с того момента, как очнулся Вадим Георгиевич, Матвей вместе с Тихоном пожаловали в вездеход. Возле входа их встретила Надя, в чьих глазах Матвей прочитал немой укор в его сторону.

– Зачем ты его привел?

Не желающий вступать в перепалку Матвей спокойно ответил:

– Тихон хочет повидать Вадима Георгиевича. – Он положил парню руку на плечо. – И сказать ему кое-что.

– Нечего ему говорить.

– Надя...

– Он еще не пришел в себя. Ему нужен отдых.

Из вездехода раздался хриплый старческий голос:

– Надя, кто там?

Надя недовольно фыркнула.

– Матвей, – сообщила она, – и сопляк, который вас подстрелил.

– Мы хотим поговорить, Вадим Георгиевич, – громче произнес собиратель.

– Надя, дай им пройти! – отозвался начальник.

Прогрессистка нехотя сделала шаг в сторону.

– Я слежу за тобой, засранец, – предупредила она мальчишку.

Еще пару дней назад Тихон не оставил бы подобный выпад в свою сторону без язвительного комментария, но после беседы с Матвеем и пары оплеух, полученных им в день освобождения, он сперва стал думать, прежде чем открывать рот.

Вадим Георгиевич встретил их лежа в койке, пока Ясир подготавливал очередной укол. Его седые брови поднялись от удивления при виде мальчика. Сам же Тихон, едва переступив порог, боялся ступить вперед – храбрости в нем значительно поубавилось.

– Это вот ты выстрелил в меня? – с недоумением спросил Вадим.

Тихон молча кивнул, сжимая пальцы рук.

– Вот же старость не в радость... – усмехнулся мужчина. – Там, в потемках склада, мне показалось, что ты выглядел намного старше. А это вот как оно получается, меня ребенок подстрелил!

С лица прогрессиста не сползала издевательская ухмылка.

– Я это... – начал осторожно Тихон, – извиниться хочу. Я не хотел тогда стрелять в вас, так получилось...

Надя позади фыркнула.

А Матвей понял, что мальчишка, несмотря на то, что его извинения звучали искренне – по крайней мере, так ему казалось, – тогда совсем не задумывался над тем, что сказать, паршивец эдакий.

Вадим Георгиевич пристально и долго смотрел на паренька, при этом даже не заметив очередную иглу от укола, которую Ясир вонзил ему в предплечье, а затем, махнув рукой, сказал:

– Да ты ж пацан, глупый еще. Фиг с тобой, на первый раз прощаю...

– Вадим Георгиевич, – запротестовала Надя, выйдя вперед. – Да ведь...

– Что? – оборвал ее начальник. – Прикончить его предлагаешь? Ты совсем, что ли, слурела, Надежда? Он же ребенок совсем.

– Да я же... да я... – Она с гневом взглянула на Тихона, который стеснительно опустил голову и боялся взгляд поднять. – Да пошло оно!

Девушка вышла на палубу, бросив винтовку на пол.

– Чего она так взъелась на меня? – набрался храбрости спросить Тихон, за что сразу получил легкого подзатыльника от Матвея.

– Я что тебе говорил? – сделал ему замечание собиратель.

– Да понял я, понял. – Затем тихо прошептал: – Мороз на тебя...

– Есть у нее причины сердиться на таких, как ты, малец, но это не твоего ума дела, – вдруг ответил Вадим Георгиевич, отчасти удовлетворив любопытство Тихона. – Вот что, не думай, что теперь просто так от меня отделаешься. Я еще подумаю, как найти тебе применение, понял меня?

– Понял, – устало кивнул тот.

– Вам лучше всего лежать, начальник, – дал совет Ясир. – Вы сейчас крайне слабы, восстанавливаться нужно постепенно.

– Крайне слаб... Сколько же я овощем пролежал, получается?

– Неделю, начальник, – ответил Ясир.

– Неделю... – Старик выдохнул, словно эта неделя был не неделей вовсе, а сроком в несколько лет. – Что-нибудь произошло за эту неделю?

– Я позову сержанта, он все вам расскажет, – предложил Матвей. – Он сейчас дежурит с капитаном.

– Не стоит его отвлекать от дежурства, меня вполне удовлетворит и твой пересказ, – поспешил ответить старик. – Поэтому не томи, рассказывай уже, в какой части Атлантики мы находимся и как долго нам еще плыть.

Матвей исполнил просьбу прогрессиста.

В ночь того же дня, когда очнулся Вадим Георгиевич, Матвею довелось стать невольным свидетелем странной выходки Лейгура, своей нелепостью введшей собирателя в полнейшее замешательство.

Все, как всегда, началось с бессонницы. В надежде прогнать ее и поспать хотя бы несколько часов Матвей решил на несколько минут выбраться на палубу и подышать воздухом – обычно это помогало. В горло как песка насыпали, и он, прихватив флягу с водой, вышел из кубрика. Но стоило ему подойти к входному люку, как он услышал зловеющий шепот, издали походивший на говор жуткого существа из романа Говарда Лавкрафта, которого ему доводилось читать много лет назад.

Матвей тихо вышел наружу и в дальнем конце судна в мягком свете луны заметил полностью обнаженного Лейгура. Он стоял на коленях, а лицо его было обращено к звездам. Глядя на них, мужчина нашептывал нечто странное, по всей видимости, на родном ему языке, придавая своему голосу жуткий тембр, словно он исходил не из его рта, а, скорее, из нутра.

Еще этим утром Миша после настоятельной просьбы Лейгура принял решение освободить его от наручников. Исландец смог убедить твердолобого сержанта, что впереди у них опасный путь через субэкваториальный пояс, и будет лучше, если его руки будут свободны. Тогда Матвей подумал, что, возможно, увиденное на «Дьяволе» сержантом помогло ему пойти навстречу исландцу, а быть может, капитан за прошедшую неделю все же успел получить кредит доверия у прогрессиста.

Возможно, после увиденного Матвеем на палубе этой ночью сержант снова принял бы решение заковать капитана, а затем еще и засунуть в рот кляп, чтобы рот исландца не издавал эти мерзкие и жуткие звуки.

Вдруг в свете луны в руках Лейгура сверкнуло лезвие. Матвей и глазом не успел моргнуть, как безумец полоснул свою ладонь и, медленно подойдя к фальшборту, при этом продолжая говорить на этом странном языке, вытянул порезанную ладонь над водой. Минуту спустя сделал шаг назад и распластался на палубе, неотрывно наблюдая за звездами. Бледный свет освещал его татуированное тело, могучую грудь и растрепанную бороду; глаза дьявольски сверкали в лунном свечении.

Еще несколько минут Матвей продолжал шпионить за ним в ожидании очередной причуды, но, так и не дождавшись, вернулся обратно в кубрик, всю оставшуюся ночь пытаясь понять, свидетелем чего именно он был.

Когда в иллюминатор ворвался солнечный свет, все мысли о Лейгуре растаяли, сменившись одной-единственной: они приближаются к субэкваториальному поясу.

От одной только мысли об этом стало не только страшно, но и невыносимо жарко.

Затем собиратель вдруг заметил, как все в кубрике уже давно не спали: они лежали и молча смотрели в потолок в ожидании предстоящего испытания.

Всю необходимую провизию перенесли из вездехода в кубрик еще прошлым вечером. На всякий случай оттуда же вытащили и все взрывчатое – самодельные гранаты, РПГ и снаряды для него – и перетащили на склад, накрыв защитным брезентом.

Для всех стало неожиданным открытием, когда Лейгур при всех включил кондиционирование в кубрике, покопавшись в проводах и контрольной панели на стене. Он просто открыл крышку панели, переключил пару тумблеров и подключил заземление с помощью отвертки. Вскоре система вентиляции заработала, и прохладный воздух начал заполнять прежде жаркое и душное помещение.

По всей видимости, заранее предугадав недовольные возгласы своих пассажиров, капитан сообщил, что система кондиционирования жрет много ваттов, и он всегда отключает ее в

целях экономии. Но поскольку им предстоит провести вместе в одном помещении ни много ни мало трое суток, поток свежего и холодного воздуха был жизненно необходим.

Утром восьмого февраля, когда вся команда собралась на мостике после съеденного завтрака, Лейгур, прежде сверившийся с навигационной панелью, сообщил:

– Пересекли пятнадцатую параллель. – Он коснулся пальцем сенсорного экрана и убрал руки от штурвала, который теперь стал самостоятельно делать небольшие обороты, следуя назначенному курсу.

– Значит, пора? – спросил Йован, не выдержав гробовой тишины, возникшей после слов капитана.

– Да. Ступайте в кубрик. Я должен еще раз перепроверить все показатели, а затем присоединюсь к вам.

Все молча стали отступать к выходу.

– Надя, Ясир, проследите за ним, – велел сержант подчиненным, указывая на исландца, лишний раз демонстрируя свое недоверие к нему. – Я еще раз посмотрю, не забыли ли мы что-либо в вездеходе.

– Да, сержант, – ответила Надя.

В кубрике их поджидал Вадим Георгиевич. Старик последние сутки только и жаловался, как ему страшно надоело лежать на пятой точке и без конца наблюдать за ржавым пятном на потолке, успевшим обрести очертания всех известных ему зверей.

– Ну, что там? – он задал вопрос с нетерпением.

– Входим в субэкваториальный пояс, – сказал Матвей и сел на койку.

После недолгого молчания Вадим Георгиевич произнес:

– Значит, началось?

Собиратель кивнул.

Арина сидела в своей угловой койке и укладывала патроны в магазин выделенной ей винтовки. Рядом с ней на тумбочке лежал созданный ей метеодатчик, с которым она молча и усердно возилась эти два дня, ее ваттбраслет, а также парочка взявшихся невесть откуда книг.

Собиратель подошел к ней, сел рядом на край койки и, заметив знакомую ему книгу на тумбе, решил использовать это в качестве предлога для начала беседы:

– Достоевский, «Преступление и наказание»? – Он присвистнул. – Где ты это достала? – Он взял книгу в мягкой обложке и полистал ее пожелтевшие и помятые страницы, с удивлением обнаружив, что та были издана почти сто лет назад, в 2015-м году.

– На складе, – ответила она с ноткой безразличия, – я там много чего интересного нахожу.

– Вот как? Думаешь, Лейгур не возражает, что ты лазаешь по его складу?

– Он не возражает. Более того, он позволил мне брать оттуда все, что мне заблагорассудится. Аккуратнее! Чуть закладку не выронил.

Матвей заметил, что из книжного блока показался выцветший от времени фантик от шоколадного батончика «Сникерс», служивший закладкой.

– Не возражает? Когда это ты с ним общалась?

– В тот день, когда мы наткнулись на этот корабль. Вы еще с Йованом ввалились в эту минуту на мостик как бешеные.

– Ясно, – выдохнул Матвей и осторожно вернул книгу на тумбочку. – Книга трудная, не думаю, что ты ее поймешь.

– Я все понимаю. Как видишь, одну треть уже прочитала. – Она с упреком посмотрела на него единственным глазом, поскольку второй был скрыт повязкой. – Уж если метеодатчик смогла смастерить, то и книги наших предков пойму.

Матвей остро чувствовал, с какой неохотой Арина беседует с ним. Словно бы его присутствие ее раздражало.

– Мне надо в уборную. – Она резко вскочила и направилась к двери туалета, оставив Матвея в полном недоумении. Последнюю неделю девушка в его глазах казалась ему совершенно другим человеком.

Минуту спустя послышался голос Вадима Георгиевича:

– Это нормально.

Матвей вопросительно посмотрел на него.

– Такое поведение в ее годы. Моя Маша тоже была сама не своя в шестнадцать-семнадцать лет. Просто они ищут себя в этом возрасте, и в эти мгновения их лучше не трогать и довериться самим себе. А учитывая, как резко поменялся для Арины ее привычный мир, так это и вовсе немудрено.

– Она вообще не должна быть здесь, – тихо произнес Матвей. – Ее место там, на Востоке, в безопасности.

– Но тем не менее она сделала выбор, и, увы, вам нужно это принять, – мудрым голосом ответил старик. – А время вспять, к сожалению, мы повернуть не в силах.

Совсем скоро в кубрик спустилась остальная команда, и помещение стало казаться ужасно тесным. Лейгур тщательно закрыл люк, ведущий на палубу, и под пристальным взглядом Нади убедился в доступности прохода в машинное отделение и далее в трюм через коридор.

Каждый занял свою койку – к счастью, их хватило ровно на десять человек, – и разложил собранное им для коротания времени на тумбочку. Сержант так и вовсе ничего не взял, если не считать оружия и боеприпасов, а вот Йован мелочиться не стал и понабирал всякой всячины: книги (некоторые из них даже не на русском языке), потрепанные журналы, шахматную доску и алюминиевую коробочку с неизвестным содержимым.

– Ты прямо как белка, все, что плохо лежит, – в норку, – с шутливым тоном подметил Матвей, обращаясь к другу.

– Ну а чего добру пропадать? Хоть время убью. Это ж целых два дня куковать тут! Рехнешься ненароком... – Он обернулся к вошедшему к ним исландцу: – Да и хозяин этих вещей не против, если я их позаимствовал на время.

– А ты его спрашивал?

– Нет. Я просто знаю, что он не против, – хитро подмигнул ему здоровяк и ударил ладонью по прикладу своей винтовки, которую теперь всегда носил с собой еще с момента перестрелки на полуострове.

Лейгур прочистил горло, поднеся перевязанную ладонь ко рту, и попросил минуточку внимания:

– Запомните главное: без паники. Если мерзляк и объявится, все, что от вас требуется, – это сидеть ниже воды тише травы... Вроде у вас так говорят, да?

Вадим Георгиевич поспешил его поправить.

– Наоборот: ниже травы, тише воды.

– Одним словом, не шумите, и тогда мы спокойно минуем этот участок океана, – пропустив мимо ушей слова старика, продолжил исландец. – Поверьте мне, я не первый раз проплываю здесь.

Пояснив короткий инструктаж, Лейгур устроился на самой дальней и близкой ко входу койке.

– Все забываю спросить, что у тебя с рукой? – поинтересовался сержант.

– Пустяки. Порезался, когда ковырялся в аккумуляторе, – ответил тот.

Взгляд Лейгура на мгновение встретился со взглядом Матвея, и второй, заметив таинственный блеск в его глазах, вдруг понял: исландец знает, что я видел его странное поведение этой ночью.

Лучше глядеть за ним в оба.

В полдень все собрались за общим столом к обеду.

Матвею кусок в горло не лез и, как оказалось, не ему одному: все лениво перебирали между пальцами вяленые куски мяса и бросали настороженные взгляды к потолку.

Напряжённое молчание разбавляли металлический скрип, раздающийся из нутра траулера, и отдаленный гул машинного отделения. Снаружи ярко горело солнце, светлые лучи которого просачивались через парочку иллюминаторов, подсвечивая скромный обеденный стол.

– Эй, Матюш, – нарушил напряжённую тишину Йован. – У тебя те игральные карты с собой?

Матвей кивнул и указал на ящик тумбочки.

Здоровяк в предвкушении потер руки.

– Отлично! Ай да в Дурака, а? Время хоть убьем.

Собиратель с безразличием пожал плечами.

– Можно.

– Отлично. Так, кто с нами? Арина, ай да к нам, надерем задницы этим прогрессистам. – Он подмигнул девушке.

Уткнувшаяся в книгу Арина покачала головой:

– Без меня.

– Ну как хочешь.

– Пфф... – отозвался Тихон, прежде хранивший молчание с самого начала их вынужденного заточения. Мальчишка даже театрально закатил глаза.

– Чего это ты там фыркаешь? – спросил Йован.

– Дурак... Скука смертная, – деловитым тоном произнес пацан. – Ты бы еще Пасьянс предложил разложить.

– А что не так с Пасьянсом? – подал голос Вадим Георгиевич, лежавший неподалеку.

– Да все не так, уснуть можно за такими играми, азарта никакого. Вот то ли дело покер или на худой конец блек-джек...

Глаза у мальчишки загорелись.

– Чего-чего? – переспросил Йован. – Никогда о таких не слышал.

Тихон обратился к Матвею:

– Покажешь карты?

Собирателю усмехнулся, но из любопытства достал карты и передал их Тихону. Неожиданно мальчишка взял колоду и быстро стал пересчитывать карты. Однако даже это простое действие превратилось в настоящее зрелище. Его пальцы деликатно касались каждой карты, вытаскивая её из колоды и медленно перекладывая в другую стопку. Это не просто механический процесс, это был целый ритуал.

Каждая карта казалась важной, как будто Тихон прочитывал её историю перед тем, как переложить. И, когда он дошёл до последней карты, парень на мгновение задержал ее в воздухе, словно давая ей возможность проститься с остальными, перед тем как присоединиться к новообразованной стопке.

– Пойдет.

Затем, поймав на своих руках ошарашенные взгляды команды – даже Арина не упустила этого зрелища, отложив томик Достоевского в сторону, – он продолжил свое небольшое представление. Разделил колоду на две части и, прижав их к столу обеими руками за торцы, большим пальцем стал слистывать их со стороны угла. В кубрике раздался приятный шорох пластика.

– Ну шкет... – не подобрав слов, с ухмылкой отозвался Йован, зачарованно наблюдая за колодой. – Где ты такому научился?

– Там, где научился, уже не учат, – ответил он, положив карты на стол.

– Вот опять ты дерзишь... – вмешался Матвей.

– Играть-то будем? – быстро проговорил Тихон, и руки его снова потянулись к колоде.

– Ну выкладывай, как хочь играть в этот твой, как его там, покер? – с неподдельным любопытством произнес Йован.

– Только нам понадобятся фишки. Без фишек поиграть не выйдет. – Мальчишка принял задумчивый вид. – Точно! Это сойдет...

Он резко встал со стула и направился к выходу из кубрика, но сержант поднялся с места и перегородил ему выход:

– Куда это ты собрался?

Тихон отошел на шаг назад, и в его глазах промелькнул страх: Миша был единственным человеком на борту, которого он искренне боялся и перед которым не осмеливался дерзить – особенно после того инцидента, когда Миша выстрелил ему под ноги.

– На склад. Вроде ж можно, – пробормотал он.

– Пусти его, Миш, – вмешался Вадим Георгиевич. – Не сбежит же он от нас в самом деле.

Сержант еще несколько секунд испепелял парня взглядом, но все же послушался начальника и нехотя отступил, позволив парню пройти.

– Пацан, – окликнул его исландец.

Мальчишка обернулся.

– Без этого внутрь не зайдешь. – Он бросил ему громоздкий ключ от трюма, который тот ловко поймал.

– Спасибо, – пробормотал подросток и пулей вылетел в коридор.

Через несколько минут он вернулся в кубрик с металлической коробочкой, доверху наполненной пуговицами разных цветов и размеров, предназначенными для продажи.

– Умно, – подметил с ухмылкой исландец, обратившись к парню.

Тихон протянул ему ключ, но сержант успел перехватить его, выдернув из ладони.

– Побудет у меня, – твердо ответил он, положив его в передний карман.

Скользнув по сержанту испуганным и одновременно ненавистным взглядом, Тихон вернулся к столу и вывалил из коробки горсть пуговиц.

– Вот и фишки, – довольно произнес он.

– О, у меня как раз одна оторвалась на куртке. – Йован стал копаться в кучке и, выудив одну красного цвета, обратился к Лейгуру: – Пол ватта за такую? Идет?

– Бери задаром, я сегодня щедрый, – спокойно ответил капитан.

Здоровяк хихикнул и положил понравившуюся ему пуговицу в карман.

– А нитки у тебя есть? Зашить-то хоть.

– Мне правила объяснять или нет?! – уже не выдержав, громко произнес пацан.

– Да не кипишуй ты так, шкет! – Йован театрально поднял руки вверх. – Не видишь, торгуюсь я с человеком. Ладно, выкладывай уже про этот свой покер.

Следующие двадцать минут Тихон объяснял правила игры, попутно в качестве примера отыгрывая пробную партию.

– У каждого две закрытые карты. Пять общих будут выкладываться на стол. Ставки после каждого круга открытых карт. – Он кинул взгляд в сторону горсти пуговиц, которую распределил между игроками: Матвеем, Йованом и им самим. – Выигрывает тот, у кого лучшая комбинация из пяти карт, или тот, кто останется в игре, когда все остальные сбросят.

Сначала терминология с трудом укладывалась в голове. Все эти «сеты», «флопы» и «стриты» казались полнейшей тарабарщиной, но спустя несколько партий Матвей окончательно понял правила игры.

Прежде бывший слушателем Вадим Георгиевич решил присоединиться к игрокам.

– Куда вы, начальник? Вам лежать надо! – попытался остановить его Ясир.

– Спасибо тебе за заботу, дружище, – ласково ответил ему старик, – но Бог мне свидетель, если я не приму вертикальное положение хотя бы ненадолго, я сойду с ума. К тому же... – Он посмотрел на стол, в центре которого уже лежал «банк» из пуговиц, поставленный игроками. – Я тут понаблюдаю за ними, послушал, и мне захотелось тоже поучаствовать.

Ясир с сожалением пожал плечами и уступил ему место, предварительно убедившись, чтобы мужчина как следует уселся за стол.

Матвей заметил, как Тихон с небольшой толикой сожаления наблюдает за нелегкой попыткой старика сделать привычное движение – сесть.

– Ну, пацан, делись пуговицами... то есть фишками, – сказал старик, усевшись. – И напомни еще раз, какие сколько стоят. – Затем он обернулся через плечо к арабу: – А ты, Ясир? Может присоединишься к нам?

– Не могу, начальник. Мне нельзя.

– Ах точно, – отмахнулся старик и, обернувшись, встретил на себе вопросительный взгляд Тихона: – Ясир – у нас мусульманин, им запрещены азартные игры.

– Даже если на кону пуговицы? – с усмешкой произнес Йован.

– Даже если на кону пуговицы, – вполне серьёзным тоном ответил араб.

– А что ты, Надя? Может, к нам? – спросил начальник у подчиненной.

– Обойдусь, – бросила она, хоть и не без интереса иногда посматривала на стол, когда игроки вскрывали карты, выясняя, чья комбинация выиграла и случился ли блеф.

– Сержант? – не сдавался Вадим Георгиевич.

Миша молча поднялся с койки, подошел к столу, пристально осмотрел карты и молча сел рядом с начальником.

– Раздавай, – приказным тоном выдал он.

К сержанту присоединился Домкрат, и партия в покер стала набирать совершенно иные обороты. Угрюмому и вечно неменяющему своего выражения лица немому прогрессисту удавалось прекрасно блефовать, не выдавая себя, чего нельзя было сказать о Йоване, который каждый раз, заполучив плохие карты с раздачи, шепотом матерился, думая при этом, что его никто не услышал, а при хороших картах то и дело широко улыбался, радостно постукивая пальцами.

Сержант играл агрессивно, давая оппонентов большими ставками, а вот Вадим Георгиевич, напротив, размышлял над каждым ходом добрую минуту.

Матвей предпочитал пасовать в начале партии в ожидании хороших карт, но совсем скоро ему наскучило бездействовать, и он стал входить в игру, имея плохую руку²¹, что стоило ему львиную долю пуговиц-фишек на его стороне стола.

– Ну что, пацан, играем по-крупному? – серьезным тоном объявил Вадим Георгиевич и передвинул все свои пуговицы в центр стола. – Ставлю все.

Оставшись с Тихоном один на один – все игроки пасовали – Вадим Георгиевич пошел ва-банк на ривере²² когда на столе лежали три карты пик: дама, король и валет; шестерка червей и восьмёрка бубен.

Матвей ненароком подглядел в карты Тихона: шестерка бубен и десятка трэф – у него была слабая комбинация в пару шестерок, продолжить игру с которыми крайне рискованно.

²¹ **«Плохая рука» в покере** – это комбинация начальных карт, которая имеет низкий потенциал для формирования выигрышной комбинации по мере развития раунда.

²² **«Ривер» в покере** – это пятая и последняя общая карта, которая выкладывается на стол в играх таких как Техасский холдем и Омаха. После того как ривер выложен, следует последний круг ставок, после которого, если игра доходит до этого момента, происходит раскрытие карт и определение победителя. Ривер часто является решающим этапом игры, на котором становятся известными все карты и игроки принимают окончательные решения.

Зная, как хорошо и осторожно играл мальчишка все это время, наглядным подтверждением того была куча пуговиц рядом с ним, Матвей был уверен, что парень спасует и сохранит свой выигрыш. Но он поступил совершенно иначе:

– Легко, – уверенно заявил Тихон и ответил на ставку, передвинув соизмеримое количество пуговиц.

Вошедший в азарт Вадим Георгиевич бросил на стол семёрку и тройку треф, собрав флеш²³. Увидев более сильную комбинацию, Тихон сбросил свои карты и с досадой прошипел:

– От же..!

– Хе-хе. – На лице Вадима Георгиевича образовалась довольная улыбка.

– Новичкам везет, – бросил Тихон.

– Какой же я новичок? Я уже профессионал, – довольным и одновременно горделивым тоном сообщил старик. – Смотри, сколько пуговиц! Хватит, чтобы пришить ко всем курткам в Антарктиде.

В то время как Вадим Георгиевич с торжествующей улыбкой сгребал к себе пуговицы, Матвей с особой внимательностью следил за реакцией Тихона. В его голове образовалась вполне закономерная мысль: возможно, мальчишка, имея слабые карты на руках, сознательно принял рискованную ставку старика, чтобы дать ему выиграть? Был ли это изощренный способ искупить свою вину перед Вадимом Георгиевичем? Если это было так, то этот поступок раскрывал бы глубину доброты Тихона, которую тот умело скрывал за язвительным характером и острым языком.

– На сегодня игр достаточно, – объявил сержант, встав из-за стола.

– Меня так увлекло, что я и забыл, где мы находимся, – устало произнес Йован.

– Который час? – спросил Вадим Георгиевич у Миши.

– Пол девятого.

Йован присвистнул.

– За покером время летит незаметно. – Тихон стал собирать карты со стола, собирая их в аккуратную колоду.

– Да уж, – согласился здоровяк.

– Ну, вроде пока без приключений, – заметил настороженно Ясир, глядя в потолок.

Матвей, последовав его примеру, добавил:

– Надеюсь, так и продолжится.

Затем он посмотрел в сторону койки Арины. Девушка, вопреки их громким разговорам, уже крепко спала, отвернувшись к стене.

Несмотря на глубокую ночь и минувший тяжелый день, никто из команды не решился заснуть, беспокойно ворочаясь в койке или же тупо пялясь в потолок.

Еще утром Матвей знал, что этой ночью ему не удастся поспать. Все, на что он надеялся, – это хотя бы немного подремать, набравшись чуточку сил, но и здесь ему не повезло.

Перед глазами карточные масти смешались с лицами его команды и короткими воспоминаниями о сегодняшней игре. Через минуту их смыло невидимой волной, и перед глазами возникла Арина, совсем маленькая. Он берет ее на руки под строгим присмотром ее отца и осторожно покачивает на руках. Это крохотное создание, укутанное в тряпье, виделось ему тогда самым беззащитным существом на свете.

– Мы назвали ее Ариной, – сообщил дядя Крюгер с небольшим акцентом.

Арина... Арина... Сестренка!

²³ «Флеш» в покере – это комбинация из пяти карт одной масти, не образующих последовательности. Сила флеша определяется самой высокой картой в этой комбинации. Например, флеш от 10 до туза одной масти будет сильнее флеша от 2 до 6 той же масти. Флеш считается довольно сильной рукой и часто позволяет выиграть партию.

Его первый рейд в захваченные земли. Отец стоит с ним пятнадцатилетним на передней части корабля, облокотившись о фальшборт.

– Тебе не нужно бояться, – говорит он.

Матвей молчит, хоть сердце его и колотится от ужаса. Он столько раз слышал те ужасные истории о мерзких насекомых, захвативших их родной дом. От одной только мысли о том, что он встретит их воочию у него, по спине пробегает дрожь.

– Я тебе расскажу одну историю, – произнес отец, – из древнегреческой мифологии. Твой дед часто рассказывал мне такие, когда я был совсем маленьким, говорил, что в них скрыта мудрость всего человечества. Но одна мне запомнилась больше всего: про Персея и Медузу Горгону.

Матвей всмотрелся в заходящее солнце далеко на горизонте и приготовился слушать.

– Главным героем был Персей – смелый, ловкий и изобретательный юноша. Однажды он получил задание убить Медузу Горгону, существо с женским лицом и змеями вместо волос, один лишь взгляд которой превращал человека в камень. Персей знал это и стал готовиться к предстоящей схватке. Сперва он хитростью получил крылатые сандалии у вещей старух, отобранных у тех единственные на троих глаз и зуб. Затем принял в подарок от Гермеса меч и по его совету отполировал до блеска свой медный щит. Только после этой подготовки герой отправился в логово Горгоны. И вот начинается та часть истории, которую мой отец особенно любил пересказывать. «Знаешь, как Персей победил Медузу? – спрашивал он. И сразу же отвечал: – Он наблюдал за её движениями в отражении своего щита, выждав момент, поднялся на крылатых сандалиях и отрубил ей голову мечом.

Матвей ухмыльнулся, одоблив хитрую уловку Персея.

– Отец всегда говорил, что мне нужно быть как Персей и, прежде чем вступать в бой, учитывать каждую мелочь, способную решить исход сражения. Вот и ты, Матвей, прежде чем вступать в бой, всегда думай наперед.

Но вдруг отрубленная голова Медузы, всплывшая в воображении юного Матвея, сменяется на другую голову...

Он помнил, словно это было вчера. Телевидение уже не работало, как и интернет; электричество – как повезет, если был генератор или домашний ветряк с солнечной панелью.

Минуло всего пару недель, как с неба стали падать десятки тысяч метеоритов, несшие в своих недрах мерзляков, жутких тварей, предвестников заката человеческой цивилизации. Две недели – и они, подобно саранче, стали распространяться по всему миру, пожирая и уничтожая все живое на своем пути.

Матвей вместе с отцом и матерью сбежали из Москвы и укрылись в небольшом лесном домике на территории турбазы. План был такой: пополнить запасы продовольствия, зарядить электромобиль и ехать дальше на юг, подальше от городов, где мерзляков было особенно много. Тогда еще никто не знал, что твари уязвимы к холодному климату, и поэтому те, кому удалось пережить первые волны атаки, действовали подсознательно, на уровне инстинкта, убегая как можно дальше. Лишь бы выжить.

Когда отец оставил их с матерью одних, отправившись на поиски продовольствия, рядом с домиком появился один из мерзляков. Матвей видел его: как тень, перебирая своими шестью конечностями, чудище размером с отцовский электромобиль подкралось к набирающей из колодца воды матери. Матвей заметил монстра, заметил еще когда мама была жива и ничего не подозревала о надвигающейся на нее опасности. Ему захотелось закричать, предупредить ее, но от страха ком застрял в горле, а вместо крика изо рта вырвалось лишь сопение.

И вдруг пришелец взмахнул лапой возле ее головы, тихо, словно мечом. Ее обезглавленное туловище упало наземь, а голова покатилась по асфальтовой дорожке и, обернувшись к нему, остановилась возле бордюра.

Он запомнил выражение ее лица в этот миг. Она была не напугана, вовсе нет, на лице застыло выражение непонимания. Что случилось? Почему я не чувствую тела?

Чувствовала ли Медуза Горгона нечто подобное, когда Персей отсек ей голову?

Мама... Мамочка... Мама!

Видения прошлого, подобно кинофильму, возникшему перед глазами, растворились в мгновение ока, когда сверху донесся тяжелый грохот и жужжание.

Все разом повскакивали с коек.

Клацнули затворы винтовок, прогремели сотни лежавших пуговиц в металлической коробке.

Все взгляды команды как один устремились к потолку наряду с дулами винтовок.

– Тс-с! – Матвей поднес указательный палец к губам и шепотом произнес: – Ни звука.

Команда затаила дыхание.

Сверху донесся жуткий скрежет. Казалось, что огромные когти царапают по металлу.

Тихон в ужасе прижался к стене, будто желая раствориться в ней, лишь бы не находиться здесь.

– Это он? Жук? – задыхаясь от страха, в панике бормотал он.

– Заткнись! – громким шепотом велела ему Арина, пригрозив кулаком.

Мерзляк стал перемещается по палубе. Звуки его шагов напоминали стук крупных капель дождя по жестяной крыше, только куда более низкие и тяжелые. Взгляды команды хаотично бегали от одной части потолка к другой, будто в надежде угадать, в какую именно сторону передвигается существо.

Внезапно послышалось щелканье, так знакомое уху Матвея. Звуки нарастали, становились чаще, а затем стали сбавлять темп.

Капля пота стекла с его лба и попала в глаз. Он не пошевелился, не позволив себе даже моргнуть. Палец все еще был прижат к губам.

Шаги мерзляка становились громче и отчетливее. Вероятно, он стоял прямо над их головами: вынюхивал, изучал, вслушивался...

И вдруг в кубрике послышался грохот. Отступающий к стене Тихон, не отрывая глаз от потолка, невзначай локтем задел коробку с пуговицами. Сотни пластиковых и железных кружков попадали на пол, создавая звук, похожий на множество маленьких бубенцов, а вместе с ними лязгнула и упавшая следом металлическая коробка для их хранения.

Дыхание замерло. Сердце бешено колотилось. По телу пробежали холодок и дрожь.

Мерзляк защелкал с новой силой, и через мгновение раздался громкий удар, эхо которого разнеслось по всему кораблю. Существо пыталось проникнуть внутрь.

– К стене, к стене! – велел Матвей, указывая в противоположную сторону кубрика, где лежал Вадим Георгиевич.

Все разом образовали живую стену и прицелились.

– Надя... – обратился сержант к подчиненной.

– Уже...

Прогрессистка достала из-под койки ту самую огромную снайперскую винтовку и коробку с патронами.

Сверху раздался скрип металла, а затем режущий ухо скрежет. Мерзляк прорвался в надстройку и теперь, быстро перебирая конечностями – от этого звука сердце уходило в пятки – и без конца щелкая, стремительно спускался по лестнице к люку, ведущему в кубрик.

– Живее, живее! – подначивал сержант Надю.

Она разложила сошки, положила винтовку на стол и зарядила ее гигантским патроном размером с два средних пальца и прижала приклад к плечу.

В это мгновение люк кубрика согнулся, как лист бумаги, от сильнейшего удара, а через секунду отлетел полностью.

Во мраке белые глаза существа засветились ярче; оно разинуло гигантскую пасть и стало махать своими крыльями, пытаясь втиснуть в кубрик свое уродливое, с виду неповоротливое черное тело, покрытое пленкой едва заметной слизи.

От частоты щелчков, которые издавал мерзляк, голова шла кругом.

Существо прорвалось внутрь помещения и стремглав бросилось на них, но Надя нажала на спусковой крючок. Выстрел был такой силы, что волна от вылетевшей не то пули, не то снаряда подвинула стол, на котором стояла винтовка. Не то пуля, не то снаряд вонзились в мерзляка, но не убили его, заставив лишь попятиться.

– Огонь! Огонь! – скомандовал сержант.

Но еще за секунду до его команды все принялись стрелять, всаживая в существо десятки, сотни пуль.

Брюхо мерзляка плевалось зеленой жижей, отстреленные конечности разлетелась по сторонам; оно ревело, но не сдавалось, упорно двигаясь на команду. Клацанье, исходившее из его пасти, стало прерываться, оно захлебывалось.

– Все! Все! – закричал сержант. – Прекратить огонь!

Выстрелы утихали один за другим. Понадобилось добрых десять секунд, прежде чем они умолкли окончательно.

От мерзляка исходил тихий свист и мерзкое чавканье. Пришелец превратился в громадное решето, напоминая больше бесформенный кусок мерзкой плоти.

Целую минуту никто не осмелился даже вздохнуть, пристально наблюдая за пришельцем в ожидании, что тот вот-вот снова на них набросится.

– Оно сдохло? – спросил сержант, обращаясь к Матвею.

– Да, – подтвердил собиратель.

– Ты уверен?

Для наглядности Матвей, взяв револьвер, подошел к изувеченной туше. Да, мерзляк был, без сомнения, мертв, но на всякий случай он коснулся его ногой и пнул.

– Уверен, – подтвердил он.

Но дула винтовок не спешили опускаться.

– Вот же дьявол... – дрожащим голосом прошептал Йован. – Сколько пуль мы выпустили в эту тварь?

– Ты... – Надя с ненавистью посмотрела на стоящего рядом с Лейгуром Тихона. – Говнюк мелкий, из-за тебя нас всех чуть не прикончили!

– Потом с ним разберемся, – оборвал ее Лейгур, встав впереди съездившегося от страха мальчишки. Вся прежняя дерзость в миг улетучилась, и теперь он напоминал чуть ли не ребенка.

Капитан обратился к остальным:

– Надо уходить в трюм, переждать там, теперь здесь небезопасно.

– Небезопасно? – уточнил Вадим Георгиевич.

– Эти грохоты наверняка было слышно за десятки миль, а у мерзляков чуткий слух. – Капитан взглянул на Матвея, и тот кивком подтвердил его слова и дополнил:

– Да, они хорошо слышат, как вы теперь уже убедились.

– Берите все необходимое, и уходим как можно быстрее. В любую минуту сюда может прилететь еще одна тварь, возможно, даже не одна. – Лейгур взглянул на труп мерзляка. – С этим разберемся потом.

Все стали спешно брать пищу, воду и спальные принадлежности. Надя помогла начальнику подняться на ноги и довести его до складских помещений.

– Ты как? – собирая в спешке вещи, спросил Матвей Арину.

– Нормально, – ответила она, разглядывая мерзляка. – Значит, вот они какие.

– Да. Только этих я никогда не видел, только слышал, как они выглядят со слов других. – Матвей взял одеяло.

– Там, куда мы плывем, будут твари похуже? – осторожно задала вопрос девушка.

Собиратель взглянул на летуна, так звали подвид этого мерзляка, и, мысленно сравнив с теми, которых он видел, честно сказал ей:

– Боюсь, что да.

Глава 19. Копье

11 февраля 2093 года

Вот уже два дня команда изнывала от нестерпимой духоты, царившей в трюме корабля. Со слов Лейгура, кондиционирование внутри склада отсутствовало, и ничего не оставалось, кроме как терпеть, надеясь поскорее выбраться из этого душающего плена.

Жаре удалось убить в людях всякое стеснение, заставив без малейшего колебания раздеться до нижнего белья, лишь бы больше не ощущать липкую от пота одежду.

Хуже всего пришлось Вадиму Георгиевичу, для которого свежий воздух был жизненно необходим. Старика приходилось постоянно поить, протирать от пота горячий лоб и, стоя рядом, размахивать тряпкой, чтобы создать хоть какой-то комфорт его ослабленному организму. Ухаживали за больным, в основном, Ясир и Надя, и если первый делал это смиренно и молча, то вот девушка каждый раз, давая начальнику воду или слушая его бред, не упускала возможности обвинить Тихона в неуклюжести. Ведь это из-за него все они оказались в пропитанном потом, мочой и дерьмом помещении, где каждый вздох стоил усилий. После, должно быть, сотого по счёту упрёка в свою сторону, мальчишка, в конце концов, не выдержал и высказал всё, что накопилось у него за последние сутки:

– Да пошла ты! Я здесь почти неделю сидел и подышал, прикованный к этой вот балке, и тебе было насрать, а теперь...

Договорить Тихон не успел, потому что Надя швырнула в него пустую флягу из-под воды, угодившую ему прямо в лоб.

– Ведьма! – рявкнул малец.

– Я тебя прикончу, паршивец! – девушка вскочила на ноги.

Матвей и Лейгур были единственными, кто встал между взбесившейся прогрессисткой и не менее рассвирепевшим мальчишкой.

– Помяни моё слово, сопляк, – с яростным гневом прошипела Надя, поглядывая из-за плеча собирателя на Тихона, пытающегося выбраться из крепкой хватки исландца. – Если он умрёт, – она указала на Вадима Георгиевича, – никто из них тебя не защитит. Всажу пулю при первой же возможности, и плевать, сколько тебе там лет! Для меня ты не ребёнок, а ходячая неприятность, из-за которой мы все рискуем сдохнуть!

– Надя, вернись к пациенту, – вежливо попросил её Матвей.

– А ты... – глаза её злобно сверкнули. – Чего ты защищаешь его? Он же грязный пират, ты сам говорил! Такие не заслуживают жить.

Собиратель промолчал. Жара измотала его, сил спорить не было, да и не хотелось раздувать и без того крупную ссору.

– Ты, правда, так говорил? – обратился к нему Тихон.

– Не сейчас, малой.

– Сам ты малой.

Явно обидевшись, мальчишка ушёл в самый дальний угол и скрылся за деревянными ящиками.

Не было беды...

– Вернись к Вадиму Георгиевичу, – по-прежнему сдержанно повторил Матвей Наде.

Девушка ещё некоторое время сверлила его взглядом и затем добавила:

– Я серьёзно, Матвей. Если этот мелкий засранец опять нас подставит... я убью его.

Её угроза прозвучала весьма убедительно.

На следующий день исландец в сопровождении сержанта ушёл на мостик для проверки местоположения судна. Оба вернулись спустя пятнадцать минут, и Лейгур, не скрывая ухмылки, сообщил:

– Автопилот самую малость сбился с курса, но не беда, скоро вернёмся на прежний. Ещё кончаются ватты, нужно, как можно скорее, зарядить аккумулятор.

– Не томи, капитан, – устало взмолился Йован, косясь на люк за его спиной. – Выходить-то можно?

– Пару часов назад мы пересекли пятую параллель северной широты и вышли к тропическому поясу, – выдал исландец в ответ. – Да, выходить можно, теперь мы в безопасности.

Все облегчённо выдохнули и, не собирая вещей, заспешили на палубу.

– Нужно будет убрать труп пришельца из кубрика, – обратился к ним капитан.

– Да уж, я эту вонь даже в трюме унюхал, – пожаловался здоровяк. – Благо я из-за этой духоты толком и не ел ничего, иначе облевал бы тебе весь склад.

Немного подышав свежим воздухом, мужская часть команды принялась избавляться от туши мерзляка в кубрике. Сначала с трудом проволокли её по лестнице, а затем дотащили по настилу палубы к борту. При этом крылья, напоминающие перепонки гигантской летучей мыши, то и дело оказывались под ногами, мешая идти. Помимо отвратительного кислотного запаха, тварь оставляла после себя жирную дорожку зелёной крови, которую ещё предстояло отмыть.

– Вот, видишь, собиратель, – назидательным тоном изрёк сержант, грубо тащивший мерзляка за острую, как копьё, конечность, – пули очень даже способны остановить эту тварь.

– Способны, – согласился Матвей, подталкивая брюхо монстра вперёд. – Только, чтобы убить эту тварь, мы всадили в неё сколько? Пуль двести? – он указал на пулевые отверстия в панцире пришельца. – Даже ваша винтовка с человеческий рост и огромный патрон не сильно помогли.

Йован остановился передохнуть, чувствуя, как от мерзкого запаха к горлу подбирается тошнота.

– М-да, – нехотя признал Миша, – я ожидал от этой модели большей убойной силы.

– Да как ты всё не поймёшь, – устало бросил собиратель и посмотрел на него, – не в силе дело. Скрытность – вот наш союзник. Скрытность и тишина, плюс умение оставаться незамеченными. Силой мы пытались прикончить их тридцать три года назад и проиграли.

– Мы проиграли лишь потому, что не были готовы, – защищал свою позицию сержант, – не рискнули использовать более мощное оружие... Понадеялись на пехоту и технику, а когда поняли, что этого недостаточно, было уже слишком поздно.

– Возможно, – допустил подобную мысль Матвей, – но какой смысл повторять чужие ошибки из прошлого, когда у нас в настоящем и своих предостаточно. Для всех нас будет правильнее сосредоточиться на их исправлении.

– Лучше и не скажешь, – согласился Ясир.

Миша с осуждением посмотрел на подчинённого, но промолчал.

Йован потёр ладони и, взявшись за согнутую конечность мерзляка, произнёс:

– Давайте уже поскорее выкинем эту сволочь за борт и вздохнём спокойно.

Они перенесли труп к фальшборту, разом подняли тварь и выбросили её в море.

Здоровяк напоследок смачно плюнул вслед тонущему пришельцу, посылая проклятия вдогонку.

– Нам ещё соскребать всю эту зелёную жижу со стен, – печальным и одновременно усталым голосом сообщил араб.

– Надо бы девчонок подключить, – высказал мысль Йован. – Глядишь, быстрее управимся, и меньше этой дрянью дышать придётся.

– Давайте-ка передохнём немного, – предложил Матвей. – Лишние пять минут хуже эту вонь не сделают.

Йован хлопнул собирателя по плечу:

– Согласен, дружище, только не пять минут, а час, как минимум.

Вскоре почти вся команда уже кучковалась в тени вездехода, в салоне которого включили кондиционер и перенесли туда Вадима Георгиевича. Старик мирно спал под присмотром врача и Нади, даже имел наглость немного похрапывать.

– С ним всё будет хорошо, – успокаивал Ясир взволнованную девушку, сидевшую возле начальника.

Та лишь едва заметно кивнула в ответ.

В двери появился Тихон. Он в замешательстве посмотрел на Вадима Георгиевича, лежащего на койке, затем обратился к Наде:

– Я...

Прогрессистка, даже не взглянув в его сторону, оборвала:

– Убирайся.

Тогда мальчишка резко развернулся и, хлопнув дверью, быстрым шагом направился в заднюю часть корабля. В его руках Матвей заметил колоду карт, которую тот нервно и уже не так изящно тасовал на ходу.

– Тихон! – позвал его собиратель.

Однако в ответ получил лишь неприличный жест. При других обстоятельствах он не спустил бы пацану эту выходку, но сейчас понимал, что лучше всего будет оставить того в покое.

– Матвей, мой дорогой друг, – обратился к нему Йован, сидевший в тени с красным от зноя лицом. – Сделай милость, принеси воды. Этот треклятый мерзляк окончательно выбил меня из сил.

– Хорошо.

Жара, наравне с усталостью, и правда, сводила с ума, заставляя много пить.

Собиратель отправился к надстройке и наткнулся на Лейгура. Капитан стоял возле изувеченного мерзляком люка и рассматривал повреждения, похоже, оценивал ущерб.

– Картина точь-в-точь как на «Дьяволе», – поделился своим впечатлением Матвей. – Порой удивляешься, откуда у такой, с виду хрупкой, твари хватает сил, чтобы пробить толстую сталь.

Исландец промолчал, и собиратель хотел было его оставить, но потом решил воспользоваться тем, что остался с ним один на один, и спросил:

– Что ты делал тогда ночью на палубе? – указав взглядом на его перебинтованную левую ладонь.

Лейгур посмотрел на него, затем снял повязку и продемонстрировал Матвею глубокий порез, идущий косой линией от большого пальца до мизинца. Приглядевшись, собиратель заметил на ладони, помимо относительно свежего пореза, множество старых шрамов.

– Просил богов о помощи, угощал их своей кровью, – буднично, словно это было в порядке вещей, ответил исландец, после чего засунул руку в карман.

Он снова обратил своё внимание на искорёженный люк.

– Что-то не сильно помогли тебе твои боги, – с нескрываемой издёвкой поддел Матвей.

– Да, не сильно. С каждым годом их жажда всё сильнее, и они требуют всё больше и больше крови для безопасного прохода.

Собиратель взглянул на него, пытаясь понять, смеётся ли капитан над ним или говорит серьёзно? Но на красном лице рыжебородого скандинава не дрогнула ни одна мышца.

– Как скажешь, – проронил Матвей и шагнул в люк, бросив напоследок: – Советую тебе посидеть в тенёчке с остальными, а то у тебя голова на этой жаре, кажется, перегрелась.

Поздним вечером следующего дня собиратель вышел на палубу понаблюдать за звёздами и почувствовать на лице прохладное дуновение ветра.

Пару часов назад на мостике состоялось собрание, на котором Лейгур сообщил, что если не возникнет никаких технических неполадок, то через пять дней они достигнут пролива Ламанш, откуда выйдут к Северному морю, а затем к Балтийскому, после чего прибудут в Санкт-Петербург через Финский залив.

Получается, что уже через неделю он опять окажется на захваченных землях.

Всего одну неделю.

Даже не верится, что это происходит вновь.

Из вездехода послышалось странное жужжание, заинтересовавшее Матвея. По идее, там никого не должно быть. Состояние Вадима Георгиевича стабилизировалось, и его снова перенесли в кубрик, как наиболее безопасное место на судне. Благо сейчас там уже не было такой духоты, как раньше. Собиратель направился к «Титану» и подошёл к приоткрытой двери. Одной ногой он встал на ступеньку и заглянул внутрь.

В салоне Надя собиралась брить чью-то голову и проверяла машинку для стрижки волос. Матвей узнал этот инструмент, поскольку видел его среди множества хлама в трюме. Прогрессистка сделала шаг в сторону, и собиратель обнаружил, что стричь она будет пышные каштановые волосы Арины.

У Матвея засосало под ложечкой. Он хотел было вмешаться, но тут услышал, как Надя выключила машинку и ласково спросила подругу:

– Ты уверена? Может, только немного уберём?

– Нет, как можно короче.

– Но... шрам. Его будет видно ещё сильнее.

– Знаю. Пускай, – а затем Арина добавила: – Да и... надоели мне они.

Надя тяжело вздохнула:

– Ну, как знаешь.

Она снова включила машинку.

Застыв, словно парализованный, Матвей наблюдал за тем, как чудные каштановые локоны падают на пол, обнажая островок коротких волос на голове Арины.

В какой-то момент, Надя почувствовала его присутствие и обернулась, бросив короткий взгляд, в котором было что-то вроде мольбы не вмешиваться. Через несколько минут она завершила процесс, выключила машинку и отошла в сторону. Арина потрогала свою, коротко остриженную голову и улыбнулась, как будто сбросила тяжкий груз.

– Так лучше, – пробормотала она, проведя ладонью по жёстким волосам.

Будучи не в силах смириться с кардинальным преображением близкого ему человека, собиратель предпочёл молча удалиться. Он боялся ляпнуть лишнее и в очередной раз обидеть сестрёнку. Отношения между ними в последние дни и так были не ахти. Его не покидало чувство, что прежняя Арина, которую он знал все эти годы, исчезает у него на глазах, как те прекрасные волосы на её голове.

С чувством досады Матвей вернулся в кубрик. Несмотря на вчерашние усилия всей команды, внутри до сих пор чувствовался кисловатый запах. Некоторые зелёные пятна мерзлячьей крови так и не смогли оттереть со стен. Вадим Георгиевич мирно спал на своей койке, остальные были на мостике или разгуливали по палубе.

Матвей подошёл к своей кровати и с удивлением обнаружил под ней кожаный свёрток, который ему вручила Валерия Анатольевна перед самым их отправлением с «Востока». Он так и не посмотрел, что в нём, напрочь забыв о существовании подарка из-за всех передраг, что случились с ними в течение этого долгого пути.

Присев на край койки, собиратель поднял свёрток и стал осторожно, словно боясь повредить, разворачивать его, пока, наконец, не добрался до содержимого. Это был тёплый шерстяной шарф, связанный её руками. Он понял это сразу, как только ощутил пальцами приятное покалывание грубой овечьей шерсти.

У Матвея засвербело в носу. Он почувствовал, что не заслуживает этого дара. Кто угодно может носить этот шарф, но только не он.

Вдруг в тишине раздался уставший голос:

– Это была твоя мать?

Слегка вздрогнув от неожиданности, Матвей поднял взгляд. Вадим Георгиевич лежал на боку и смотрел на него мутными глазами:

– Та женщина, что дала тебе этот сверток? Я видел тогда вас обоих через иллюминатор перед отъездом с «Востока».

Собиратель покачал головой:

– Нет. Моя мать погибла ещё во время Вторжения.

– А... – понимающе произнёс прогрессист. – Сочувствую.

Неожиданно Матвей ощутил гнетущую пустоту и ему стало так тошно, что захотелось немедленно её заполнить.

– Тогда кто это, если не секрет? – продолжал расспрашивать Вадим Георгиевич.

И собиратель сам не заметил, как начал рассказывать:

– Два года назад я отправился на очередную вылазку обучать молодняк, троих парней. Двое из них были сироты с «Мак-Мердо», обоим уже по девятнадцать стукнуло. Третий был восточником, Пашей его звали. Её сын...

Он взглядом указал на шарф.

– Любила она его страшно, души в нём не чаяла. Единственный он у неё был. Ни других детей, ни мужа не было, только он. Мальчишке исполнилось пятнадцать, когда мы вышли в воды Тихого океана тридцатого ноября. Возрастом как наш шалопай.

Матвей кивнул в сторону палубы, имея в виду Тихона.

– Смышлёный был парень, этот Пашка, схватывал всё на лету, отлично знал теорию по климатологии и метеорологии. Он первым в группе научился читать карты, построенные метеодатчиком. Одним словом, отличный собиратель из него получился бы. Да и сам он всегда хотел им стать, всё мне завидовал. Мелким ходил и умолял меня взять с собой в рейд, когда подрастёт. Ну, я и взял. Матери его пообещал, что буду следить за ним, как следил бы отец за сыном. Клятвенно пообещал.

Старик внимательно слушал и даже подался чуть ближе, чтобы ничего не упустить.

– Для обучения я выбрал Ванкувер, в Канаде. Зимой там достаточно холодно, стало быть, безопаснее. Мы причалили к городу в середине декабря, и я стал показывать им все премудрости моего ремесла. Заодно учил считывать погоду по метеодатчику на практике и выбирать безопасные зоны. И всё шло хорошо, даже, сказал бы, отлично, пока не объявились мерзляки.

Собиратель тяжело вздохнул, вспоминая события тех дней, затем продолжил:

– Мой метеодатчик выдал неверные данные, а я не удосужился как следует их проверить. В итоге температура в городе резко поднялась до пятнадцати градусов, вопреки прогнозу датчика, который за сутки до этого показывал относительно безопасные пять. В таких условиях мерзляков уже можно встретить, правда, в небольшом количестве.

На этом моменте Вадим Георгиевич задумался и вдруг перебил:

– Прошу прощения, но как так получилось, что температура резко повысилась?

– Я долго ломал над этим голову, всё пытался понять, почему аппаратура этого не спрогнозировала... И пришёл к выводу, что в тот день мы столкнулись с довольно редким явлением. В климатологии его называют аномальной атмосферной циркуляцией. Говоря простым языком, над океаном сформировался мощный антициклон, который стал «толкать» тёплый воздух

на север. Этот воздух может перемещаться с такой скоростью и в таком объёме, что местная климатическая система не успевает адаптироваться. Как результат – резкий подъём температуры, иногда на десять или более градусов. Увы, именно его мне не удалось спрогнозировать.

От шарфа вспотели руки, но Матвей, не обращая на это внимания, рассказывал дальше:

– Сотни мерзляков, как по команде, заполнили город. Ребята в это время рыскали по развалинам, учились самостоятельно ориентироваться, находить полезные вещи: батареи там, лекарства с долгим сроком хранения, оружие... Когда я понял, что пришла беда, попытался связаться с ними по рации, но ответа не последовало. Тогда направился в сторону кварталов, куда их послал, и услышал несколько выстрелов, что означало только одно – я опоздал. Оружие у них было, да что толку? Вы сами видели, сколько нужно всадить пуль в одну из этих тварей, чтобы она сдохла. Однако во мне ещё теплилась надежда, что их удастся спасти, стоит только мне вмешаться... Потом я услышал Пашин крик, он звал меня, умолял: «Матвей! Матвей, помоги!»

Нос страшно зудел, глаза наполнились влагой, но собиратель сдержал себя.

– Даже не так – он вопил. Тех двоих парней с «Мак-Мердо», кстати, их звали Гарри и Стефан, пришельцы сразу прикончили, а Пашка ещё отстреливался и всё кричал, звал на помощь. Но я опоздал. На несколько секунд буквально опоздал, рвали они его уже. Только и успел, что выйти на ту улочку и увидеть, как дохляки, такие злобные и уродливые твари, его как тряпку...

Матвей крепко сжал шарф, аж костяшки пальцев побелели.

– Не сберёг я мальчика, не исполнил данного его матери обещания, – собиратель не выдержал и смахнул набежавшую слезу.

– Как же она меня ненавидела! Колотила в грудь, проклинала, желала смерти, – он быстро вытер влагу с глаз и, прочистив горло, сообщил: – Не того вы человека взяли в проводники, Вадим Георгиевич. Хреновый из меня собиратель. Не стоит меня сравнивать с отцом. Вот он – да, он был великим человеком, первооткрывателем нашего ремесла, а я так, даже тени его не стою.

Матвей бережно сложил шарф.

В кубрике воцарилась тишина. Было слышно, как гудит двигатель корабля, как сержант зовёт Ясира подняться на мостик. Потом лязгнули удары по металлу: Домкрат снова что-то чудил с вездеходом.

– Ошибки случаются, – наконец, произнёс прогрессист.

– Только не надо вот этого, – с раздражением бросил ему собиратель.

– Я просто хочу сказать, что даже успеешь ты вовремя – вряд ли тебе удалось бы спасти его. Более того, и себя погубил бы, скорее всего.

– Они погибли из-за меня, понимаете? Из-за меня! Никакая это не ошибка! Я, считай, убил их! – вскочил с койки Матвей.

Вадим Георгиевич с усилием приподнялся и, тяжело пыхтя, сел на край кровати.

– Вот что я тебе скажу, – начал он, – можешь считать себя убийцей, хотя я с этим в корне не согласен.

– Да мне всё равно, что вы...

– Дай мне сказать, – громко прервал его прогрессист и вдруг разошёлся сильным кашлем.

При виде мучений старика, которому за эту неделю действительно крепко досталось, собиратель сдержал себя. Он налил воды в кружку и подал её больному.

– Спасибо, – поблагодарил тот и сделал несколько глотков. Затем вытер мокрые усы, вздохнул, набравшись сил, и произнёс:

– Так вот... Совершенно недопустимо, чтобы ты раскис перед самой высадкой. Нам ещё предстоит долгий и опасный путь от Питера до Москвы и обратно. Для его успешного и безопасного преодоления мне нужен храбрый и превосходно знающий своё дело собиратель.

Поэтому... – Вадим Георгиевич хрипло вдохнул. – Поэтому я хочу поделиться с тобой некой информацией, которая должна на порядок увеличить твою ответственность не только за нашу группу, но и, вполне возможно, за всё человечество.

Сказанное прогрессистом походило на бред, у Матвея зазвенело в ушах, как бывает при повышенном давлении:

– Что вы несёте? – с улыбкой произнёс он.

– Ещё тогда, в вездеходе, ты поймал меня на обмане касательно спутников... или что я тебе там наплёл.

Заинтригованный собиратель вплотную подошёл к старику, взял стул и сел напротив. Ему не нравилось быть обманутым, ведь он считал, что ложь, сказанная в лицо, хуже крепкого удара в морду. Во время того разговора Матвей дал себе зарок, что припомнит этот обман прогрессисту. Но все последующие события заставили его забыть об этом. После всего того безумия, что они пережили, было уже не до обид.

– То есть вся эта «экспедиция» никакая не спасательная?

– Отнюдь, она спасательная. Однако мы спасаем не только мою дочь и её команду, но и то, во имя чего она отправилась в Москву. Ты хочешь узнать, о чём речь?

– Я слушаю, – ответил собиратель, не скрывая подозрений.

Вадим Георгиевич уселся поудобнее.

– Ты когда-нибудь бывал на южном полюсе? А именно на станции «Амундсен-Скотт»?

Матвей улыбнулся:

– Это как спросить, бывал ли моряк на корабле. Конечно, я там был. Многие собиратели непременно заезжают туда, чтобы продать найденные смартфоны, накопители и прочую документацию, которую удалось вынести с захваченных земель. Архивариусы хорошо платят за всё это.

– Да уж, а потом они втридорога дерут с желающих взглянуть на документы тридцатилетней давности. Хорошенько устроились, ничего не скажешь... Но они делают важную работу, чего уж скрывать.

Старик замолчал и с кривой усмешкой уставился в пол.

– И что там, на «Амундсен-Скотт»? – попытался привлечь его внимание собиратель.

– Ах, да, прошу прощения. Немного отвлёкся, вспомнил одну презабавную беседу с тамошним старшим, да упокой Господь его душу. Так вот, моя Маша часто навещала на эту станцию в поисках литературы и статей по микробиологии. Она пошла в свою покойную мать, доктора биологических наук, которая при жизни снабжала её всей возможной информацией в этой научной области. Видишь ли, Валентина, моя жена, верила, что мы обязаны передать нашим детям полученные нами в мирной жизни знания, иначе со временем человечеству будет суждено откатиться в развитии на сотни лет назад, а впоследствии погибнуть. И речь не только о биологии, но и электронике, инженерном и слесарном деле. Одним словом, обо всём, что помогает нам существовать в суровых краях Антарктиды. Всё же мы, люди, не приспособлены к жизни на этом континенте, и лишь построенные почти полвека назад станции с их ветряками и жилыми блоками помогают нам до сих пор выживать. С тех пор «Прогресс» и живёт по принципам, которые заложила моя жена: мы стараемся обучить наших детей всему, что пока ещё знают те, кто успел получить свои знания до Вторжения. Ну, а Валентина так и вовсе организовала целую лабораторию, которой теперь заведует моя дочь. «Наши дети – надежда для всего человечества», – часто говорила она.

Вадим Георгиевич снова потянулся к кружке с водой, сделал пару глотков и прочистил горло.

Матвей не торопил его, приготовившись внимательно слушать.

– Ровно год назад Маша вернулась с «Амундсена-Скотта» вот с таким крохотным, размером с мизинец, накопителем и кипой потрёпанных книг по биологии. Ничего особенного, она

делает это почти каждый год последние лет пятнадцать. Однако именно та поездка принесла ей нечто большее. Но прежде небольшое отступление...

Прогрессист подался вперёд и полушёпотом продолжил:

– Помимо основной работы, у моей Маши есть одно увлечение: она берёт у архивариусов переписки других людей того времени, которые сохранились в памяти смартфонов. Читает их из любопытства, пытаюсь понять, чем люди жили раньше. Мне сначала это казалось неправильным, но потом я подумал: да какая разница? Они уже все давно мертвы.

– Не только ваша дочь увлекается чем-то подобным, – заметил собиратель. – Я знаю, как минимум, десятки людей, с упоением читающих подобные переписки похлеще обыкновенной литературы.

– Немудрено, для них та жизнь кажется фантастикой. В любом случае, я немного отклонился от темы. В июле Маша влетела ко мне в жилой блок и показала некую переписку между двумя людьми, оказавшимися, к её удивлению, вирусологами, то, бишь, из близкой к её стезе области. Они работали в исследовательском центре вирусологии и биологии Москвы. Их переписка велась уже через полмесяца после Вторжения, примерно за сутки до нападения на столицу.

Вадим Георгиевич глубоко вздохнул и серьёзным тоном произнёс:

– В разговоре один из них упомянул некий проект «Копьё», образец которого успешно прошёл испытания и готов к использованию. Заинтересовавшись, Маша отыскала больше информации в этом смартфоне. В частности, переписку его владельца с неким генералом, который постоянно требовал доложить о статусе готовности проекта «Копьё». Там ещё было много подобных диалогов с другими учёными и высшими чинами армии России. Покопавшись более тщательно, моя дочь, в конце концов, узнала, что это самое «Копьё» – не что иное, как токсин, который российская лаборатория разрабатывала для борьбы с мерзляками на основе их ДНК. Причём, исследования начались почти сразу после того, как эти твари вторглись на Землю.

Матвей не верил своим ушам. У него в голове роились сотни вопросов, но он даже не знал, с чего начать, и поэтому предпочёл молчать и слушать.

– Учитывая, что на Москву напали всего через несколько часов после переписки, это лишний раз подтверждает отсутствие дальнейшего общения того вирусолога с остальными. Мы на «Прогрессе» предположили, что наша армия так и не успела воспользоваться этим «Копьём», образец которого, по всей видимости, до сих пор хранится в исследовательском центре. Именно за ним и отправилась моя дочь.

Вадим Георгиевич обеими руками взялся за плечи собирателя и с важностью проговорил:

– Надеюсь, теперь ты понимаешь, Матвей, как важна эта экспедиция? Теперь ты осознаешь всю эту спешку и жертвы, на которые нам пришлось пойти? Всё это во имя наших детей, во имя возможности, которую мы можем им подарить: жить как нормальные люди, истребив мерзких тварей под корень. И если моя дочь погибла, а я не поверю в это ни за что, пока не увижу собственными глазами... но даже если Господь допустил это, то мы, хотя бы, сможем завершить начатое ею и дать всему человечеству ещё одну попытку.

Прогрессист попытался встать на ноги, преодолевая боль. Матвей поспешил помочь ему, хоть и не до конца понимал, зачем он вообще поднимается с койки.

– Прежде я не доверял тебе, – сказал Вадим Георгиевич и вскрикнул от боли. – Но теперь, узнав как следует, я лишний раз убедился, что Бог не зря послал тебя мне, всем нам. И сейчас я прошу только об одном.

Старик протянул ему свою дрожащую ладонь:

– Дай мне слово, что ты не подведёшь нас.

Матвей задержал взгляд на его влажных глазах, размышляя над сказанным. Услышанное прозвучало как небылица, в это невозможно было поверить! Но он верил, верил в каждое слово: речь старика вселила в него безумную надежду.

– Обещаю! – уверенно ответил собиратель и крепко пожал жилистую руку прогрессиста.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ